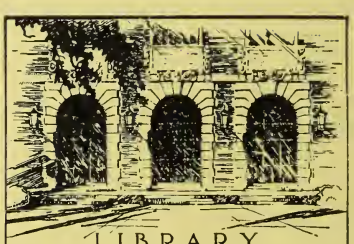


LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
LITE
v. 11

CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS
The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was borrowed on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

SEP 24 1993

SEP 13 1993

When renewing by phone, write new due date below previous due date.

L162

4.00

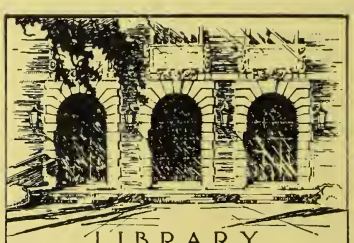
АЛМАНАХ
ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА
ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕОНИДЪ АРЕЕВ
А С

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВ
ВѢРНОСТЬ

П. ГИРШБЕЙН
ОБРУЧЕНІ

Ю. СЛОВАЦКІЙ
ГЕЛІОНТЫ-ЗОЛІОНТЫ



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
LITE
v. 11

АЛ[illegible]АХІ

ИЗДАТЕЛЬСТВА

ШИПОВНИК

4,00

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВ

АНФИСА

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВ

ВѢРНОСТ

П. ГИРШБЕЙН

ОБРУЧЕНІ

Ю. СЛОВАЦКІ

ГЕЛІОНЪ-ЗОЛІОН

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/literaturnokhudo1119unse

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

АЛЬМАНАХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВА

·ШИПОВНИКЪ·

1908 г. Кн. 11 №4.20
1909

КНИГА 11

С·ПЕТЕРБУРГЪ
1909

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ПЕЧАТНОЕ ИСКУССТВО
НЕВСКІЙ ПР., Д. № 140-2.

891.705
LITE
V. 11

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Вѣрность.

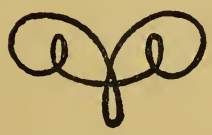
П. ГИРШБЕЙНЪ. Обрученіе.

Ю. СЛОВАЦКІЙ. Геліонъ-Эоліонъ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ Анфиса.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

ВѢРНОСТЬ



Участвующіе:

Константинъ Иванычъ.
Марья Гавриловна.
Даля.
Лялинъ, писатель.
Діалектовъ.
Царевна.
Евдокія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена I.

Мартъ, пять часовъ дня. Большая комната въ квартирѣ Конст. Ив. Первый этажъ особняка. Обстановка простая, въ сѣроватыхъ тонахъ. Видна терраса въ снѣгу, садъ, голыя вѣтви деревъ. Отъ зари пепельно-розовый отсвѣтъ. Конст. Ив. и Евдокія сидятъ на диванѣ. Евдокія куритъ.

Конст. Ив. Видите, сѣдой волосъ. У Мари вчера я тоже нашелъ сѣдую прядь. Вотъ оно, время-то.

Евдокія. Вовсе вы и не такъ почтенны. Сколько вамъ?

Конст. Ив. Тридцать два.

Евдокія. Ну, конечно.

Конст. Ив. Да, а у Мари эта сѣдина мнѣ понравилась.

Евдокія. Это почему?

Конст. Ив. Дѣлаетъ человѣка значительнѣй. Будто знакъ какихъ-то душевныхъ заслугъ.

Евдокія. Благодарю покорно за эти заслуги. Выдумки! Просто устанетъ, натерпится и сѣдѣетъ. Обыкновенно изъ-за васъ же, мужчинъ.

Конст. Ив. Такъ и зналъ — проборка. Простите ради Бога, что нравится сѣдой локонъ. Ради Бога простите.

Евдокія. Хорошо, я вотъ что хочу знать: Маша-то по вашему счастлива? Или нѣтъ?

Конст. Ив. Счастливали? До сихъ поръ хорошо жили. А послѣднее время...

Евдокія. Ну?

Конст. Ив. Да ничего. Какъ-то слишкомъ ровно. Точно рельсы—и по нимъ катишь.

Евдокія неодобрительно качаетъ головой. Конст. Ив. прохаживается.

Конст. Ив. Можетъ быть, это и хорошо... но человѣку мало. Это и Маша чувствуетъ. Видите, (показываетъ на садъ), красная заря. Хочется чего-то такого... необыкновеннаго. Я знаю, вы не одобряете.

Евдокія (тушитъ папироску). Не одобряю. Это отъ сытой жизни... романтизмы всякіе.

Конст. Ив. «Съ жиру бѣсишься». (Пробуетъ мускулы на рукахъ). Да не особенно жиренъ, право.

Евдокія. Не въ томъ дѣло. Вы избалованы— мускулы тутъ не при чемъ. А Маши-то нѣтъ.

Конст. Ив. Она на выставкѣ. Сегодня Союзъ, открытіе.

Слышенъ звонокъ; горничная бѣжитъ отворять.

Навѣрно она.

Входитъ Марья Гавриловна, въ весеннемъ туалетѣ, большой шляпѣ.

Конст. Ив. Здравствуй, другъ. (Подходитъ къ ея рукѣ и цѣлуетъ).

Марья Гавриловна. Здравствуйте. Кто это тамъ на диванѣ? А, Евдокиша! (Обнимаются, крѣпко цѣлуютъ другъ друга).

Евдокія. Наконецъ тебя дождалась. Меня твой мужъ тутъ занималъ, да кажется, я ему надоѣла.

Конст. Ив. Ложь! Сама меня ругала за каждое слово.

Смѣется, идетъ къ выходу.

Марья Гавр. Костя, погоди. Ты изъ дому не уйдешь?

Конст. Ив. Нѣтъ. А что?

Марья Гавр. Я на выставкѣ встрѣтила Царевну, она обѣщалась черезъ полчаса зайти, съ Далей. Что-то нужно тебѣ сказать.

Конст. Ив. Отлично.

Уходитъ.

Сцена II.

Евдокія. Успѣлъ ужъ похвастаться, что у тебя какая-то сѣдая прядь. Будто особенно это умно, прекрасно... Ну, покажись?

Марья Гавр. (улыбаясь). А ты свирѣпая, какъ всегда, на Костю страху нагнала.

Евдокія. На нихъ не очень-то нагонишь. Я не люблю мужчинъ, ты знаешь. Я про твоего не говорю, а такъ вообще... козлы.

Марья Гавр. (смѣется). Козлы! Ты выдумаешь. А однако намъ безъ нихъ трудно.

Евдокія. Сами виноваты. Лѣзете очень, избаловали. Они и зазнались.

Марья Гавр. Да ничего не подѣлаешь, видно такъ ужъ мы созданы.

Евдокія. А, ничего не созданы! Все это слова. Всегда можно себя поставить.

Марья Гавр. Ты, Евдокія, умная, и должно быть сильная женщина, ты другое дѣло. А я не умѣю. Конечно, это глупо и обидно... но что я безъ Константина, напримѣръ? Что я изъ себя изображаю?

Евдокія. Учили насъ плохо. Бабы мы.

Марья Гавр. садится въ кресло, вытянувъ руки. Видъ у ней усталый и тихій.

Марья Гавр. Почему Константинъ заговорилъ о сѣдинѣ? Ему обидно, что ли, что я сѣдѣю?

Евдокія. Напротивъ. Нравится. Говоритъ, что это именно очень хорошо.

Марья Гавр. (усмѣхается). Чудакъ. Что жъ хорошаго? (Помолчавъ). Мнѣ кажется, вообще, Константинъ неспокоенъ. Что-то у него есть на душѣ. Ахъ, Евдокиша, иногда я тебѣ завидую, что ты живешь такъ—одна, никого не любя, отъ себя самой завися...

Евдокія. И нужно завидовать. Ты мнѣ милліонъ дай, не буду ни съ кѣмъ вмѣстѣ жить. Прежде любила—теперь довольно.

Марья Гавр. Холодно такъ, безпріютно. Я не могу. Задохнешься. Тоска возьметъ... нѣтъ, брр...

Евдокія. Когда работаешь, некогда тосковать.

Марья Гавр. Нѣтъ, безъ любви плохо.

Евдокія. Да вотъ ты, напримѣръ, что ты—счастлива?

Марья Гавр. (вновь усмѣхаясь). Когда сѣдѣешь, счастливой быть поздно. Но все же, если любила, есть хоть чѣмъ помянуть жизнь. Даже страданія любви вспоминаются потомъ иначе.

Евдокія. Пустяки разсказываешь.

Медленно входитъ Діалектовъ. Онъ одѣтъ въ блузу и близорукъ.

Марья Гавр. Здравствуйте, Александръ Григорьичъ. (Евдокіи). Позволь тебѣ представить, Ев-

докія, самый ученѣйшій отшельникъ, Александръ Григорьичъ Діалектовъ.

Діалектовъ неловко кланяется.

Діалектовъ. Константинъ Иванычъ дома?

Марья Гавр. Дома.

Діалектовъ. Мнѣ нужно бы его повидать. Можетъ быть, онъ занятъ? Тогда въ другой разъ.

Марья Гавр. Нѣтъ, навѣрно сейчасъ придетъ. А вы пока посидите съ нами. (Улыбается) Если не соскучитесь.

Діалектовъ. Я могу.

Сцена III.

Марья Гавр. (усмѣхаясь). Александръ Григорьичъ, вотъ вы навѣрно очень преданы любви? Правда?

Діалектовъ. Я не понимаю вопроса.

Евдокія. Вы не женаты конечно?

Діалектовъ безнадежно машетъ рукой.

Марья Гавр. Почему презрѣніе такое?

Діалектовъ. Нѣтъ, я лучше убить себя дамъ, только не женюсь.

Марья Гавр. И дѣтей не любите?

Діалектовъ. Нѣтъ, нѣтъ, ужасъ одинъ. Пищатъ, тащутъ все. Мнѣ покой нуженъ.

Евдокія. Такъ-съ.

Діалектовъ. А тамъ пойдетъ гвалтъ, разныя семейныя исторіи... О, Господи.

Марья Гавр. Да вѣдь одному скучно?

Діалектовъ. Я въ прошломъ году снялъ комнату. Комната была ничего себѣ. Ну. И вдругъ, оказывается, хозяйка музыкантша. Чуть съ ума меня не свела, увѣряю васъ. Долженъ былъ съѣхать.

Марья Гавр. Къ чему вы все это?

Діалектовъ. Какъ, къ чему? (Помолчавъ). А вдругъ жена въ консерваторію поступитъ?

Марья Гавр. и Евдокія смѣются.

Діалектовъ. Вамъ смѣшно, потому что вы не работали надъ книгами. А мнѣ это невыносимо.

Евдокія. Если вы женитесь, я не позавидую вашей женѣ.

Діалектовъ. Не женюсь я.

Евдокія. Ого!

Марья Гавр. Что ваша работа?

Діалектовъ. Ничего. Мнѣ хотѣлось достать у Константина Иваныча Соловьева. Вы не знаете, есть у него?

Марья Гавр. (весело). Есть. Не притворяйтесь, просто съ нами скучно.

Входитъ Конст. Ив.

Вотъ и другъ вашъ. Костя, къ тебѣ Александръ Григорьичъ по дѣлу.

Нѣсколько времени онѣ съ Евдокіей сидятъ, разговаривая между собой, потомъ уходятъ.

Сцена IV.

Конст. Ив. Come sta, egreggio?

Діалектовъ (улыбаясь, конфузливо). Я по итальянски еще не учился, не понимаю, что вы спросили.

Конст. Ив. Спрашиваю про здоровье. Видъ у васъ неважный, такой вы согбенный, удрученный премудростями.

Діалектовъ. Да, плохо. (Садится и подпираетъ голову рукой).

Конст. Ив. Я самъ сегодня ослабъ. Съ вами бываетъ, что вдругъ найдетъ такая тупость... Ноетъ,

ноетъ въ сердцѣ. Не знаешь, куда дѣться. Если бы Евдокія тутъ была, она выругала-бъ меня, разумѣется, за распущенность. А при васъ можно.

Ложится на диванъ.

Разскажите мнѣ что-нибудь хорошее.

Діалектовъ. Знаете, Константинъ Иванычъ, у меня къ вамъ небольшая просьба; нельзя-ли, если у васъ есть, взять на нѣкоторое время Соловьева?

Конст. Ив. (привстаетъ на локтѣ, потомъ опять ложится, хохочетъ). Ахъ, Діалектычъ! Вѣчно-равный, мудро-блаженный. Что вы сдѣлали бъ сейчасъ, если бъ случилось землетрясеніе? Побѣжалъ бы домой спасать книжки. Такъ. Вотъ жизнь, я понимаю. Постоянно онъ что-нибудь пишетъ, что-нибудь выискиваетъ... завидно на васъ, право.

Діалектовъ смущенно смѣется.

Конст. Ив. Соловьевъ у меня есть, я дамъ вамъ его, разумѣется. Но сейчасъ лѣнь вставать. Пойдите въ мою комнату, тамъ на средней полкѣ, въ зеленыхъ переплетахъ.

Діалектовъ одобрительно поддакиваетъ головой. При послѣднихъ словахъ медленно и грузно выходитъ.

Діалектовъ (въ дверяхъ). Мнѣ можно тамъ посмотрѣть? Здѣсь стало темно, я плохо вижу.

Конст. Ив. Пожалуйста.

Конст. Ив. лежа куритъ. Сумерки сгущаются. Въ окно виденъ тонкій блѣдный мѣсяцъ. На полу отъ него легкое сіянье.

Марья Гавр. (входя). Ты здѣсь, Константинъ?

Конст. Ив. Здѣсь.

Марья Гавр. Одинъ? Что ты тутъ дѣлаешь?

Конст. Ив. Діалектовъ ушелъ смотрѣть книги, я валяюсь. Поди сюда, Мари. Сядь ко мнѣ.

Марья Гавр. подходитъ.

Марья Гавр, Что, другъ, лежите.. размышляете?

Конст. Ив. Курю, Мари. Вотъ сумерки, мѣсяцъ вышелъ. Смотри, какой онъ чистый, нѣжный.

Марья Гавр. Да, хорошо. (Помолчавъ). Только не заглядывайся на него.

Конст. Ив. Почему?

Марья Гавр. Я только что смотрѣла въ своей комнатѣ. Весенній, молодой мѣсяцъ. Вспомнишь жизнь—защемитъ сердце. Не воротишь, что было. Никакъ.

Конст. Ив. (тихо). Никакъ.

Марья Гавр. Не вернешь вечера, когда мы помирились послѣ ссоры, глядѣли такъ же на мѣсяцъ... и плакали. Какія это были слезы! Теперь ужъ не заплачемъ, Константинъ. Не тѣ мы. Вотъ она, сѣдина, которую ты хвалилъ нынче. (Усмѣхается. Протягиваетъ ему прядь).

Конст. Ив. Скажи мнѣ, Мари, тебѣ плохо жить со мной? Говори, ты неправды не скажешь, я знаю.

Марья Гавр. Отчего же... Ты меня любишь... А вообще—я много думаю о жизни и не могу сказать, чтобъ счастье было особенно легко. Оно дается рѣдко. И минутой. А въ извѣстное время улетаетъ. Такъ свободно улетаетъ, легко... какъ радужный пузырь изъ соломенки. (Встрепенувшись). Ты не подумай, что это я говорю про насъ. Я вообще. Я-то счастлива уже тѣмъ, что люблю тебя, такого... (Наклоняется къ нему, цѣлуетъ въ лобъ). Такого дорогого человѣка.

Конст. Ив. Мари, Мари... Какъ я тебя люблю... Мы утомились нѣсколько, устали... но это пройдетъ. Вновь чувство будетъ ярко. (Цѣлуетъ ей руку). Жизнь моя, молодость, счастье—это ты.

Марья Гавр. Спасибо, другъ. Ну, прости, мнѣ нужно... къ Евдокіи.

Обнимаетъ его и уходитъ.

Конст. Ив. Мари несчастна... Милая Мари, съ блѣдными руками.

Встаетъ, подходитъ къ окну и смотритъ.

А почему? Случилось что-нибудь? (Недоумѣнно пожимаетъ плечами), Я люблю ее очень, очень... Но почему печаль появилась въ моей любви?.. Почему?

Наклоняется къ цвѣтамъ.

Гіацинты пахнутъ сладко, пьяно... но отъ нихъ сердце болитъ еще сильнѣй.

Стоитъ молча, потомъ напѣваетъ: «Звѣзда-а вече-ерня-я моя, ты закатила-ась на-авсегда-а...»

Сцена V.

За дверьми шумъ, смѣются, потомъ голосъ Марьи Гавриловны: «сюда, пожалуйста». У входа появляются Марья Гавриловна, Царевна, Даля.

Царевна. Фу, сурокъ, забился куда-то, его и не найдешь.

Марья Гавр. Дуня, дайте лампу.

Горничная вноситъ лампу.

Царевна (хлопая его шаловливо огромной бархатной муфтой). Хорошъ, я удостоила его визитомъ, привела Дальку, а онъ хоть-бы что.

Конст. Ив. Ты хочешь, чтобы я на стѣну лѣзъ? Дудки!

Царевна. Пахнетъ у него гіацинтами, поэтическій полумракъ. Вздыхалъ тутъ, что ли?

Конст. Ив. Помолчи лучше, болтунъ. Скажи ты, какъ поживаетъ «нашъ высокоталантливый»? Говорятъ, онъ тоже сюда пріѣхалъ?

Царевна. Да. Я къ тебѣ отъ него. Онъ на тебя сердитъ, сказалъ, что больше не будетъ оттисковъ посылать, потому что ты ни гугу. Могъ бы, говоритъ, написать пару словъ. Знаетъ, что мнѣ интересно.

Конст. Ив. А если ругаться буду?

Царевна. Все равно. Если другъ, долженъ правду говорить.

Конст. Ив. Ну виноватъ, дѣйствительно. Мнѣ и вещь-то какъ разъ понравилась. Лѣнь, не могу собраться. Ты ему такъ и скажи.

Марья Гавр. (Далѣ). Какъ вамъ показался Союзъ?

Даля. Мнѣ очень нравится.

Царевна. Надоѣли всѣ эти союзы. Сегодня вернисажъ. Всѣ ходятъ истуканами, мужчины шепчутся, только и пріѣхали всѣ другъ другу показаться.

Марья Гавр. (съ улыбкой). Не тебѣ бы говорить, Царевна. (Конст. Иванычу). Пріѣзжаю я, она бродитъ по заламъ, въ лорнетъ стрѣляетъ...

Царевна. Я люблю лорнеты, что-жъ подѣлать.

Марья Гавр. Сзади хвостъ юнцовъ. Мужчины поигрываютъ. Когда она проходитъ, репортеры строчатъ: «жена извѣстнаго писателя Л.»

Царевна. Это у насъ называется кобельки.

Смѣются. Царевна серьезна.

Конст. Ив. Ты войди и въ ихъ положеніе: явишься ты въ этакой шляпѣ гроденапль, платье цвѣта мовъ, глаза гридеперль, брови сюра...

Царевна. Онъ ополоумѣлъ, совершенно! Марья Гавриловна, лѣчите его, гдѣ-же это видано, чтобы брови сюра...

Конст. Ив. Прости, прости, виноватъ.

Царевна съ Марьей Гавр. встаютъ и говорятъ вполголоса. Потомъ Марья Гавр. выходитъ.

Царевна. Прощай, Константинъ, значитъ тебѣ отъ моего будетъ взбучка. Готовься. А теперь мнѣ некогда. Для развлеченія оставляю тебѣ Дальку. Займи ее. (Протягиваетъ руку для поцѣлуя). Если же абсолютно ничего не выйдетъ, сыграйте въ шахматы. Далька отчаянная игрица. Сдѣлаетъ она тебѣ матъ, Константинъ, смотри... Такой, позорный... Какъ это называется? Въ нѣсколько ходовъ? Киндер... киндербальзамъ?

Даля (смѣясь). Киндерматъ.

Царевна. Вотъ именно этотъ киндерматъ. Привѣтъ!

Выходитъ.

Сцена VI.

Конст. Ив. Вы въ самомъ дѣлѣ такой... Чигоринъ?

Даля. Что вы. Я играла немного съ братомъ, но плохо... (Слегка стѣсняясь, смотритъ по сторонамъ, какъ бы разглядывая комнату).

Даля. Въ этой комнатѣ живете... вы?

Конст. Ив. Нѣтъ. Почему вы подумали?

Даля (смутившись). Навѣрно эти гіацинты... вы любите.

Конст. Ив. Да, угадали. (Взглядываетъ на нее внимательнѣй).

Даля. Такъ показалось. Ну, это пустяки... (розовѣетъ и смѣется). Не обращайте вниманія.

Минуту молчаніе.

Конст. Ив. Что-жъ, сразимся?

Даля. Право, вы меня побѣдите... Впрочемъ, давайте.

Конст. Ив. ставитъ столикъ, достаетъ шахматы и зажимаетъ въ рукѣ по пѣшкѣ.

Конст. Ив. Вамъ которую?

Даля. Эту.

Конст. Ив. Бѣлые мои. (Разставляетъ шахматы). Начинаю. Такъ называемый дебютъ ферзевой пѣшки.

Даля. Вы хотите меня запугать, страшными словами...

Конст. Ив. Когда дурно себя чувствуешь, шахматы превосходны. Въ нихъ абсолютность есть, чистота. Ничьихъ интересовъ они не задѣваютъ. Играешь—и обо всемъ можно забыть.

Даля (дѣлая ходъ). А сейчасъ вы играете тоже потому, что вамъ плохо?

Конст. Ив. Слушайте, сколько вамъ лѣтъ?

Даля. Двадцать. А что?

Конст. Ив. Ничего. (Двигая фигуру). Молода была, зелена была. (Вздыхая закуриваетъ). Я сейчасъ играю по священной обязанности гостепріимства.

Даля. Если скучно, можно бросить.

Конет. Ив. Я шучу.

Играютъ молча. Конст. Ив. напѣваетъ: «Звѣзда вечер-ня-я моя...» Даля обертывается къ окнамъ и смотритъ.

Даля. Мнѣ все нравится здѣсь... у васъ. Мало осталось такихъ старыхъ, хорошихъ домовъ. Садъ, террасса. Какая ночь! Мѣсяцъ. Если бъ не лампа, онъ отлично свѣтилъ бы сюда.

Конст. Ив. встаетъ и придвигаетъ два стула. Потомъ ставитъ на нихъ, рядомъ съ ней, грядку гіацинтовъ.

Даля. Зачѣмъ это?

Конст. Ив. (слегка смущенно). Вы тоже... навѣрно... любите ихъ.

Даля. Да, очень. Благодарю васъ.

Конст. Ив. Продолжаемъ. Вашей королевѣ—гардэ.

Даля. Не страшно.

Конст. Ив. пристально смотритъ на нее и не дѣлаетъ хода.

Даля. Ну?

Конст. Ив. Я смотрю на васъ... Какіе у васъ странные глаза.

Даля. Играйте, вашъ ходъ.

Конст. Ив. Можно сказать вамъ одну вещь?

Даля (робко). Говорите...

Конст. Ив. Да. (Опять всматривается, будто отыскивая что-то). Глаза. На матовомъ лицѣ, совсѣмъ блѣдномъ, поражающей формы глаза... Они у васъ немного неправильно сдѣланы... приподняты углы.

Въ недоумѣніи продолжаетъ всматриваться. Точно сейчасъ только разглядѣлъ и почти испуганъ. Даля смущена. Чтобы скрыть это углубляется въ игру и дѣлаетъ ходъ. Конст. Ив. машинально отвѣчаетъ на ея движеніе. Наконецъ

Даля (оправившись). Вы замолчали, сразу. О чемъ вы задумались?

Конст. Ив. Играйте, Даля. (Она слегка вздрагиваетъ).

Даля. Извольте. Шахъ.

Конст. Ив. Пустое. Отступаю и спасаюсь.

Даля (тихо). Нѣтъ, не пустое. (Дѣлая ходъ) Матъ.

Конст. Ив. Матъ? Невѣроятно. (Вглядывается. Черезъ минуту, удивленный). Въ самомъ дѣлѣ. Конь и королева. (Поднимаетъ на нее глаза. Смотрятъ другъ на друга молча).

Даля (смущенно). Я и сама никакъ не ожидала.

Конст. Ив. Удивительно, странно. Моя партія сильнѣй.

Обоимъ неловко. Конст. Ив. молча убираетъ шахматы.

Конст. Ив. Это Царевна напророчила. Скандалъ, скандалъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена I.

Вечеръ, весна. Берегъ сѣвернаго озера. Огромный камень, у подошвы котораго поплескиваетъ вода. Сосновый лѣсъ, вдали двѣ дачи. Закатъ розовый, вода серебряная.

Лялинъ (сидитъ на камнѣ). Это и есть знаменитое озеро? Какъ ты назвалъ Су—су... забылъ дальше.

Конст. Ив. Суокса. Тебѣ не нравится?

Лялинъ. Озеро хорошее. Днемъ слишкомъ сине А сейчасъ—ничего себѣ. Да вообще этотъ край удивительный—у вашихъ финновъ все устроено не по человѣчески. Ты смотри, пожалуйста, ночи нѣтъ, бѣлесая мгла, озеро серебряное, красноватый тонъ, сосны... Какъ будто для разныхъ лѣшихъ, русалокъ принаровлено.

Конст. Ив. Да, страна чудная.

Лялинъ. Я, положимъ, къ этой чертовщинѣ довольно равнодушенъ, а все-таки...

Конст. Ив. Не раскаиваешься, что далъ себя затащить сюда? Это вѣдь отчасти мой грѣхъ.

Лялинъ. Пустое. А потомъ, разъ Царевна рѣшила, сопротивляться безполезно.

Конст. Ив. Здѣсь у насъ цѣлая колонія—все я вывезъ. Діалектовъ, мой другъ,—Евдокія—ты съ ней кажется ужъ знакомъ? Царевна тутъ безъ тебя много разнообразія вносила въ нашу жизнь.

Лялинъ. А Далька не мѣшаетъ?

Конст. Ив. (нетвердо). Чѣмъ же она можетъ мѣшать? Она ..

Лялинъ. Что она?

Конст. Ив. Она прекрасная.

Лялинъ (смотритъ сбоку, чуть насмѣшливо). Ого! Держись, Константинъ Иванычъ, пропадешь ни за понюшку табака.

Конст. Ив. Почему же это я непремѣнно пропаду? Даля прекрасна, разумѣется. А можетъ пропадешь какъ разъ ты?

Лялинъ (хохочетъ). Я, пропаду? То-есть влюблюсь? (соскакиваетъ съ камня и прыгаетъ). Я влюблюсь?

Конст. Ив. Ты чего скачешь? Царевну же полюбилъ?

Лялинъ (вспрыгиваетъ обратно на камень). Нѣтъ, любопытно было бы меня поглядѣть влюбленнымъ!

Конст. Ив. А вотъ посмотримъ какъ-нибудь, тогда узнаешь.

Лялинъ. Баста, обо мнѣ довольно. Неинтересный сюжетъ. А ты, Константинъ, Іоанновъ сынъ, — слушай: тебѣ сѣти женстіи предстоятъ. Будешь уловленъ. Натерпишься! Таково мое прорицаніе. Dixi.

Конст. Ив. (пожимаетъ плечами). Царевна идетъ.

Сцена II.

Царевна одѣта въ легкое просторное платье съ висячими рукавами.

Лялинъ. Куда направляетесь?

Царевна. Возьмемъ съ Далькой лодку, поплывемъ. Лодка остановится, мы будемъ лежать и въ небо смотрѣть. Ахъ, жизнь наша жизнь! (Слегка кружится и поводитъ летящими рукавами). Константинъ, скажи мнѣ, отчего я не родилась птицей, морскимъ чудищемъ? Улетѣла бъ въ небо, или заплыла Богъ знаетъ куда.

Лялинъ. Ты и такъ на человѣка мало похожа. Напримѣръ, въ тебѣ нѣту стыда.

Конст. Ив. Почему же бы ей быть непремѣнно человѣкомъ? Это вовсе необязательно. Мало ли что на двухъ ногахъ! Развѣ это доказательство?

Царевна (мужу). Зачѣмъ ты лжешь, зачѣмъ говоришь, что у меня нѣтъ стыда? Вотъ еще мерзавецъ!

Лялинъ. Если Костя попроситъ, ты раздѣнешься до гола, я увѣренъ.

Царевна. И раздѣнусь. Что жъ такого? Хотите сейчасъ? Тѣло свое я очень люблю, это вѣрно. (Конст. Иванычу). Вы понимаете, какъ можно тѣло любить? Вѣдь это роскошная вещь.

Конст. Ив. Грѣхопаденія не знала!

Царевна. Какое тамъ грѣхопаденіе! Была когда-то дѣвушкой, теперь женщина, а тѣло по прежнему великолѣпное. (Разсматриваетъ свои ноги). Я увѣрена, что правая у меня интереснѣй лѣвой, и нервнѣй: иногда капризничаетъ, злится, а то вдругъ чуть не танцуетъ. А грудь! Торсъ! Не понимаю я вашихъ грѣхопаденій.

Конст. Ив. Гдѣ ужъ тамъ!

Приближается Даля.

Царевна. Далька, ѣдемъ, а то поздно будетъ.

Конст. Ив. (Далѣ, запинаясь). Вы тоже... полюбили ѣздить такъ?

Даля. Тетя такая милая... Съ ней весело. А потомъ сегодня... чудный вечеръ.

Лялинъ (Далѣ). Да вы чего смущаетесь-то? Не меня ли? Было бы глупо, простите.

Даля (смѣхомъ). Почему вы думаете? Нѣтъ, я ничего.

Царевна. Далька, будетъ болтать.

Даля. Сейчасъ. Константинъ Иванычъ, мы пріѣдемъ часа черезъ полтора, самое большее.

Лялинъ. Что жъ онъ долженъ сдѣлать?

Конст. Ив. Слушай, перестань!

Даля (дѣлая усиліе, чтобы не сконфузиться). Мнѣ необходимо васъ видѣть.

Конст. Ив. Отлично. Буду здѣсь же.

Даля. Спасибо.

Уходитъ.

Сцена III.

Лялинъ. Ты не сердишься? Я вѣдь зря, ей Богу. Празднословіе одно.

Конст. Ив. Вижу. Да не важно это, право. Ахъ, другъ (вытягивая руки, сгибаетъ ихъ)—я чувствую себя очень странно, очень необыкновенно!

Лялинъ. Влюбился.

Конст. Ив. (присаживается на углу камня. Тихо:) Да, люблю. Все вышло такъ неожиданно, удивительно! Я полюбилъ ее сразу. Можетъ это быть по твоему, что въ мірѣ есть двое, предназначенные другъ другу? Тайныя черты, неуловимыя, открываютъ имъ это. И летитъ... все вверхъ дномъ, жизнь ломается, нельзя ухватиться ни за что и ничѣмъ не остановишь. Это называется любовный рокъ. По моему, непремѣнно такъ.

Лялинъ. (бросаетъ камешки въ воду). И по моему.

Конст. Ив. Могутъ они не знать другъ друга—убѣжденій, взглядовъ, нравственныхъ качествъ... Можетъ быть, она преступникъ, или я, для насъ это не важно. Но всѣ женщины должны быть ей прислужницами, и не стоятъ ея мизинца. Всѣ... (хмуро)—за исключеніемъ одной.

Лялинъ. Марьи Гавриловны?

Конст. Ив. Да.

Лялинъ. Какъ же этотъ... вопросъ?

Конст. Ив. Все рушится, все! Восемь лѣтъ я былъ счастливъ съ Машей, любилъ нѣжно, а теперь... ничего. Все гибнетъ. Но я все же люблю ее... И Далю, и ее... вмѣстѣ.

Подходитъ къ Лялину и кладетъ руку на плечо.

Ты меня понимаешь, Лялинъ?

Лялинъ. Понимаю я все. И ничего не понимаю.

Конст. Ив. Какъ это?

Лялинъ. Не переживалъ такого, но могу вообразить.

Конст. Ив. Не вообразишь сладости, и тоски любви, восторга... чувства гибели. Никогда!

Лялинъ. Я писатель. Я человѣкъ холодный—все воображу, что угодно.

Конст. Ив. Ты чудакъ. Почему ты не любилъ? Зачѣмъ воображать?

Лялинъ. Значитъ, не дано. Одни разыгрываютъ романы, другіе пишутъ ихъ.

Конст. Ив. Лялька, глупый.

Лялинъ. Ничего не глупый. Зритель.

Конст. Ив. Даля ѣдетъ сейчасъ въ лодкѣ, по серебряному озеру. О чемъ она думаетъ? Ея короткіе волосы, курчавые, черные, свѣсились внизъ—она непремѣнно лежитъ.

Лялинъ. Вонъ, плывутъ, видишь.

Вдали показывается лодка. Оттуда машутъ платкомъ.

Конст. Ив. Онѣ, онѣ. (Вскакиваетъ на камень и тоже машетъ имъ. Негромко говоритъ: «Даля»). Вдругъ она услышитъ! (Лялинъ тоже машетъ, скоро съ лодки прекращаютъ отвѣчать, и сама она пропадаетъ).

Лялинъ. (обращаясь къ озеру). Ну вотъ, озеро Суокса, на твоихъ берегахъ завязался романъ. Какой онъ будетъ, куда приведетъ, ты не скажешь. Ты плещешь себѣ, плещешь... Мало тебѣ дѣла до насъ.

Беретъ Константина Ив. подъ руку.

Пройдемся. Смотри, какъ чернѣютъ на закатѣ сосны.

Уходятъ.

Сцена IV.

Марья Гавр. и Евдокія. Евдокія въ черной шали.

Евдокія. Сторона чужая. Солнце сѣло—и холодъ. Что жъ никого нѣтъ? Будто тутъ былъ Константинъ Иванычъ съ этимъ... писателемъ.

Марья Гавр. Значитъ ушли. Костя любитъ гулять съ Петромъ Ильичемъ.

Евдокія. И мамзели гуляютъ?

Марья Гавр. Какія мамзели?

Евдокія. Да вотъ, Даля эта... Царевна—прозвали же, правда, какъ.

Марья Гавр. Что ты злишься все, Евдокія, что у тебя за характеръ? И что за выраженія: «мамзели». Даля очень милая дѣвушка... (Пауза). Очень. И Царевна тоже.

Евдокія. То-то, должно быть, что слишкомъ милыя.

Марья Гавр. (сжимаетъ руки). Евдокія, оставь пожалуйста... у меня болитъ голова, вообще я плохо себя чувствую, а ты... все меня точишь, какіе-то намеки... (Въ голосѣ слезы, она сдерживается).

Евдокія (мягче). Прости... у меня характеръ плохой, это вѣрно. Ну, прости, голуба.

Марья Гавр. (смѣясь, въ полуслезахъ). Голуба! Какое актерское слово. Чудачка ты. Развѣ я актерка, Евдокія? Ты Савонаролла...

Евдокія. А ты дурочка. Глупая.

Марья Гавр. (возбужденно). Ну чѣмъ я глупая? Ну скажи на милость? Что съ Константиномъ что-то происходитъ? Что онъ со мной не такой, какъ раньше? Думаешь, я не вижу? Просто онъ влюбленъ въ Далю, по уши, обо мнѣ забылъ, я иду къ какому-то ужасу—хорошо, пусть иду, что же дѣлать? Ревновать? Въ обмороки падать? Да. Я горда, понимаешь, Евдокія, я хоть и ничтожная женщина, но очень горда.

(Задыхается, въ слезахъ). Я ночей не сплю, но Константинъ объ этомъ не знаетъ... Онъ себѣ таетъ отъ Дали, да съ Петромъ Ильичемъ, съ Діалектовымъ разговариваетъ объ искусствѣ. Отлично. А я страдаю. Пусть, онъ объ этомъ все равно не узнаетъ.

Евдокія. Скажи ему прямо. Если разнюнился—до свиданья. Уѣдемъ съ тобой въ Одессу, ко мнѣ, и все. А если пустякъ—гнать эту Дальку.

Марья Гавр. (поднимая заплаканное лицо). Коротко разсудила. Взять и уѣхать. А если... А, да ты Савонаролла, у тебя все просто...

Слышны шаги и голоса.

Идутъ, кажется. (Вздрагиваетъ, вполголоса). Можетъ быть, ты права. О, Господи, вотъ врасплохъ.

Быстро смахиваетъ слезы. Показываются Конст. Ив. и Лялинъ.

Лялинъ. Любовь, по моему, безнадежна всегда. Потому что она есть стремленіе къ неосуществимому. Любовь, какъ Богъ: вездѣ и нигдѣ. Поэтому можно томиться любовью, безпредметно, и нельзя быть счастливымъ съ данной женщиной. Какъ нельзя сдѣлать себѣ кумира, фетиша—и назвать Богомъ.

Конст. Ив. Но вѣдь были же воплощенія? Христосъ, напримѣръ?

Лялинъ. Ну... объ этомъ я не могу сообщить тебѣ ничего утѣшительнаго.—Богъ мой, тутъ дамы! Приближаемся.

Подходятъ.

Сцена V.

Лялинъ (Марьѣ Гавр.). Мы съ Константиномъ какъ платоники: гуляемъ, разсуждаемъ о любви.

Марья Гавр. (улыбаясь насильственно). До чего же вы договорились?

Лялинъ. Онъ мнѣ заявилъ, что я нравственный уродъ.

Евдокія. Неглупо!

Марья Гавр. Въ чемъ же ваше уродство?

Лялинъ. Я говорилъ, что въ молодые годы мои любви были всегда печальны: или она выходила замужъ, или исчезала, или даже я не успѣвалъ съ ней познакомиться. Размышляя о лицахъ, въ которыя я былъ влюбленъ, я убѣдился, что и въ благопріятномъ случаѣ не могъ бы на своей любви основать жизнь: жизнь есть жизнь, а любовь...—этакое (дѣлаетъ кругообразное движеніе пальцемъ)—не вмѣшающееся нѣчто.

Марья Гавр. Все-таки непонятно, за что собственно онъ васъ обругалъ?

Лялинъ. Позвольте, сейчасъ. Изъ скорбнаго опыта я вынесъ взглядъ—еще болѣе скорбный, или радостный, смотря по желанію: любить изъ данныхъ женщинъ не надо никого. Тутъ онъ меня и прихлопнулъ.

Евдокія. Изъ данныхъ женщинъ никого! Посмотрю я на васъ, господа—полоумные вы всѣ. И даже мнѣ васъ жаль. Значитъ же не просвѣтила васъ ни разу истинная любовь—вы и выдумываете.

Уходитъ.

Марья Гавр. Я согласна съ Петромъ Ильичемъ. Никого не надо любить. Все это вздоръ. Жизнь обманъ, ложь. Любовь также. Значитъ, прочь ее.

Конст. Ив. (беретъ ее за руку). Мари, что съ тобой? Мари, успокойся, ты дрожишь...

Марья Гавр. (смотритъ на него долгимъ взглядомъ). Ничего. (Опускаетъ голову и видимо подавляетъ себя). Ничего, милый, я спокойна и весела... видишь? (улыбается).

Лялинъ (Медленно отходитъ къ озеру). Еще союзница!

Конст. Ив. Мари, Мари, намъ надо говорить подробно, много, милая Мари, такъ нельзя...

Марья Гавр. (кротко). Зачѣмъ намъ говорить, мой другъ? Живите, поступайте, какъ вамъ нравится. Будьте собой. Я не помѣшаю вамъ. Я бываю рѣзка... простите... Это усталость. А сейчасъ идите домой, съ Петромъ Ильичемъ. Получена почта, газеты, письма.

Конст. Ив. Нѣтъ, мы еще будемъ говорить.

Лялинъ. Газеты? Костя, идемъ. Мнѣ писемъ нѣтъ?

Марья Гавр. Есть. (Константину Ив.). Идите, я сейчасъ.

Конст. Ив. Почему же ты не хочешь вмѣстѣ?

Марья. Гавр. Я сію минуту приду.

Конст. Ив. Не запаздывай же.

Мужчины уходятъ. Марья Гавр. сидитъ молча, потомъ ложится на прибрежный камень. Рыдаетъ долго. глухо. Плечи ея вздрагиваютъ.

Сцена VI.

Вдоль берега пробирается Даля. Замѣтивъ фигуру на камнѣ, насторожилась

Даля. Константинъ Иванычъ!

Марья Гавр. подымаетъ голову. Увидѣвъ Далю, садится. Даля вскрикиваетъ.

Марья Гавр. Это я. Константинъ дома.

Даля. Простите, я помѣшала.

Марья Гавр. Нѣтъ, ничего. Присаживайтесь.

Даля вздыхаетъ и садится.

Нынче вы кажется катались съ Царевной. Хорошо было? Не холодно?

Даля. Нѣтъ, прекрасно.

Марья Гавр. Отчего же сейчасъ вы такъ блѣдны? Или волнуетесь? (Слегка насмѣшливо). Не нашли чего нибудь?

Даля. Нѣтъ... Стало сыро... надъ озеромъ туманъ...

Марья Гавр. Туманъ! (Вдругъ, странно смѣясь). А я знаю, отчего вы блѣдны.

Даля (робко). Да?

Марья Гавр. Догадайтесь.

Даля (вспыхивая). Я ничего не понимаю, Марья Гавриловна.

Марья Гавр. Будто? А я думаю... (жестко смѣется). Я думаю,—вы влюблены. Стоитъ только взглянуть на васъ.

Даля (рѣшительно). Можетъ быть.

Марья Гавр. Желаю вамъ счастья.

Даля. Благодарю. (Тихо). Можетъ быть, я люблю. Что же тутъ удивительнаго? Да, я люблю... И мое сердце не можетъ быть инымъ, чѣмъ оно есть.

Марья Гавр. Вотъ я и желаю вамъ счастья въ любви. Въ этомъ тоже нѣтъ ничего удивительнаго. Тѣмъ болѣе, что и тотъ, кого вы любите—любитъ васъ.

Даля. Странный разговоръ!

Марья Гавр. Да? А по моему нисколько не странный. Потому что мнѣ тридцать лѣтъ и я привыкла ничему не удивляться. (Сдерживаясь, но видимо горячась). Я нисколько не удивляюсь, что Константинъ полюбилъ васъ. Такъ надо.

Даля. Марья Гавриловна!

Марья Гавр. Ничего, ничего, все прекрасно. Вы великолѣпная, молодая, Даля, у васъ черные глаза, грудь дѣвическая—сила на вашей сторонѣ. Побѣждаете вы—уже побѣдили. Насъ больше нѣтъ. Мы раздавлены. Но и не надо, торжествуйте, пусть!

Даля. Марья Гавриловна, я никого ни у кого не отнимаю, я не знаю, о чемъ вы говорите... (Волнуясь).

Но въ чувствахъ своихъ я никому не могу дать отчета, и измѣнить ихъ не могу... также.

Марья Гавр. Я никакого отчета не требую. (Смѣясь тяжело). Я поздравляю и желаю счастья.

Даля (встаетъ). Такъ разговаривать нельзя.

Марья Гавр. поднимается также и подходитъ вплотную. Усталымъ, тяжкимъ взглядомъ смотритъ ей въ глаза.

Марья Гавр. Я не сужу и не язвлю никого. Все такъ должно быть. Любите. Любовь благословенна. Но... сейчасъ передъ вами темный призракъ— я. Когда пройдутъ золотые часы, вспомните о немъ. Я не хотѣла быть тѣмъ, чѣмъ являюсь—но теперь я старая сѣдая ворона, надъ перекресткомъ вашего счастья я каркаю вамъ. Каркаю горе, ужасъ. И не знаю, для чего это нужно, но выходитъ такъ. О, знайте, пролетитъ радость, вашу душу такъ же мракъ возьметъ, что и мою, тотъ же. Такъ же разлюбятъ васъ, такъ же все погибнетъ, и вы не будете знать, гдѣ спасеніе. Знайте, знайте!

Даля (отступая). Боже мой, за что!

Марья Гавр. Ни за что. (Прислоняется къ камню). Такъ.

Стоитъ въ позѣ растерянной и мучительной. Потомъ подноситъ руки къ глазамъ.

Зачѣмъ... я затемняю счастье дѣвочки? Богъ мой, тяжко. Къ чему, къ чему? Слабость, ничтожество.

Удаляется

Сцена VII.

Входитъ Конст. Ив.

Даля. Наконецъ... вы.

Конст. Ив. Вы искали меня?

Даля. Да... И здѣсь, нѣсколько минутъ назадъ...

Конст. Ив. Вы были уже тутъ?

Даля (вздохнувъ). Да. Тяжело вспоминать объ этомъ. Я разговаривала съ Марьей Гавриловной.

Конст. Ив. (вздрагивая). Съ Марьей Гавриловной! О чемъ же?

Даля. Дорогой, Константинъ Иванычъ. (Беретъ его за руку). Ну скажите, милый, правда этого не будетъ... что она сказала?

Конст. Ив. Что-жъ она сказала? Даля, не мучьте меня.

Даля. Марья Гавриловна знаетъ, что мы любимъ другъ друга. Она предсказала мнѣ несчастье. (Опустивъ голову). Такое-жъ, какъ у ней... Ахъ, этого не можетъ быть... вѣдь правда?

Конст. Ив. Мари знаетъ!

Даля (съ вскрикомъ). Константинъ, ты разлюбишь?

Конст. Ив. смотритъ на нее пристально. Потомъ садится у ея ногъ. Голову прислоняетъ къ ея колѣнамъ.

Конст. Ив. Я разлюблю тебя, Даля?

Даля. Да, ты все думаешь о ней...

Конст. Ив. Тебя я не разлюблю. Ты моя, мнѣ наречена. Ты каталась нынче въ лодкѣ, а я думалъ о тебѣ. Ты лежала, навѣрно, и твои черные волосы... кудреватые, милые, склонялись къ водѣ. Даля, я люблю тебя всю. Навсегда, безъ мѣры, смертно. Ты являешься мнѣ во снѣ. Я просыпаюсь и днемъ живу тоже сномъ. Смотрю въ одну точку, и ты приходишь. Я веду съ тобой бесѣду, мозгъ туманится, никнетъ, я начинаю понимать, что такое сумасшествіе. Но сумасшествіе дивное, Даля...

Даля (тихо). Вѣдь ты любишь. У тебя... жена.

Конст. Ив. Да, любилъ, люблю, можетъ быть. Можетъ быть все гибнетъ, и будетъ разметано, вотъ я лежу у твоихъ ногъ... Скажи—не останется камня

отъ моей жизни, самой жизни, если нужно. Даля, я люблю тебя, люблю.

Даля. Пойди сюда, Константинъ, (Медленно, явственно). Ты меня любишь. Такъ. (Молчитъ. Потомъ встаетъ, обнимаетъ сверху обѣими руками и припадаетъ). Вотъ тебѣ я. Я никого до тебя не любила— все несу тебѣ. Возьми, Константинъ, унеси меня далеко, куда знаешь... Я твоя вся, вся. Милый, Константинъ, милый, чудный.

Конст. Ив. стоитъ съ ней нѣсколько секундъ, потомъ легко подымаетъ и несетъ къ лѣсу.

Конст. Ив. Моя звѣзда! Мое сіянье!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена I.

Сѣрый день, близки сумерки. Стеклянная терраса дачи. Въ балконную дверь видна гостиная съ роялемъ.

Накрытъ чайный столъ, за нимъ Лялинъ, Діалектовъ и Константинъ Иванычъ.

Діалектовъ (наставительно грозя пальцемъ). Эти ваши кабаки, разные рестораны, кутежи я ненавижу. Если вы писатель, такъ работайте, а если дрянь какая-нибудь, болтунъ, такъ нечего заниматься литературой. Это, знаете, все слабость, распущенность. Я бы такихъ писателей...

Лялинъ. Что-жъ, и въ Прагу сходить нельзя?

Діалектовъ. Я тамъ вашихъ Прагъ не знаю, не былъ, и никогда не пойду. Мнѣ незачѣмъ. Я не знаю даже, что такое Прага.

Конст. Ив. смѣется.

Лялинъ. Прага это городъ. «Злата Прага», столица Чехіи.

Діалектовъ. Нѣтъ, судя по вашимъ словамъ, это какой-нибудь извѣстный ресторанъ. Да мнѣ безразлично. Я говорю, что писатель не можетъ растрачивать силъ зря. Это преступно.

Лялинъ. А я люблю хорошій ресторанъ, виноватъ. Зима, а тамъ цвѣты, синій коверъ, электричество, оркестръ. А шампанское! «Все твое, о другъ Аи».

Діалектовъ. Да я знаю это стихотвореніе! Тамъ гораздо лучше сказано: «И покрылъ туманъ привѣтный твой озябнувшій кристаллъ». А потомъ—что

вы извиняетесь? Я вамъ ни простить, ни не простить не могу, потому что вы мнѣ не братъ, не сынъ, никто. Я и не про васъ говорю. Это губитъ талантъ, вотъ что.

Лялинъ. Хорошо вамъ надъ книжечками сидѣть и изучать умныя вещи—а мы иной разъ и скиснемъ. Ну и заломишь. Впрочемъ, я самъ противъ алкоголизма.

Конст. Ив. Какой ты пьяница, Петръ Ильичъ? Ты европеецъ, только вполглаза можешь. (Улыбаясь, насмѣшливо-грустно). Лялинъ у насъ погибаетъ изъ за женской любви. Романовъ изобиліе.

Лялинъ хохочетъ и валится на столъ.

Лялинъ. Презрѣнный, замолчи!

Діалектовъ съ недовольнымъ видомъ встаетъ.

Діалектовъ. Теперь примутся за любовь.

Конст. Ив. Онъ уходитъ. Достаточно произнести это слово. Ахъ, Діалектычъ, жизнь ваша ясная!

Діалектовъ (пожимаетъ плечами). Моя жизнь тутъ не при чемъ. Да вы ее и не знаете. (Опершись лбомъ о стекло террасы). Почему вы знаете, что она хорошая?

Конст. Ив. Вѣрно. Я и не говорю. (Уныло). Никто ничего не знаетъ, никто. Только все же мнѣ кажется, что ваша жизнь... если и не счастлива, то ясна.

Діалектовъ. А мнѣ все-таки пора.

Лялинъ. Да куда вы?

Діалектовъ. Мнѣ Константинъ Иванычъ урокъ тутъ нашелъ, на одной изъ дачъ.

Конст. Ив. Онъ работникъ, честная голова. Успѣете, Александръ Григорьичъ, а?

Діалектовъ (смущенно и кротко). Пора. Мальчикъ ждать будетъ.

Конст. Ив. Ну, ну.

Лялинъ. А меня вы анаѳемѣ не предавайте. Я постараюсь поправиться—къ слѣдующему разу.

Діалектовъ (безнадежно машетъ рукой). Что съ вами подѣлаешь!

Сцена II.

Лялинъ (ходитъ взадъ впередъ, руки въ карманахъ). Этотъ Діалектовъ очень милъ. Очень. Чѣмъ онъ собственно занимается?

Конст. Ив. Философъ. Получилъ въ университетѣ медаль, будетъ оставленъ.

Лялинъ. Такъ. То-то онъ противъ водки. (Остановившись, какъ бы въ задумчивости). Все же онъ нашихъ слабостей не знаетъ, нѣтъ, не знаетъ.

Конст. Ив. Мало русскихъ спивается? Писателей?

Лялинъ. Это такъ... да это неважно.

Конст. Ив. Слушай, Ляля, я сегодня плохо себя чувствую, такъ вотъ ты бы меня занялъ... Разскажи что-нибудь (кладетъ голову на столъ, подпирая руками). Разскажи про писателей, какъ ты работаешь, что тебѣ хорошо, что плохо. Про Ахиллесову пяточку разскажи, и такъ далѣе.

Лялинъ. А тебѣ отчего плохо?

Конст. Ив. Это другое дѣло. Не хочется говорить.

Лялинъ. Хорошо-съ. Будемъ увеселять тебя. Жаль, что я не Отелло, венеціанскій мавръ, и мало могу разсказать интереснаго.

Конст. Ив. Ничего, разсказывай.

Лялинъ. Что же расказывать? Многое тебѣ извѣстно. Да и что такое моя жизнь? Шоссе! Знаешь ли ты, что со мной ничего не случалось? Ни-че-го! Другіе борются, кипятятся, страдаютъ, — вообще устраиваютъ кавардакъ. Влюбляются, дѣлаютъ глупости. Ты можешь прочесть объ этомъ въ такой-то

и такой моей книгѣ. А я... я собственно ничего не дѣлалъ. Что жъ разсказывать? Я писалъ. Повидимому—порядочный писатель. Этого не отрицаю, иначе бросилъ бы. Но что такое я самъ... вообще? (Улыбается). Нуль. Скучнѣйшій типъ. И расписывать мнѣ нечего.

Конст. Ив. (горько). Лялька, Лялька, скушалъ ты себя! Разскажи про литературу.

Лялинъ. Можно. Кажется, тутъ получше. (Подходитъ къ стеклу террассы и чертитъ пальцемъ). Вотъ что я скажу: писателю плохо не отъ ресторана—такъ думаетъ Діалектовъ. А отъ другого... отъ самого себя.

Конст. Ив. Это какъ?

Лялинъ. Вѣрно. Особенно сейчасъ, въ наше время.

Конст. Ив. Не понимаю.

Лялинъ. Пишутъ всѣ себя. Разъ написалъ, два, три... какъ будто и довольно. Оказывается—нѣтъ. Взялся за новую вещь,—опять твое ухо выглядываетъ. Слова твои, наклоны рѣчи твои. Вотъ тебѣ и разъ! Бездарность страдаетъ, что Господь не далъ ей лица, а тебя отъ собственной физіономіи мутитъ.

Конст. Ив. Люди вы отвлеченные, у васъ и отвлеченныя страданья.

Лялинъ (прохаживается). Наговорилъ бы еще да ты злишься, я вижу. Тебя раздражаетъ, что мы на стѣну лѣземъ не изъ-за любви.

Конст. Ив. Изъ за пустого. Раздражаетъ!

Лялинъ. Что дѣлать. Каждый свою задачу рѣшаетъ. Кому жизнь—жизнь. Устраивай ее. Если писанье, - старайся хоть писать сносно.

Конст. Ив. Теперь хорошо сказалъ. «Если жизнь, то устраивай ее». Темнѣйшая вещь! Поди, устрой съ достоинствомъ, рѣши противорѣчія. Выйди честнымъ.—Задача.

Лялинъ. Вотъ ужъ тутъ я мало свѣдущъ. Вѣроятно, дѣйствительно, трудно.

Конст. Ив. (раздраженно), Ты ребенокъ, Лялинъ, просто ты малое дитя, и сидишь со своими мечтаніями, чортъ тебя возьми. Тутъ десятокъ людей въ петлю полѣзетъ, а онъ ма-ло-свѣ-дущъ! Кикимора ты... А-а, Лялька... (машетъ рукой). И говорить не хочется.

Лялинъ разводитъ руками. Видъ у него недоумѣнный.

Лялинъ. День жаркій. Съ двухъ сторонъ я наказанъ ни за что.

Уходитъ. Нѣк. время Конст. Ив. одинъ.

Сцена III.

Изъ сада выходитъ Евдокія.

Евдокія (пробуя рукой самоваръ). Застылъ.

Конст. Ив. сидитъ насупившись. Евдокія наливаетъ чашку.

Хотите? Стаканъ найдется, но жидко.

Конст. Ив. Гдѣ Мари?

Евдокія. Дома.

Молчатъ.

Евдокія. Мы ходили за черникой. Всѣ пальцы синіе.

Конст. Ив. Почему же Мари не идетъ?

Евдокія. Значитъ, устала.

Пауза.

Евдокія. Завидую я мужчинамъ.

Конст. Ив. Почему?

Евдокія. Жизнь у нихъ пріятная.

Конст. Ив. Да? (Фыркаетъ). Не нахожу.

Евдокія закуриваетъ и смотритъ упорно.

Евдокія. Пріятнѣйшая жизнь. Въ высшей степени усладительная. Полюбилъ, сошелся. Разлюбилъ—бросилъ. Одному скучно, за угломъ другая хочешь молоденькую—молоденькая, хочешь невинную—невинная. Живи не хочу. И въ Турцію не надо, все можно домашними средствами.

Конст. Ив. Евдокія, у васъ совершенно круглые глаза, и презлые. Хотѣлъ бы я знать, умѣете вы любить? Кажется мучить—единственное ваше дѣло.

Евдокія. Любить вамъ предоставлено. По этой части вы спеціалистъ. Вы полюбите, Лялинъ про это по пишетъ. Вотъ все отлично и устроится.

Конст. Ив. Евдокія, вы... несмотря на то, что очень... честны, ничего не понимаете.

Евдокія. Гдѣ ужъ намъ.

Конст. Ив. Нѣтъ не «гдѣ ужъ», а именно должны понимать. Если «гдѣ ужъ намъ», такъ нечего язвить. Сидите и молчите. А коли судите,—знать должны, кого, за что, и кто въ чемъ виноватъ.

Евдокія. И знаю. Ага, на чистоту—извольте. Я сужу васъ, Константина Иваныча, и осуждаю во первыхъ за то, что вы истинную, великую любовь, которую вы, по вашимъ словамъ питали къ Машѣ, въ состояніи промѣнять на первую попавшуюся дѣвченку, только потому, что она молода.

Конст. Ив. Какъ вы можете говорить...

Евдокія. Могу. И буду. Я Машу съ дѣтства знаю, и люблю, какъ дочь, она вамъ жизнь отдала. (Задыхаясь). Вы будете ее на кусочки рѣзать, а я должна одобрять, поддакивать? Маша была глупа, слишкомъ за вами ходила. Это сдѣлало изъ васъ Богъ знаетъ что, вы заняты только собой, собой, вамъ безразлично, что съ ней происходитъ.

Конст. Ив. (багровѣя, вскакиваетъ), Ложь! Не смѣйте такъ говорить. Не имѣете права. Вы не можете сказать, что я не люблю Машу, что я издѣваюсь надъ ней. Это неправда, вы знаете. Если бъ это было

такъ, все было бы легко... просто. А это мука— больше мѣсяца живу я на угляхъ; развѣ вы не видите... Но нѣтъ, вы конечно не видите... какое вамъ дѣло до человѣка? Вы знаете, что мужъ долженъ любить жену и жить съ ней—больше вамъ ничего не надо. Жить такъ, какъ вы считаете—очень прекрасно, но не такъ легко, Евдокія. Это очень трудно, почти невозможно. (Передохнувъ, спокойнѣе). Вы издѣваетесь, говорите, что я устроился «усладительно». Это же невѣрно. На кого я похожъ? Развѣ я сплю? Я мучительно думаю, Евдокія, мучительно—и до сихъ поръ не нашелъ ничего... Впрочемъ, нѣтъ... (ослабѣвая). Одно нашелъ, но это слишкомъ, слишкомъ... А такъ продолжаться не можетъ. Сегодня, завтра все рѣшится. Больше нѣтъ силъ. Что будетъ—будетъ. Не минуешь.

Садится устало и подпираетъ голову руками.

Евдокія. Если вы серьезно, то дѣло ясно. Рѣшайте, кого вы любите по настоящему. Или Маша, или та...

Конст. Ив. Я люблю обѣихъ. И по разному. Самъ не знаю кого больше.

Евдокія. Непонятно!

Конст. Ив. Вы и не можете понять. Оттого накричали.

Евдокія. Адюльтера я не признаю. Да, не понимаю адюльтера.

Конст. Ив. А-а, адюльтера! Дѣло не въ этомъ. Дѣло совсѣмъ въ другомъ. Въ очень, очень печальномъ, Евдокія.

Сцена IV.

За стеклянною дверью, въ гостиной, появляется Царевна. Конст. Ив. ее не видитъ Она разбираетъ ноты у рояля.

Евдокія. Вы бы съ ней вотъ посовѣтовались о своихъ дѣлахъ. Отличная совѣтчица.

Конст. Ив. О комъ вы говорите?

Евдокія. Да вонъ, ходитъ, сейчасъ навѣрно играть начнетъ. Она вамъ о чемъ угодно можетъ... хоть о любви втроемъ.

Конст. Ив. Пустяки вы разсказываете, Евдокія, Такъ, отъ раздраженія... Какая тамъ любовь втроемъ? Нѣтъ, бросьте. Если вы на каплю порядочно относитесь къ намъ—къ Мари и мнѣ, скажите, какъ бы вы поступили на моемъ мѣстѣ?

Евдокія (холодно). Если вы говорите правду...

Конст. Ив. Допустимъ.

Евдокія. Если любите одинаково обѣихъ... То выходъ одинъ.

Конст. Ив. Ну?

Евдокія. Оставить обѣихъ.

Конст. Ив. Т. е. какъ оставить?

Евдокія. Такъ. Покинуть. Единственный способъ... остаться чистымъ... предъ собой, предъ ними.

Конст. Ив. Ахъ да, такъ... Понимаю.

Молчитъ.

Евдокія. Это можетъ быть ригоризмъ, но—необходимый.

Конст. Ив. (какъ бы про себя). Какое совпаденіе... мыслей. (Улыбается).

Да, маленькій ригоризмъ. Такъ, маленькій.

Евдокія сходитъ въ садъ. Настаетъ вечеръ. Онъ прохладный, съ золотой каемкой на закатѣ. Конст. Ив. молча куритъ.

Конст. Ив. Судъ приближается. О, тоска.

Встаетъ и ходитъ.

Сколько времени давитъ меня это. Дни идутъ—каждый приноситъ свой грузъ. Но скоро, скоро. (Пауза). Тогда, въ лѣсу, я узналъ Далю—ея существо, молодое, чудесное, слилось съ моимъ. Казалось, нѣтъ

ничего кромѣ насъ... минуты. Безгрѣшна любовь, свѣтла, она зальетъ все. Но это невѣрно. Велики связи съ Машей, у нихъ громадная власть, правда громадная. Когда живешь ровно, это временами чувствуешь слабѣе, но стоитъ подойти... такому... Я люблю ее медленной, глубокой любовью. Восемь лѣтъ... Мы вросли другъ въ друга...

Снова садится.

Ужасно повернулась жизнь. Ужасно. Загнанъ, затравленъ. Неужели и есть... и осталось одно... что въ безсонныя ночи приходило въ голову... и жутко было— старался отогнать. А сегодня Евдокія... «Остаться чистымъ»... Какъ она угадала? Ахъ, тоска!

Сжимаетъ голову руками и покачивается,какъ отъ сильной боли. Изъ дверей сбоку показывается Марья Гавр. Она сильно похудѣла и блѣдна. Молча она проходитъ мимо, легко, безшумно, и сходитъ въ садъ. Въ небѣ тонкій мѣсяцъ. Часть балкона онъ одѣлъ узоромъ.

Конст. Ив. Мари!

Марья Гавр. (останавливаясь). Да?

Конст. Ив. Пойди сюда, Мари, скажи мнѣ.

Марья Гавр. приближается.

Марья Гавр. Что сказать тебѣ, другъ?

Конст. Ив. Мари, дорогая... (Беретъ ея руку, цѣлуетъ, прижимаетъ къ сердцу). Мнѣ такъ плохо, тяжко. Я не знаю, что со мной... но это ужасно. Жизнь смѣшалась, спуталась. Навожденіе надъ нами какое-то.

Марья Гавр. (застѣнчиво снимая пушинку съ его костюма). Я знаю, Константинъ, все... (Улыбаясь, печально). Потому что слишкомъ люблю тебя.

Конст. Ив. (припадаетъ къ ней). Спаси ты меня, Мари. Спаси. Выведи изъ топи, не дай сгинуть. Ты

прекрасная, чистая, вооруженная любовью, жизнь моя свѣтлая, подай руку... Укажи. Или не знаешь? Но твоей бѣлой душѣ видно все. Мари, Мари.

Марья Гавр. (тихо опуская взоръ) Что отвѣчать? Константинъ, какъ сердце тебѣ скажетъ... совѣсть. Я тебя знаю. Не скажетъ душа дурного. Дѣлай по сердцу. Меня... не считай. На твоей дорогѣ я не стану.

Кладетъ ему руки на плечи и смотритъ прямо въ глаза.

И одинъ тебѣ мой завѣтъ.

Конст. Ив. Ну?

Марья Гавр. Такой завѣтъ тебѣ: выше счастія. Понялъ? Моего... всякаго. Ничего не бойся. Будь свободенъ. Это—все. А теперь... пусти. Я уйду. (Пауза). Мнѣ такъ тяжело, Константинъ, такъ тяжело, что едва я нахожу силы говорить. Минута—начну ревѣть... нѣтъ... прощай.

Сбѣгаетъ.

Конст. Ив. Мари, куда ты, дорогая!

Марья Гавр. скрывается. Онъ сидитъ въ задумчивости.

Выше счастія! Вотъ ея правда. Какъ ясно! Значитъ, Евдокія права... Но какъ я ее люблю, Богъ мой, а Даля? Ахъ, все темно, темно, ничего нельзя понять. Я съ ума сойду.

Царевна наигрываетъ на роялѣ и поетъ: «Есть островъ на далекомъ океанѣ»... Потомъ, вставъ изъ-за инструмента, полуритмомъ приближается, напѣвая.

Царевна. Кто-о ту пѣ-сню слышитъ, все позабыва-етъ... А, Константинъ, загрустилъ. Попался, Константинъ Иванычъ.

Конст. Ив. (подымая голову). Что? Попался? Что ты говоришь тутъ?

Царевна. Говорю, что попался. Ну ничего, Костя.

Конст. Ив. Ты понимаешь, Царевна: выше счастія? Понятно?

Царевна (покачиваясь, посмѣиваясь). Нѣтъ, не понимаю. Просто взяли Константина, окрутили, оплели, и лежитъ онъ плѣнничкомъ. Хочешь расколдую?

Конст. Ив. Вздоръ, Царевна, никто меня не окручивалъ. И ты сама... кто ты? Ты дурочка, Царевна, тебѣ нѣтъ до меня дѣла.

Царевна. Можетъ и дурочка. Я русалка, мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла. Водная нечисть. Мнѣ нравится взять тебя и утащить.

Конст. Ив. А дальше?

Царевна. Защекотать, утопить, надъ утоплымъ спѣть пѣсенку. Танецъ протанцовать.

Конст. Ив. Нѣтъ, ты глупая. Утѣшь меня лучше. Уйми.

Царевна. (опять какъ завороженная тихо вращается около, напѣвая: «Кто ту пѣсню слышитъ все позабываетъ»). Полюби меня, Костя.

Конст. Ив. отмахивается. Уходитъ.

Сцена V.

На террасу разговаривая входятъ изъ сада Діалектовъ и Лялинъ.

Лялинъ. Ахъ, литература. Сколь кояду, роскоши, великаго, глупаго. Единственно изъ-за чего можно еще хлопотать—литература. Искусство—вообще. Когда вспомнишь, что Италія есть на свѣтѣ, Данте, Римъ... легче дѣлается. Есть куда преклонить голову. Вы не были никогда въ Италіи, Александръ Григорьичъ?

Діалектовъ. Нѣтъ. Мнѣ, знаете ли, не до Италіи. Двадцать пять рублей надо матери посылать, самому жить, брата готовить. Вы мнѣ про это не говорите. Я началъ съ того, что мнѣ не нравятся всѣ эти усталости, утонченности, меланхоліи... Да. Очень вамъ жизнь легко далась; бѣлоручка вы.

Лялинъ. Можетъ быть. Только слушайте, мнѣ не хочется сейчасъ объ этомъ. (Садится). Я лучше вамъ разскажу про Римъ. Хотите?

Діалектовъ (покорно). Извольте.

Лялинъ. Вотъ видите, туманный мѣсячный свѣтъ—какъ это идетъ къ Риму! Когда сидишь на Форумѣ, у колодца Ютурны, дышешь свѣтлымъ сномъ мрамора. Наступятъ сумерки. Вы сидите и слушаете, какъ журчитъ вода по зеленой плѣсени—та вода, что поила таинственныхъ Діоскуровъ. По храму Кастора и Поллукса пробился клеверъ. Надъ аркой Тита сумракъ—сизо-фіолетовый. Въ немъ чернѣютъ пиніи. И ужъ зажгли золотые фонарики. Надъ Капитоліемъ розоватыя облака, огненныя побѣды. Главное не забудьте: сонъ свѣтлаго мрамора, прозрачнаго мрамора! Еще—могучіе лавры надъ храмомъ Цезаря. Глубокая, темная купа.

Діалектовъ. Да, роскошно. (Вздыхаетъ).

Лялинъ. Ахъ, когда разожжешь душу—встанутъ смутныя стремленья, покажется—вотъ взойдетъ къ тебѣ невѣдомое. Та мечта, что всю жизнь томитъ. Всю жизнь ждетъ человѣкъ божества... и всегда въ видѣ женщины. Но его нѣтъ, нѣтъ. Пусто внутри, сухо. Хочется отдаться человѣку, чтобы сразу сгорѣть, но великій Сфинксъ—поперекъ дороги: «Море колышется въ своемъ лонѣ, хлѣба колеблются подъ вѣтромъ, караваны проходятъ, пыль улетаетъ, города рушатся: а мой взглядъ, котораго ничто не можетъ отклонить, вѣчно направленъ сквозь видимое къ недостижимымъ горизонтамъ».

Какъ встосковалъ человѣкъ!

Сцена VI.

Конст. Ив. (входя изъ сада). Почему это встосковалъ? Кто здѣсь встосковалъ?

Лялинъ. Человѣкъ.

Конст. Ив. Почему такъ?

Лялинъ. Значитъ, плохо ему прищлось.

Конст. Ив. А, понимаю. Если кому плохо... я могу это понять.

Садится и третъ себѣ виски.

Лялинъ. Ты чего такой блѣдный? Простудишься еще, ходишь въ сырость Богъ знаетъ гдѣ.

Конст. Ив. Я недалеко былъ.

Лялинъ. Да что ты странный какой? Что съ тобой? Не собираешься ли кого зарѣзать?

Конст. Ив. Нѣтъ, просто ходилъ, думалъ...

Лялинъ. Что ты можешь надумать? Это если я хожу, значитъ скоро буду писать. Любители высчитываютъ, на сколько надумаетъ беллетристъ въ минуту... изъ дорого стоящихъ.

Конст. Ив. Вотъ, я тоже... надумалъ... Ничего себѣ.

Заходитъ въ дальній уголъ террасы, прислоняется къ стѣнѣ. Глаза закрыты.

Бывало ли съ тобой, Лялинъ, что ты стоишь на распутьи... нѣтъ, на разстанѣ—мужики называютъ такъ мѣсто, гдѣ расходятся дороги. Направо написано—убитому быть, прямо—убитому быть, налѣво—убитому быть.

Лялинъ. Нѣтъ, не приходилось. (Грустно). Константинъ, ты на меня тоску наводишь. Что ты говоришь... и самъ такой странный.

Конст. Ив. Ничего, не обращай вниманія. Все къ лучшему.

Входитъ Даля. Въ первую минуту не замѣчаетъ Конст. Иваныча.

Конст. Ив. (вполголоса). Ave Caesar, morituri te salutant.

Даля (Лялину). Петръ Ильичъ, вы не знаете, гдѣ Константинъ Иванычъ?

Лялинъ (вздыхая, встаетъ). Какъ не знать. Вонъ онъ забился въ уголъ... какъ раненый вальдшнепъ.

Беретъ подъ руку Діалектова.

Лялинъ. Идемъ, Александръ Григорьичъ, я вамъ доскажу про мечту человѣка.

Уходятъ. Конст. Ив. стоитъ молча. Потомъ онъ выходитъ на средину комнаты.

Даля. Константинъ!

Конст. Ив. Я.

Даля. Костя, я къ вамъ. Послушайте, намъ надо говорить, надо рѣшить, выяснить.

Конст. Ив. Да, конечно, надо выяснить.

Даля. Почти два мѣсяца мы близки и все такъ ужасно. Я ничего не понимаю. Такъ не можетъ продолжаться. Кто я? Что мнѣ нужно? Неужели тайно отъ Марьи Гавриловны я должна урывать твои ласки, любовь... Я не могу придти къ тебѣ, мнѣ все кажется, что я не имѣю права сидѣть здѣсь, потому что сейчасъ войдетъ она,—это ея домъ, и ты—ты-то чей, наконецъ? Мой или ея? (Подходитъ близко и беретъ за руку). Костя, помнишь тотъ вечеръ? Ты унесъ меня въ лѣсъ. Ты говорилъ тогда, что весь ты, вся твоя жизнь въ нашей любви. Неужели ты забылъ? Боже мой, какой ты былъ тогда! Костя, неужели все то неправда, сонъ, отъ котораго ничего не осталось? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть. (Падаетъ на
прижимается къ его ногамъ). Костя, если
любишь, скажи. Я уйду, и клянусь... не
щать твоей жизни. Но если... если (встает
ляясь), ты дѣйствительно вѣренъ мнѣ,
не отдамъ. Никому не отдамъ... и
бы ни было тяжело тебѣ, ты должен
Константинъ, долженъ во имя себя, сво
стоинства—бросить старую жизнь... для
конечной.

Конст. Ив. (тихо, съ нѣжностью). Солнце мое... Утреннее солнце, росное. Почему надъ вечеромъ взошло? (Усмѣхается) Зачѣмъ тебѣ я, старый, скучный песъ? Почему не полюбила молодого? Чистаго, съ яснымъ сердцемъ,..

Даля. Что ты мнѣ говоришь? Константинъ, говори понятнѣй, мнѣ страшно... сердце захватываетъ.

Конст. Ив. еще непонятнѣе улыбается. Вздрагиваютъ его губы.

Что съ тобой? Чего ты смѣешься?

Конст. Ив. Я смѣюсь... не надъ тобой.

Даля. Костя, милый, брось этотъ тонъ, Костя я же люблю тебя. Всего тебя, всѣ „складки твоей одежды", твой пиджакъ, руки твои тонкія. Но рѣшай, ради Бога... гони меня, или бери.

Конст. Ив. пошатывается, сразу перестаетъ улыбаться.

Конст. Ив. Гони или бери? (Тихо). Да знаешь ты, что тебя я люблю до обморока. (Замолкаетъ, пристально смотритъ на нее довольно долго). До обморока. (Пауза). Помнишь, что сказала тебѣ Маша у камня?

Даля (мертво). Помню.

Конст. Ив. (почти взвизгивая). Счастью нашему не бывать! Слышишь? Слышишь ты Даля, которую я люблю безъ памяти, что нѣтъ надежды, я съ ума схожу, но все гибнетъ, и моя жизнь, и Маша, и ты— ничего, ничего!

Даля. Константинъ!

Конст. Ив. Уходи, не могу. Уходи, уходи. «Выше счастія». А? А? Кто это сказалъ? Какой безумный? А-а, Богъ мой!

Даля выбѣгаетъ, Конст. Ив., замученный, падаетъ въ кресло. Сидитъ недвижно, уставившись въ одну точку.

Сцена VII.

Марья Гавр. (входя, взволнованно). Костя, что съ тобой? Я слышала сейчасъ крикъ, ты сидишь такъ странно... Кто тутъ былъ?

Конст. Ив. А? Это я кричалъ, Мари. Здѣсь была Даля. (Безлично). Но теперь ея нѣтъ. Она ушла.

Марья Гавр. (нетвердо) Даля?.

Конст. Ив. Да, мы разговаривали.

Марья Гавр. У тебя дрожатъ колѣни.

Конст. Ив. Дрожатъ? Это удивительно. Отчего бы имъ дрожать? Это странно.

Марья Гавр. Ты волновался?

Конст. Ив. молчитъ.

Конст. Ив. Ты хорошо сдѣлала, что зашла... вотъ теперь... ко мнѣ. Сядь здѣсь. Мнѣ надо говорить съ тобой.

Марья Гавр. (садится, блѣднѣя). Я слушаю.

Конст. Ив. Да. Пора мнѣ сказать все. Ну вотъ, Мари, ты знаешь, какъ тяжко намъ было послѣднее время.

Марья Гавр. (глухо). Да. Съ марта.

Конст. Ив. Съ марта. Въ этомъ мѣсяцѣ—будь онъ благословенъ, или проклятъ, въ этомъ мѣсяцѣ я полюбилъ, Мари. Кого—ты знаешь. И началась эта... мука. Счастье—мука.

Марья Гавр. тихо дрожитъ, стараясь сдерживаться.

До тѣхъ поръ ты одна была въ моемъ сердцѣ. Какъ нѣжно, свѣтло любилъ я тебя! Но значитъ, такъ назначено. Мнѣ, тебѣ, ей... Должны мы понести печаль. Самую горькую, Мари, самую горькую. Долго я страдалъ. Меня влекло къ тебѣ, къ ней. Наконецъ... (Закрывъ лицо руками). Не стало силъ терпѣть. Сегодняшній разговоръ съ тобой—все о томъ же. Я вышелъ въ лѣсъ. Мѣсяцъ свѣтилъ. Озеро лежало въ

его свѣтѣ,—туманное, мерцающее. То озеро, у котораго мы съ ней любили. Мѣсяцъ, сіявшій надъ нашей съ тобою любовью. Я вспомнилъ твои слова: «спроси у своего сердца». Я услышалъ его въ ту трудную минуту. Все стало ясно, твердо во мнѣ. И сейчасъ (въ забытьи) я какъ каменный. То же, то же рѣшеніе...

Марья Гавр. (встрепенувшись). Рѣшеніе? (Чуть слышно) Каково же оно?

Конст. Ив. Я вернулся. Даля ждала меня. Какъ почувствовалъ я ея любовь!

Марья Гавр. Что же... дальше?

Конст. Ив. Я сказалъ ей что люблю ее (Марья Гавр. опирается рукой о столъ). И потомъ я сказалъ, что все у насъ кончено... Слышишь?

Марья Гавр. Да.

Конст. Ив. И теперь я долженъ говорить съ тобой.

Марья Гавр. Такъ... понимаю. (Дѣлая надъ собой усиліе). Говори.

Конст. Ив. О томъ, что и съ тобой—конецъ. Я разстаюсь съ тобою... навсегда.

Марья Гавр. (вздрагивая). Со мной? (Пересиливая себя). Да, конечно, ты правъ...

Молчаніе.

Ты совершенно правъ.

Быстро ходитъ взадъ-впередъ, сжавъ руки.

Очень хорошо, отлично.
Какъ бы про себя, вполголоса, быстро. Кусаетъ губы.

Онъ не могъ иначе. Онъ мучится. Любитъ обѣихъ. Не хочетъ сдѣлки. Рветъ съ обѣими. Да. Такъ сказало сердце. Конечно, конечно, иначе нельзя.

Конст. Ив. Я ѣду въ Петербургъ. Дня на два. Потомъ вернусь. Договоримъ.

Марья Гавр. Уже ѣдешь? Ага. (Вдругъ лицо ея дѣлается безсмысленнымъ, какъ въ бреду). Поѣзжай, да... (Дико). Константинъ, что со мной? Гдѣ ты? (Протирая глаза). Я ничего не вижу.

Конст. Ив. Я здѣсь.

Марья Гавр. Константинъ, ты еще не ушелъ? (Бросается къ нему, хватаетъ за руки). Константинъ, это ты? Что случилось? Я ничего не понимаю. Ну да, тамъ честь... душа—но вѣдь ты мой. Почему ты вдругъ сталъ говорить со мной, какъ съ чужой, какія-то фразы, куда-то уйдешь, кого-то любишь... Это неправда, этого быть не можетъ, я не вѣрю. Костя, ты мой, это же невѣроятно, ты вѣдь любишь меня? Ты самъ сказалъ. Ты полжизни любилъ меня. Гдѣ ты? Это сонъ, проснись. Костя, спаси меня, я не знаю, что со мной дѣлается, я терпѣла, терпѣла всѣ эти проклятые мѣсяцы, я рыдала по ночамъ, я сегодня говорила черезъ силу, а сейчасъ не могу же больше... А-а... (бьется въ конвульсіяхъ). Не могу. Умру. (Шатается). Спаси. Костя. Ты одинъ.

Конст. Ив. наливаетъ воды. Проходитъ минута, двѣ. Марья Гавр. пьетъ, слабѣетъ. Осѣдаетъ на столъ.

Теперь лучше. (Вздыхаетъ, измученно). Ахъ, я устраиваю таки истерики. Бабья порода. Бабья порода! Константинъ, не брани меня.

Конст. Ив. (въ отчаяніи). Что ты говоришь, Мари!

Марья Гавр. Ничего. Такъ. Я теперь лучше соображаю, опять. Ты меня бросилъ. Ты правъ. Ну хорошо. Но ты и ее бросилъ. (Стараясь улыбнуться). Что жъ удивительнаго, что ты меня бросилъ? Я же это знала. Давно знала, еще съ весны. Еще съ того дня. Что жъ это я?

Молчитъ, дышитъ тяжело.

Ахъ, Константинъ, жжетъ... Милый, Костя... (Трепещетъ, давитъ руками грудь, какъ бы стараясь заглушить) горитъ... горитъ все внутри, какъ желѣзомъ жжетъ... Прости меня, я ничтожная, я тебя мучаю напрасно, все равно ничего нельзя подѣлать, но вѣдь ты одинъ былъ у меня... Костя, пойми. Вся жизнь на тебѣ, все... и сразу. (Дѣлаетъ рукой жестъ, будто обрубая что-то).

Конст. Ив. (срывающимся голосомъ). Мари, прощай. (Сбѣгаетъ въ садъ). Черезъ два дня.

Марья Гавр. Черезъ два дня. Черезъ два дня. Ушелъ.

Стоитъ недвижно. Вдругъ, пронзительно, звеняще.

Константинъ! Костя!

Въ домѣ шумъ. Секунду она держится, потомъ ноги сгибаются. Медленно падаетъ. Изъ дому выбѣгаютъ Лялинъ и Царевна.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена I.

Городъ перваго дѣйствія. Зимній тихій день. Сквозь огромное окно комнаты виденъ садъ. За вѣтвями куполъ.

Конст. Ив., худой, угловатый, ходитъ взадъ-впередъ, Глаза воспалены, точно въ жару; горло завязано. Съ грудой книгъ сидитъ Діалектовъ.

Діалектовъ. Вотъ... принесъ вамъ Соловьева.

Конст. Ив. Благодарю. (Хмуро, почти недружелюбно). Аккуратность ваша велика.

Діалектовъ. Нѣтъ, я очень запоздалъ. Можетъ быть, Соловьевъ былъ вамъ нуженъ? Это страшно нехорошо, что я задержалъ его. (Качаетъ головой, неодобрительно). Ужасно.

Конст. Ив. Какъ живете?

Діалектовъ (кашляетъ). Плохо. Безсонницы, головныя боли.

Конст. Ив. Что жъ вы лѣчитесь? Вы совсѣмъ молоды, нельзя же такъ себя запускать.

Діалектовъ. Все равно. Если умирать, значитъ надо. Не вѣрю я ни въ какія помощи.

Конст. Ив. Вы такъ молоды. Какъ не стыдно. Вамъ надо жить, трудиться... Вы же сами... знаете.

Діалектовъ. Я все знаю. Тутъ нечего мудрить. Пока двигаюсь, буду надъ книгами торчать, а умру, свезутъ на кладбище.

Молчатъ. Конст. Ив. все съ тѣмъ же напряженіемъ ходитъ изъ угла въ уголъ.

Конст. Ив. Жизнь идетъ—мимо васъ. Въ ней чувства, радости, тягости, но все мимо, все мимо, и

ваши годы проходятъ, а вы и не знаете даже объ этомъ.

Діалектовъ. Пусть проходятъ. Я знаю, для чего живу. Нуженъ мой мозгъ — я его и отдамъ. А знаете, любви, и прочее... этого мнѣ не надо. Презираю я папильоновъ. Къ чему это? Вотъ хоть бы Лялинъ. Писатель онъ, даже съ талантомъ... а у него нѣтъ этого... Я не знаю, какъ выразить. Навѣрно, онъ фракъ надѣваетъ, когда идетъ на обѣдъ.

Конст. Ив. Такъ можно и Пушкина закатать.

Діалектовъ (блаженно улыбаясь). А-а, нѣтъ, Пушкинъ не то. Пушкинъ дивный!

За дверью шумъ. Спрашиваютъ: „можно"? Входятъ Лялинъ и Царевна.

Царевна. Насилу нашли. Заберется же человѣкъ въ такую глушь.

Лялинъ. Онъ теперь анахоретъ, ему такъ полагается. Да никакъ ты боленъ?

Конст. Ив. Пустяки. — А здѣсь тихо... нѣтъ гостей.

Царевна (Лялину). Слышишь? Это онъ про насъ.

Лялинъ. Но вѣдь насъ трудно смутить. Мы и въ усъ не дуемъ.

Конст. Ив. Мы только что бранили тебя, Лялинъ.

Лялинъ (усмѣхаясь на Діалектова). Привычно.

Діалектовъ. Прощайте, Константинъ Иванычъ.

Конст. Ив. Спасается!

Діалектовъ уходитъ.

Сцена II.

Лялинъ. Постой. Константинъ, ты на самомъ дѣлѣ теперь одинъ? Это правда?

Конст. Ив. Правда.

Лялинъ. Не вѣрится. Вотъ исторія.

Конст, Ив. А вы... слышали и не повѣрили?

Лялинъ (разводя руками). Ужъ очень необычно, право. Я привыкъ и тебя и Марью Гавриловну какъ-то вмѣстѣ считать, называть однимъ именемъ.

Конст. Ив. (тихо). Теперь отвыкнешь.

Царевна. Гдѣ же Далька?

Конст. Ив. Ея здѣсь нѣтъ.

Лялинъ. Гдѣ же она?

Конст. Ив. Уѣхала.

Лялинъ. Надолго?

Конст. Ив. Не знаю. Кажется, совсѣмъ.

Лялинъ (Царевнѣ). Видишь? (Качаетъ головой). Пойми ихъ тутъ.

Конст. Ив. Ничего непонятнаго. Ни Марьи Гавриловны, ни Дали въ жизни моей нѣтъ. И не о чемъ говорить.

Царевна. Я понимаю его. Онъ одинъ. Даже завидую. Все бросить, остаться вольнымъ...

Конст. Ив. (угрюмо). Эхъ ты, Царевна.

Царевна. По моему бросить—просто. Мнѣ не было бъ трудно.

Конст. Ив. Тебѣ!

Лялинъ. Ахъ Константинъ. (Садится на диванъ). Ты меня разстроилъ.

Конст. Ив. Извини.

Лялинъ. Ты, Даля, Марья Гавриловна... Три жизни...

Конст. Ив. (недовольно). Будетъ, Петръ Ильичъ. (Садится, подпираетъ голову руками). Будетъ объ этомъ.

Лялинъ. Загрустилъ, Константинъ. (Вздыхаетъ). Ну прости, больше не буду.

Конст. Ив. недвиженъ, мраченъ.

Царевна. Константинъ правъ. Въ одномъ только ошибся.

Конст. Ив. Въ чемъ же?

Царевна, (вдругъ мягко, тигрово припадаетъ къ Конст. Ив.). Костя, полюби меня. Милый, полюби. Мы поѣдемъ въ Италію съ Лялей. Ты будешь влюбленъ, будешь млѣть, позабудешь горести. Ты рыцарь, я дама. Я хочу, чтобы ты былъ съ нами. Это чудесно. Милый, полюби.

Лялинъ. Ты полоумная женщина, Царевна.

Конст. Ив. Да. Въ этомъ родѣ.

Отворяется дверь, входитъ Евдокія. Она въ черномъ платьѣ, пряма, блѣдна.

Евдокія. Здравствуйте. Можно васъ видѣть, Константинъ Иванычъ?

Всѣ удивлены.

Конст. Ив. Да, конечно. Какъ вы сюда попали?

Евдокія. Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ. Наединѣ.

Лялинъ (Царевнѣ). Мы подождемъ здѣсь... рядомъ.

Выходятъ въ сосѣднюю комнату.

Сцена III.

Евдокія. Удивлены?

Конст. Ив. Да.

Евдокія. Не ждали. Такихъ какъ я рѣдко ждутъ. А я взяла и явилась.

Конст. Ив. Вы пришли, Евдокія... мстить? Терзать меня, снова?

Евдокія. Это вы откуда знаете?

Конст. Ив. Такъ мнѣ кажется. Впрочемъ—поздно. Не достанете вы меня.

Евдокія. Достать все можно.

Конст. Ив. Слишкомъ много... (Раздраженно). А—а, да вы не поймете.

Евдокія. Счастливо устроились?

Конст. Ив. Чего вы язвите? Что вамъ надо? Я именно то сдѣлалъ, что вы подсказали. И вообще... я поступилъ правильно. (Сдерживаясь). Не вы мнѣ судья.

Евдокія. Съ чего вы взяли, что я пришла язвить васъ? Неужели пошла бы за этимъ? Ахъ вы—мужчины. Только вами міръ держится.

Конст. Ив. Я радъ, если цѣль иная.

Евдокія. Да-съ, иная. Я за дѣломъ пришла. Отъ Маши.

Конст. Ив. Отъ Мари?

Евдокія. Не бойтесь, ничего. Просто тамъ, (указываетъ по направленію улицы) въ кофейной дожидается Маша. Она послала меня. Проситъ разрѣшить придти къ вамъ. (Волнуясь). Говоритъ, что если это непріятно, то не надо, но ей въ послѣдній разъ—понимаете? хотѣлось бы сказать вамъ немного... Нѣсколько словъ. Не безпокойтесь, для васъ не непріятныхъ. Вамъ не взволнуетъ это нервовъ? Я прошу также, за нее.

Конст. Ив. Маша! Дожидается. Послала васъ. Какъ удивительно. Почему она не пришла сама?

Евдокія. Ну стѣснялась, что-ли, нарушить покой...

Конст. Ив. (горячась). Конечно, конечно... Жду.

Въ волненіи мнетъ бахрому дивана.

Евдокія. Благодарю-съ. Извѣщу ее—черезъ десять минутъ будетъ здѣсь.

Идетъ по направленію къ двери. Останавливается, обертываясь.

Можно сказать вамъ еще два слова? Какъ это: pro domo sua.

Конст. Ив. Можно.

Евдокія (блѣднѣя и подергиваясь губами). Я хочу вамъ еше сказать, что я васъ все-таки ненавижу. Слышите? Правильно вы поступали, неправильно— мнѣ дѣла нѣтъ. Пусть вы сдѣлали то, что я сказала— все равно я не прощу вамъ Маши никогда. Никогда. Ночей безсонныхъ, слезъ, горя, погибшей жизни... Никогда. Такъ вы и знайте. Будьте вы прокляты. Я желала бъ вамъ несчастій, казни тяжкой, всегдашней казни. Да, забудете скоро, все. Ну, а я не забуду!

Сцена IV.

Выбѣгаетъ.

Входитъ Лялинъ.

Лялинъ. Что тутъ такое? Царевна уѣхала, ее смутила эта... Евдокія. Зачѣмъ она была? Ужъ не покушаться ли на твою жизнь?

Конст. Ив. припалъ къ спинкѣ дивана.

Конст. Ив. Все вокругъ, и внутри жжетъ меня, мучитъ, Лялинъ. Я крѣплюсь, терплю... молчу. Еслибъ ты зналъ... Иногда хочется, чтобы обрушилась на тебя гора—раздавила бъ грудь, сердце...

Встаетъ и ходитъ.

Такое замученное сердце. Но сидя здѣсь одинъ, я могу только выть по волчьи. Я скоро начну выть, Петръ Ильичъ, не удивляйся...

Лялинъ. Ай Костя, Костя. Что жъ это такое.

Конст. Ив. Сейчасъ придетъ Мари. Что я ей скажу? Я знаю, я поступилъ правильно. Если бъ снова пришлось—снова сдѣлалъ бы такъ. (Горько) Моя совѣсть покойна, но жизнь... разбита, Лялинъ.

Лялинъ вздыхаетъ.

Нѣтъ, уѣду и отсюда... Въ прежнія времена ѣздили на войну...

Лялинъ (подходитъ и обнимаетъ его). Замучился, Костя. Уѣзжай. Ѣдемъ съ нами.

Конст. Ив. (устало). А? Съ вами? Нѣтъ. Вы... куда вы собственно?

Лялинъ. Еще не знаемъ. Но въ хорошія мѣста, конечно.

Конст. Ив. Разумѣется. Нѣтъ, я вамъ не товарищъ.

Лялинъ. Пойдемъ съ тобой на форумъ, сядемъ вечеромъ на «бѣлый камень»; сны вокругъ насъ будутъ, мраморы. Птицы промчатся стайкой, заря запылаетъ... Тамъ, за Капитоліемъ. Цезаревы лавры прошумятъ.

Конст. Ив. (улыбается). Все это... для счастливыхъ.

Лялинъ молчитъ. Какъ бы смущенъ.

Конст. Ив. Я ужъ одинъ... Какъ-нибудь.

Стукъ въ дверь. Оба вздрагиваютъ. Конст. Ив «войдите».

Лялинъ (торопливо). Ну, я иду... Прощай, Костя, пожалуй не увидимся.

Быстро цѣлуетъ, въ дверяхъ кланяется Марьѣ Гавриловнѣ и уходитъ.

Сцена V.

Конст. Ив. Мари... ты.

Марья Гавр. Прости, Костя. Мнѣ... такъ хотѣлось... Евдокія сказала, что ты позволилъ. Я на нѣсколько минутъ.

Конст. Ив. Да что, что ты... Ахъ, Мари (машетъ рукой). Врагъ ты мнѣ, что ли?

Марья Гавр. Я не буду надоѣдать. Хотѣла еще взглянуть и сказать... (заминается).

Конст. Ив. Говори.

Марья Гавр. Я не знаю, умѣстно ли... Можетъ быть, ты поймешь такъ, что я залѣзаю въ душу... Касаюсь больного, (переводя духъ) важнаго. Но такъ какъ я тебя любила... и люблю сейчасъ, еще нѣжнѣй, но болѣе по матерински, то можетъ быть и имѣю право...

Конст. Ив. Ты... все—можешь.

Марья Гавр. Такъ вотъ. (Пауза). Мнѣ теперь виднѣе. Я такъ... ясна сейчасъ, такъ ясна. Всѣ мысли о тебѣ: твоей жизни, счастьѣ.

Конст. Ив. (глухо, сдерживаясь). Моего счастья нѣтъ. Оно... было. А потомъ, помнишь, ты сказала мнѣ: выше счастія? Зачѣмъ поминать о немъ—теперь?

Марья Гавр. Я теперь сомнѣваюсь. Вдругъ ты живешь такъ потому, что я... тѣнь моя тебя связываетъ? Можетъ быть съ Далей нужно тебѣ жить, дать ей, себѣ, большое счастье... глубокое счастье... любви. Если такъ, Константинъ, то... ты не долженъ обо мнѣ думать. Ты обязанъ тогда—понимаешь? жизнь свою не портить. Свою—ее. Это-жъ ужасъ, если насиліе... Если ты душишь себя (съ жаромъ)—этому нѣтъ прощенья...

Конст. Ив. Я? Душу?

Кусаетъ губы, точно удерживаясь отъ крика.

Я, Мари, ничего. Я ни душу, ни не-душу. Я живу... вотъ... (задыхается). Какъ могу. И... иначе нельзя... существую въ этой комнатѣ, ну... и не знаю, сколько еще просуществую, но я, т. е. меня... (Вдругъ, пронзительно). Но меня душатъ, Мари, пойми, я задыхаюсь, я истекаю кровью въ этой берлогѣ и ни туда, ни сюда. А-а. Мари, вотъ ты пришла, это хорошо и ужасно, но я крикну хоть тебѣ, Мари, ко-

торая была всѣхъ мнѣ дороже—какъ ужасно — умирать! Гибнуть, хотя живешь, жить, пойманнымъ въ капканъ. Вѣдь вы обѣ... обѣ женщины мои дорогія. И никогда...

Марья Гавр. дѣлаетъ шагъ впередъ.

Марья Гавр. Константинъ!

Конст. Ив. Да, да, ничего нельзя сдѣлать, все безнадежно. Вы двѣ. Примиренія нѣтъ. Въ васъ я, въ обѣихъ,—когда нѣтъ васъ, я гибну. И долженъ гибнуть, пусть... Раздѣлить васъ я не могу.

Садится на диванъ, закрываетъ глаза.

Иди, Мари. (Тихо). Ты прекрасна, благородна... какъ всегда. Но сдѣлать нельзя—ничего. Иди. Забудь и... прости. Виноватъ во всемъ я. Можетъ быть, безъ вины... но разбилъ твою жизнь я.

Марья Гавр. быстро и безшумно выбѣгаетъ. Въ дверяхъ пріостанавливается и взглядываетъ на него.

Марья Гавр. Я люблю тебя страшно, страшно!

Исчезаетъ.

Сцена VI.

Конст. Ив. долго лежитъ, потомъ медленно и устало встаетъ, какъ бы разбитый.

Конст. Ив. Тихо. Всѣ ушли. Явились мнѣ, какъ видѣнія... былого міра. Безразличныя, страшныя, свѣтлыя. Но всѣ... призраки. Время поглотитъ васъ пастью.

Пауза.

Больше вы не вернетесь. Тутъ, (берется за грудь)—

похоронены всѣ. Лишь тебя недостаетъ еще, черноглазый ребенокъ, пришедшій тамъ—на весенней зарѣ...

Ходитъ молча.

Даля. Слышишь ли?

Наступаютъ сумерки. Блѣдно-синѣющій тонъ одѣлъ все. Тихо. Конст. Ив. садится и закрываетъ глаза.

Значитъ, такъ надо было. Надо мнѣ было отнять счастье у васъ, двухъ дорогихъ женщинъ — чтобы погубить и себя. Значитъ, нужно. (Пауза. Далѣе, какъ бы сквозь сонъ). Всю тебя вижу. До послѣдняго изгиба. Озеро, лѣсъ. Заря. Крикъ твой послѣдній. (Встаетъ, рѣзко). Чѣмъ искупить мнѣ, какъ? Слезы твои чѣмъ залить?.. И... Машино горе.
Снова ходитъ изъ угла въ уголъ, болѣзненно жмется.

Остановившись посрединѣ, поникаетъ.

Жизнь моя, любовь—прощай!

П. ГИРШБЕЙНЪ

ОБРУЧЕНІЕ

ПРОЛОГЪ.

Большая комната. Справа и слѣва окна и двери. Справа на кровати лежитъ Довидль. Ночь. Горитъ висячій ночникъ. Масло въ немъ на исходѣ.

Хаше сидитъ на кровати и пристально смотритъ на больного. На лицѣ ея страхъ и тревога. Она встаетъ съ мѣста и какъ бы борется съ собой, оставить ли больного или нѣтъ. Осторожно беретъ ночникъ и выходитъ. Тихо.

Довидль (начинаетъ стонать. Его лицо выражаетъ страхъ): Ханеле... Ты не сдѣлаешь этого... Подожди, я умру... Идите, скажите, я умру...

(Молчаніе).

Хаше (возвращается съ ночникомъ и вѣшаетъ его на стѣну): Ты не спишь, дитя мое... Изверги—люди... Счастью матери завидовали... У всѣхъ на языкѣ была .. Ты опять спишь. (Подходитъ къ больному).

Довидль (испуганно просыпается).

Хаше. Отчего ты такъ вздрогнулъ.

Довидль. Когда я закрываю глаза... когда хочу заснуть.

Хаше (цѣлуетъ его). На меня, Господи, излей гнѣвъ свой... Что ты тамъ видишь, радость моя?

Довидль (всхлипываетъ). Мама, пошли на мель-

ницу... Ханеле обручаютъ съ другимъ... Она плачетъ... не хочетъ... силою...

Хаше. Это сонъ, дитя мое, успокойся.

Довидль. Меня не спрашиваютъ.,. Ханеле, меня нѣтъ... Поздравляютъ... Счастья желаютъ... Домъ Генаха освѣщенъ... Въ субботнемъ подсвѣчникѣ всѣ свѣчи горятъ.

Хаше. Дитя мое, ты выздоровѣешь. Ханеле будетъ твоей. Васъ обоихъ съ Божьей помощью къ вѣнцу поведутъ...

Довидль (какъ въ бреду). Помнишь... Ты мнѣ дала слово... Моей голубкой будешь... Въ субботу, въ лѣсу... Никто не зналъ... Слово дала... Слово... Я умру...

Хаше. Дитя мое, Отецъ Небесный не сдѣлаетъ этого матери твоей.

Довидль (яснѣе). Скажи, отчего такъ долго Ханеле ко мнѣ не приходитъ?... Кто ея не пускаетъ ко мнѣ?.. Мама, пошли къ Генаху-мельнику... Я хочу ее самое спросить... Сегодня ее обручаютъ... Отчего ты молчишь, мама? Ты все знаешь... Скажи, ты все знаешь.

Хаше. Я послала въ синагогу псалмы читать. Исцѣленіе, дитя мое, снизойдетъ на тебя... Смотри, мать твоя темнѣе ночи... Темно кругомъ...

Довидль. Весь городъ тамъ... Полный домъ людей... Забираютъ у меня... Ханеле...

Хаше. Душу мою за дитя мое... Кто хочетъ ввергнуть мать во тьму?...

(Молчаніе).

Довидль (весь вздрагиваетъ, чуть не падаетъ съ кровати). Ма-ма!

Хаше. Кто трогаетъ мое дитя? Кто пугаетъ мое дитя?

Довидль. Меня съ кровати не спускаютъ... Меня заперли... Ее скоро къ вѣнцу поведутъ...

Хаше. Кто терзаетъ мое сердце? (Вглядывается въ лицо сына). Дитя мое, что ты видишь? Глядишь испуганно. Смотри, мать твоя съ тобой... Все она сдѣлаетъ. Будь это даже приговоръ Божій, я и его разорву... Дитя мое! Сынъ мой!.. Взгляни на меня... Смотри прямо на мать...

Довидль (слабымъ голосомъ). Я умеръ... Ханеле плачетъ... рвется... ко мнѣ... Ее не пускаютъ... Довидль умираетъ... Ханеле, я не допущу... Отчего ты плачешь, мама?

Хаше (разражается рыданіями). Жизнь моя жизнь моя! чего хотятъ отъ сына моего?

Довидль Ты все знаешь... Разскажи, разскажи... Я тоже знаю... Смотри, расчесываютъ ея длинные волосы... надѣваютъ на нее подвѣнечное платье... Я не прощаю... Нѣтъ... Никогда...

(Молчаніе).

Хаше (замѣчаетъ что-то необыкновенное на лицѣ Довидля. Въ сильной тревогѣ оглядывается, не идетъ ли кто-нибудь. Быстро убѣгаетъ въ дверь налѣво. Тотчасъ же возвращается. Лицо ея мертвенно блѣдно. Становится у изголовья больного. Ломаетъ руки. Лицо ея выражаетъ страшное страданіе. На цыпочкахъ подходитъ къ нему, наклоняется надъ нимъ и смотритъ ему прямо въ лицо).

Довидль (кричитъ). Мама! гдѣ ты?

Хаше. Мама тебя охраняетъ...

Довидль (испуганно). Ма-ма! гдѣ ты?...

Хаше. Я охраняю тебя.

Довидль (вздыхая). Н-нѣтъ...

Хаше (разрываетъ платье на себѣ. Рветъ на себѣ волосы. Поминутно смотритъ въ дверь, не идетъ ли кто. Рыдая, кричитъ): Дитя мое! Дитя мое!... (Дергаетъ его за руки и кричитъ еще громче). Дитя мое! Дитя мое!

Одинъ за другимъ входятъ люди съ блѣдными, сосредоточенными лицами и окружаютъ кровать.

Хаше (дергаетъ Довидля). Дитя мое! Дитя мое!

Одинъ изъ пришедшихъ держитъ ее за руки. Другой дѣлаетъ ей знакъ, чтобъ она замолчала.

Занавѣсъ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

У Генаха-мельника. Выбѣленная комната. Простая некрашенная мебель. Справа два окна. Слѣва дверь въ другую комнату. Въ субботнемъ канделябрѣ горятъ три свѣчи.

Генахъ, опустивъ голову, сидитъ за столомъ. Весь ушелъ въ свои мысли.

Песль стоитъ посреди комнаты. Смотритъ на Генаха, какъ бы ждетъ отвѣта.

Ханеле сидитъ на скамейкѣ у окна, спрятавъ лицо въ рукахъ.

Генахъ (встаетъ съ мѣста. Твердо): Пусть будетъ такъ... Сколько еще ждать? Гдѣ предѣлъ? Это не за мои грѣхи.

Песль. И ты съ такимъ легкимъ сердцемъ говоришь это?

Генахъ. Я отецъ, и ты, дай Богъ до ста двадцати лѣтъ, мать. Отецъ съ матерью имѣютъ право добиваться счастья своихъ дѣтей. Самъ Богъ велитъ.

(Молчаніе).

Ханеле (подходитъ къ Песль, прижимается къ ней). Я такъ боюсь, я такъ боюсь, мамочка...

Песль. Наединѣ съ нею онъ хотѣлъ остаться.. Онъ говорилъ съ тобой?

Генахъ. А я бы не позволилъ.

Песль. Какъ можно было не позволить?

Ханеле. Какъ только онъ меня увидѣлъ, онъ началъ плакать.. Тихо, безъ словъ онъ плакалъ... И я тоже тихо плакала...

Генахъ. А заслуги предковъ тоже не шутки... Покойный отецъ мой, рай ему небесный, еще ни разу не покидалъ меня.

(Молчаніе).

Ханеле. Въ его глазахъ было столько мольбы. Безъ словъ онъ смотрѣлъ на меня... И мы оба тихо плакали...

Генахъ. Тебѣ надо было откровенно поговорить съ нимъ. «Отецъ съ матерью плачутъ» — надо было сказать... «Въ домѣ нашемъ темно и мрачно... Отецъ съ матерью хотятъ видѣть радость отъ своей дочери»...

Песль. «Мать уже всѣ глаза свои выплакала» — вотъ что надо было сказать тебѣ. «Мать первое дитя свое въ землю схоронила. Я одна только осталась у нея... Пусть свѣтитъ ей хоть эта одна звѣзда»...

Ханеле. Какъ могу я, мамочка, такія слова говорить ему? Никогда, никогда я не скажу ему этого... (Молчитъ немного). Сама ты, мама, меня учила любить его. И я его, какъ жизнь свою, любила, мама. На помолвкѣ онъ былъ такъ красивъ, вѣдь ты сама, мамочка, говорила... (Цѣлуетъ мать).

(Молчаніе).

Пайэ (заходитъ). Добрый вечеръ!

Песль. Добро пожаловать! Совсѣмъ одна!

Генахъ. Кто не привыкъ ходить ночью одинъ...

Пайэ. Когда нужно, пойдешь... Какъ поживаешь, Ханеле?.. Ханеле сидитъ еще у мамы на рукахъ (Оглядывается). Свѣтло у васъ, пошли намъ Богъ такую свѣтлую долю.

Генахъ. Квартиру выбѣлилъ... Все готово было...

Песль. Ой, ой, ой, Богу нельзя задавать вопросовъ.

Генахъ. Я никогда не задавалъ ихъ.

Пайэ (гладитъ Ханеле, цѣлуетъ ее). Ханеле, дитя мое, отчего ты такъ блѣдна? Ты не выспалась?

Ханеле смущается.

Песль. Моя дочка не спитъ поздно. Съ пѣтухами встаетъ.

Пайэ. Правда, Ханеле? (Беретъ Ханеле за руку и вмѣстѣ съ нею усаживается на скамейку у окна). Хочешь быть моей дочкой, Ханеле?

Ханеле прячетъ голову.

Пайэ. Что на душѣ, то на языкѣ. Когда случилось иначе, я долгое время дулась. Она еще крошкой была, я уже къ ней приглядывалась... «Вотъ суженая моего сына»,—твердила я всегда. Мать, небось, знаетъ, кто суженая ея сына... Вотъ видите же, куда вы забрели.

Генахъ. Развѣ я свободенъ? Когда Богъ хочетъ наказать, Онъ ужъ находитъ путь. Нельзя роптать... Я простой человѣкъ, мельникъ я, но одно я знаю... Я вижу, Тотъ, Кто въ небѣ, посылаетъ вѣтеръ то съ одной, то съ другой стороны... Я?.. у меня воля?..

Песль. Сердце матери все въ ранахъ. Что могла я сдѣлать?

Пайэ. Теперь вѣдь ужъ все ясно. Все, какъ на ладони.

Песль. Еще ничего не ясно. Мы, можетъ быть, ставимъ на карту жизнь.

Хенеле. Онъ еще, не дай Богъ, умретъ... Я не хочу, чтобъ онъ изъ-за меня умеръ...

Молчаніе. Всѣ съ удивленіемъ смотрятъ на Ханеле.

Пайэ. Дурочка, человѣкъ умираетъ за свои грѣхи, сказано. Это правда. Единственная дочь. Самъ Богъ прощаетъ...

Песль. Я совсѣмъ молчу. Истерзанная мать я.

Упадетъ, не дай Богъ, одинъ волосъ съ головы моего ребенка, что тогда моя жизнь?

(Молчаніе).

Генахъ смотритъ въ окно.

Ханеле. Идетъ кто-нибудь?

Генахъ. Я смотрю, съ какой стороны надвигается вѣтеръ.

Пайэ. Такъ слушайте же. Я иду теперь отъ раввина, разсказала я ему, какъ обстоитъ дѣло, разсказала я. Дочь Генаха-мельника, говорю я, была обручена съ сыномъ Гавріэля. И вотъ ужъ скоро годъ, какъ женихъ хвораетъ. Не приведи Богъ никому, во что онъ уже превратился. Ханеле, говорю я, молоденькая дѣвушка. Отецъ съ матерью жаждутъ радости отъ нея... Годъ времени, сколько же еще? «Ребе», сказала я: «вы должны и вы обязаны разрубить этотъ узелъ».

Песль утираетъ слезы.

Генахъ. Что же онъ, пошли Богъ ему жизнь, сказалъ?

Пайэ. «Она сама», сказалъ онъ, «пусть идетъ къ нему и своими устами пусть проситъ его, чтобы онъ ее освободилъ».

(Молчаніе).

Ханеле. Я ничего не хочу, я всего боюсь.

Песль. Сдѣлаешь это, дитя мое? Да, сдѣлаешь?

Ханеле не отвѣчаетъ.

Генахъ. Вѣдь мать тебя спрашиваетъ.

Пайэ. Весь городъ слезы льетъ. Всѣ просятъ Бога, чтобъ онъ простилъ.

Генахъ. Я простой человѣкъ. Если раввинъ своими непорочными устами велитъ—я слушаюсь.

Пайэ. Сама изъ его праведныхъ устъ слышала.

Песль (утираетъ слезы). Сердце мое разрывается отъ боли и страха. (Гладитъ Ханеле). Слушай вни-

мательно, дитя мое, слушай внимательно, я тебя научу, какъ говорить.

Пайэ. Вотъ такъ хорошо, такъ хорошо.

Ханеле. Ой, мама, я не могу, я не смогу.

Песль. Ты плачь передъ нимъ, ты скажи ему, что будешь за него Бога молить.

Ханеле. Ой, мамочка, я не смогу... Вѣдь онъ такъ любитъ меня... Ты не знаешь, мамочка, какъ онъ надо мною плакалъ, когда я была у него въ праздники.

Пайэ. Такія слова еврейкѣ и произносить грѣшно...

Ханеле утираетъ слезы.

Генахъ. Стыдись, Отца своего позоришь.

Пайэ. «Ханеле» — иначе и не знаетъ никто въ городѣ. Весь городъ будетъ за тебя молиться, чтобъ ты Богомъ не была наказана.

Генахъ (цѣлуетъ Ханеле; говоритъ мягко). Слушайся отца своего... Если отецъ говоритъ, онъ, вѣрно, знаетъ... Я самъ пойду съ тобой, онъ долженъ будетъ простить тебя. Я буду говорить за тебя. Ты скажи только: отца—матери я слушаюсь.

Ханеле (плача). Я слушаюсь... Дѣлайте со мною, что хотите.

Пайэ. Жилъ бы мой отецъ, праведникъ, не ходила бы я къ раввину.

Генахъ. Нѣтъ, къ раввину итти надо. Раввинъ весь городъ на плечахъ своихъ носитъ. Ханеле, сегодня еще хочу я, иди со мной...

Пайэ. Сегодня, сегодня еще будемъ бить тарелки. Я готова, мой сынъ согласенъ...

(Молчаніе.)

Песль (выноситъ изъ другой комнаты кучу новыхъ платьевъ). Все готово, все готово. Горе матери: надѣялась—въ шелкъ, въ бархатъ одѣну дитя свое, и къ вѣнцу поведу. (Кладетъ платья на столъ).

Ханеле (бросается матери на шею). Ой, мамочка,

если бъ ты знала, какъ я пугаюсь... Если бъ ты знала, какъ бьется мое сердце... Какъ могу я сказать ему такія слова?.. Онъ видѣлъ всѣ эти платья... Я ему разсказала, въ какомъ поведутъ меня къ вѣнцу...

Пайэ. На столѣ лежитъ подвѣнечное платье, а вы наполняете домъ своей печалью. По пустынѣ да разсѣется она.

Генахъ. Мое дитя, моя плоть... Я имѣю право...

Пайэ. Я тоже мать...

Ханеле. Прихожу я къ нему... Я не могу говорить... Мамочка, можетъ быть, онъ опять станетъ здоровымъ, и я его опять буду любить такъ же, какъ любила его ты, мамочка...

Песль. Я его любила, дитя мое. Зѣницей ока былъ онъ мнѣ. Но ты вѣдь вся жизнь моя... Не дай Богъ, что-нибудь случится съ тобой, и матери твоей уже на свѣтѣ нѣтъ... Идемъ со мной, дитя мое, мы обѣ пойдемъ... Со слезами будемъ просить его, чтобъ простилъ насъ... Пусть онъ на насъ обѣихъ посмотритъ и увидитъ, какъ велики муки мои... Пусть онъ проститъ клятву... Пойдешь, да?

Генахъ. Отецъ требуетъ, она пойдетъ.

Пайэ Всѣ согласны. Зажгите еще свѣчей. Пусть будетъ свѣтло... Всѣ согласны... Идите, а я останусь ждать, пока вы вернетесь съ просвѣтленной душой...

Ханеле (прячетъ голову на плечѣ матери и плачетъ). Ой, мамочка, мамочка, какъ я боюсь...

Занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

У Генаха. Полутемно. На очагѣ догораютъ лучинки. Нѣкоторое время въ комнатѣ никого нѣтъ. Слышенъ только трескъ тлѣющихъ лучинъ. Подъ окномъ воетъ буря, которая отъ времени до времени заливается рыданіями. На столѣ свадебные наряды.

Генахъ (входитъ. Лицо его безпокойно. Онъ подбавляетъ лучины къ огню. Въ комнатѣ становится свѣтлѣе. Вѣтеръ усиливается. Генахъ подходитъ къ окну и глядитъ въ темную ночь. Говоритъ про себя, сжимая обѣими руками лобъ). Не надо было этого... Нельзя было... Не знаменіе ли это мнѣ?.. Мельницу мою съ горы снесетъ... (Вѣтеръ подъ окномъ завываетъ. Генахъ выбѣгаетъ изъ комнаты).

Тихо.

Песль и Ханеле входятъ. Лицо Ханеле искажено страхомъ.

Песль. Охъ, что за проклятье, что за навожденіе! За чьи грѣхи? За чьи прегрѣшенія?..

Ханеле. Спрячь мои платья, мама... Боюсь смотрѣть на нихъ.

Песль (уноситъ платья въ другую комнату). Кровь моя, сердце мое... Боже правый, что случилось? что случилось? (Возвращается).

Ханеле. Мнѣ холодно, мама.

Песль (цѣлуетъ Ханеле). Пусть мое горе и твое страданіе сольются въ одну мольбу и вознесутся къ Тому, Кто на небѣ. (Кутаетъ ее въ платокъ).

Ханеле сидитъ у стола безъ словъ. Ея взоръ испуганно блуждаетъ.

Песль. Разразилась буря надъ моей головой (смотритъ въ окно). Что за страшная ночь... Какъ онъ справится одинъ... Рветъ мельницу, рветъ безъ пощады... Пойдемъ къ отцу, Ханеле, посмотримъ, что съ нимъ.

Ханеле не отвѣчаетъ.

Песль. Богъ проститъ.

Ханеле (по-дѣтски): Слушай, какъ свиститъ вѣтеръ. Слышишь, какъ онъ плачетъ. — Это онъ плачетъ...

Песль. Дитя мое, завтра мы всѣ вмѣстѣ пойдемъ плакать туда...

(Молчаніе).

Ханеле. Вѣтеръ говоритъ... По дорогѣ я слышала, какъ вѣтеръ кричалъ: „Ханеле". Вотъ слушай...

Песль. Только мать твою Богъ накажетъ, только мать твою...

Генахъ (вбѣгаетъ). Вы здѣсь? Скорѣе, помогите! Горе намъ!.. Разнесетъ мельницу на щепки!..

Песль (плачетъ). Все пропало, Генахъ... Кончено, все кончено...

Генахъ Волосы на головѣ моей превращаются въ иглы... Идемте со мной во дворъ! (Выбѣгаетъ).

Песль (ломаетъ руки). Идемъ къ отцу, дитя мое. Вѣтры, бури—все на мою голову, все на меня...

Ханеле. Я не пойду на улицу... Мама, не уходи, не оставляй меня одной...

Песль. Онъ еще и не знаетъ. Онъ ничего еще не знаетъ... Какъ сообщить ему объ этомъ? Такой ужасъ!..

Ханеле. Если я сама не пойду, онъ вытащитъ

меня изъ дому... Силой, за волосы... „Иди со мной!“ будетъ онъ кричать.

Песль (въ отчаяніи мечется по комнатѣ; глядитъ въ окно). Тише... Тише... Тотъ, Кто въ небѣ, милуетъ... Онъ удерживаетъ... Слава Тебѣ, Господи... Безъ силъ онъ останется... Душу свою оставитъ... Слава Тебѣ, Господи... (Глядитъ въ окно).

Ханеле. Скажи, мама, почему они меня прогнали?.. Я хотѣла его видѣть... просить... Скажи... Ты все знаешь...

Песль. Сдержалъ... Закрѣпляетъ крылья... Слава Тебѣ, Господи...

Ханеле. Я хотѣла крикнуть: „Довидль, я твоя“! Они меня не впустили... Скажи, отчего на полу стояли зажженныя свѣчи? Мама, скажи мнѣ...

Песль (отходитъ отъ окна. По ней видно, что она совершенно не слышала, что говорила Ханеле). Отчего ты такъ дрожишь? Тебѣ холодно? Богъ смилостивился... Все на меня излей, Господи... Все на мать...

Генахъ (входитъ блѣдный, перепуганный. Дышитъ тяжело, какъ послѣ упорной борьбы). Разскажи, что случилось. Какъ тамъ?

Песль. Садись. Ты совсѣмъ безъ силъ...

Генахъ. Это былъ не вѣтеръ... Нѣтъ, это былъ не вѣтеръ. Пальцы въ колесахъ ломало... Стѣны рвало... Нѣтъ, не рвало, а завывало, точно волкъ... Говорило... Я заткнулъ всѣ дыры въ стѣнахъ, а оно ихъ опять прорвало... Со всѣхъ сторонъ... Первый разъ это случается. Я попробовалъ свернуть крылья въ сторону... Не помогло. Оно набѣгало каждый разъ съ другого конца...

Песль (смотритъ Генаху въ лицо. Стираетъ потъ съ его лба). Холодный потъ на лбу твоемъ.

Генахъ. Гдѣ вы были?.. Что случилось?

Песль. Когда ушла Пайэ?

Генахъ. Началъ рвать вѣтеръ, она ушла въ городъ... Ее съ мѣста подняло... (Стоитъ задумавшись.

Онѣ глядятъ на него). Сердце мое чуетъ что-то... Когда сердце подсказываетъ, надо знать, что дѣлать... Вы хорошо посмотрѣли, это навѣрно была Пайэ?.. Это была Пайэ?..

(Мертвая тишина).

Генахъ. Ханеле, чего ты такъ сидишь?.. Говори громче... Скажи мнѣ... Сердце у меня изъ груди рвется отъ ужаса... Скажи мнѣ...

Песль. Не спрашивай... Не спрашивай... Будемъ молиться Богу... Поищи псалтырь отца... Молись, молись... Генахъ, мы не одни...

Генахъ (глядитъ въ окно). Темно, страшно темно... (Вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, громко). Разскажите, что случилось! (Глядитъ на Ханеле). Смотри, я ея не узнаю.

Песль. Плохо, Генахъ... Плохо... Страшный грѣхъ мы совершили... Страшный грѣхъ!..

Ханеле. Онъ насъ не простилъ!

(Молчаніе).

Генахъ. И онъ будетъ требовать свое... Онъ требуетъ свое... (Онъ хватается за голову). Плохо... въ мельницу, противъ оконъ моихъ онъ забрался... Мельницу снести хотѣлъ... Съ мельницы началъ... Къ раввину... Идемте всѣ вмѣстѣ въ городъ... Всѣ вмѣстѣ... (Стоитъ растерянно).

Песль подходитъ ближе къ Генаху и съ испугомъ глядитъ на него.

Ханеле (съ ужасомъ смотритъ на него). Отецъ! Голова твоя... Борода твоя... Побѣлѣли...

Занавѣсъ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Подъ вечеръ. Справа домъ Генаха, крытый соломой. Передъ домомъ скамья. За домомъ вѣтряная мельница на холмѣ. Недалеко отъ мельницы песчаная дорога.

Генахъ (сидитъ на скамейкѣ, прижимая къ себѣ Ханеле). Надо бы съ телѣгой въ лѣсъ поѣхать буреломъ собрать... Вѣтеръ достаточно навалилъ... (Глядитъ на небо). А небо все предвѣщаетъ бурю...

(Молчаніе).

Ханеле. Такъ долго мамы нѣтъ. Уже темнѣетъ...

Генахъ. Горы переноситъ мать твоя каждый день изъ моря въ море.

Ханеле. Каждую ночь, раньше, чѣмъ лечь, ты завяжи крылья цѣпями, крѣпко завяжи.

Генахъ. Да, если бъ это помогло...

(Молчаніе).

Ханеле. Какъ это ты могъ усидѣть одинъ на мельницѣ?

Генахъ. Отецъ твой не хочетъ пойти съ сумой... (Глядитъ на небо. Тихо бормочетъ). На небѣ радуга... На землѣ буря...

(Молчаніе).

Ханеле. Отчего Пайэ не пришла на похороны? Отчего она не пришла?

Генахъ молчитъ. Опускаетъ голову. Ханеле смотритъ на него. На дорогѣ появляется нищій съ большимъ узломъ на спинѣ и съ сумой сбоку. Въ рукѣ у него длинная палка. Онъ направляется къ дому. Генахъ и Ханеле не замѣчаютъ его.

Первый нищій (подходитъ ближе). Добрый вечеръ. (Генахъ и Ханеле вздрагиваютъ. Ханеле отодвигается отъ отца).

Генахъ (приходитъ въ себя). Шолемъ-алейхемъ. Откуда еврей?..

Первый нищій. Алейхемъ-шолемъ. Ночь меня застигла. Хочется отдохнуть. (Снимаетъ узелъ съ плечъ).

Генахъ. Издалека?

Первый нищій. Совсѣмъ мало сегодня прошелъ. Верстахъ въ восьми отсюда ночевалъ.

Генахъ. Всего въ верстахъ восьми отсюда?

Первый нищій (усаживается). Эхъ, ноги ужъ не слушаются. Въ молодые годы я, бывало, шагну— лошадьми не догнать было.

Генахъ (вздыхаетъ). То-то... Постарѣешь иной разъ за одну ночь...

Первый нищій (смотритъ на Ханеле). Дочь, вѣрно?

Генахъ. Единственная.

Первый нищій Гм...

(Молчаніе).

Генахъ. Такъ въ тѣхъ мѣстахъ, то есть откуда вы идете... ничего не слышно...

Первый нищій. Насчетъ пожаровъ вы думаете, что ли?

Генахъ. Я такъ себѣ спрашиваю. Ничего не слышно?... Вѣтеръ, вѣрно, былъ большой?...

Первый нищій. Хе-хе-хе, вы про это? Да, силь-

ный вѣтеръ! Крыши срывало, солому съ кровель, Богъ знаетъ, куда уносило...

(Молчаніе).

Генахъ (указываетъ на мельницу). Вотъ кормилица моя.. Груда развалинъ могла отъ нея остаться. Милость Божья подоспѣла...

Ханеле. Отецъ одинъ задержалъ.

Первый нищій. Не достану ли я у васъ немного воды, чтобъ помыть руки? Я еще не читалъ ранней вечерней молитвы.

Генахъ. Принеси, Ханеле, кружку воды.

Ханеле бѣжитъ въ домъ.

Первый нищій. Замужъ выдать пора бы... Радость бы видѣть...

Генахъ недовѣрчиво смотритъ на него.

Первый нищій. Въ дорогѣ всѣ четыре стороны востокъ*)... На одинокаго въ пути Богъ взираетъ со всѣхъ сторонъ.

Генахъ. Какъ это вѣрно. Вѣрно. Грѣшишь иной разъ, устами... дурными дѣлами... Я былъ простымъ человѣкомъ... совсѣмъ простымъ человѣкомъ, но вдругъ разомъ у меня глаза открылись. (Указываетъ на свои сѣдую голову и бороду). Вы видите? Это за одну ночь...

Ханеле (выноситъ воду). Я достану изъ колодца свѣжую воду, если хотите.

Первый нищій. Хорошо, хорошо ужъ, милая дочь.

Генахъ. Понимаете ли, когда разыгрывается буря— дѣлать нечего. Она оборачиваетъ востокъ на западъ и западъ на востокъ.

Первый нищій. Охъ молиться, молиться... (обливаетъ руки).

Ханеле (Генаху). Попроси его, чтобъ онъ ночевалъ у насъ.

---

*) Евреи молятся, обращаясь лицомъ къ востоку.

Генахъ Вы можете переночевать у насъ, если хотите.

Первый нищій. О, прекрасно, прекрасно...

Песль (приближается по дорогѣ. На спинѣ узелокъ. Замѣчаетъ чужого. Ея лицо проясняется удивленіемъ и радостью. Сбрасываетъ узелокъ). Господи Ты внялъ моей мольбѣ.

Ханеле (цѣлуетъ мать). Мамочка, ты такая веселая, такая веселая.

Генахъ смотритъ на нихъ удивленно.

Песль. Я нашла у окна своего знаменіе. Богъ говоритъ... «Пора»... Кто васъ, милый человѣкъ, послалъ ко мнѣ?

Первый нищій. Ночь меня направила сюда! Когда-то, въ молодые годы, если не случалось къ ночи попасть въ еврейскій домъ, я отдыхалъ въ полѣ, среди дороги или гдѣ-нибудь въ лѣсу подъ деревомъ. Теперь я долженъ считаться со своими годами.

Песль. Богъ послалъ васъ ко мнѣ. Мой домъ открытъ передъ вами. Моя хлѣбъ-соль уготовлены вамъ. Генахъ! сегодня еще я пошлю въ ближайшія деревни собрать всѣхъ прохожихъ... Пусть они придутъ ко мнѣ. Вмѣстѣ съ солнцемъ я встану и буду молиться за ихъ здоровье.

Первый нищій. Да, гостепріимство, гостепріимство... Одинокихъ оно спасаетъ отъ одиночества...

Генахъ (удивленно). Кто вложилъ въ твои уста такія святыя слова?

Первый нищій. Я ужъ не усталъ... не усталъ..

Песль глядитъ на Генаха.

Генахъ. Сердце во мнѣ растетъ отъ радости... Я хочу узнать чудо, лицо твое переродилось... Семисвѣчникъ зажегся въ глазахъ твоихъ...

Первый нищій. Разскажите, разскажите, что случилось.

Песль. Ибо такъ онъ повелѣлъ,.. Каждаго прохожаго задержать на ночь. Хлѣбомъ-солью накормить.

Передъ каждымъ прохожимъ излить свое наболѣвшее сердце... повѣдать свое горе. Пусть каждый прохожій въ отдѣльности молится Богу за нашъ домъ и нашу семью. (Обнимаетъ Ханеле). Ханеле, свѣточъ мой, жизнь моя. Пусть весь міръ за тебя Богу молится.

Ханеле прижимается къ матери, удивленно глядитъ на нее.

Генахъ (блѣдный). Только съ разумомъ, дитя мое, только съ разумомъ. Сердце изъ груди выскочить можетъ. Печаль черезъ мѣру и безъ предѣловъ можетъ перенести каждое живое существо, но радость черезъ мѣру, дитя мое, не такъ легко переносится.

Первый нищій (съ любопытствомъ), Разскажите скорѣе, разскажите въ чемъ дѣло.

Песль. Каждый день мать будетъ разсказывать про свои страданія, и добрые люди будутъ молить за нее небо. Въ камень превратилось было сердце мое, незрячими глазами глядѣла я вокругъ себя. Я бодрствовала надъ моимъ ребенкомъ днемъ, бодрствовала ночью... Я обращала свои взоры на востокъ и западъ, на югъ и сѣверъ... Отовсюду ждала я помощи... Сегодня я получила первое знаменіе. Слезы матери дошли до Святого Престола..

Первый нищій. Благочестивое, богобоязненное дитя, какова же быль?

Ханеле (стираетъ слезы, которыя изъ глазъ матери падаютъ на ея лицо). Мама, ты плачешь?..

Песль. Отъ счастья текутъ слезы мои, я буду купать въ нихъ дитя мое.

Генахъ (возбужденно). Ради Бога, разскажи, что случилось? Смотри, чтобъ только сердце вынесло это... Посѣдѣть вторично я ужъ не смогу.

Песль (тихо). Надъ домомъ моимъ тяготѣло проклятье за грѣхи мои... За мои прегрѣшенія... До вашего прихода это проклятье все таилось подъ моимъ окномъ.

Первый нищій (почти испуганно). Что случилось?

Песль. Проклятой женщиной была я. Десять лѣтъ прожила я со своимъ суженымъ, и Тотъ, Кто въ небѣ, не хотѣлъ осчастливить меня ни однимъ ребенкомъ... На одиннадцатомъ году, мольбы мои были услышаны, и я родила дочь. И вторично снизошло на меня милосердіе Его: Онъ послалъ мнѣ еще одну дочь. Разомъ наполнилась чаша моя... Счастье мое черезъ края переливалось... По пятницамъ я зажигала свѣчи у кивота и съ благоговѣніемъ и страхомъ смотрѣла, какъ свѣтилось счастье мое... Я освѣщала домъ Божій, а Онъ благословлялъ мой домъ...

Генахъ. Правда, правда, какъ имя Его...

Песль. Какъ колосья на полѣ, росли онѣ у меня... Я боялась по имени звать ихъ, чтобъ, не дай Богъ, имя ихъ не стало лишнимъ Тому, Кто въ небѣ... Рохель, старшая, какъ ясное солнышко, сіяла... Она весь домъ нашъ наполняла свѣтомъ и пѣніемъ. Еще крошкой она бѣгала въ храмъ Божій зажигать свѣчку... Но больше не угодно было Всевышнему... Я обручила ее съ женихомъ богобоязненнымъ, но, когда настало время шить ей свадебный нарядъ, моя радость обернулась въ печаль... (Прижимаетъ къ себѣ Ханеле). И осталась мнѣ вотъ она, вся моя жизнь... все мое утѣшеніе... Моя душа. Обручила я ее, женихъ впалъ въ тяжкую болѣзнь... Годъ времени мучился онъ... Все тѣло его высохло, какъ тросточка... Мы плакали, молили, чтобъ онъ простилъ намъ клятву... Онъ не отвѣчалъ...

Первый нищій. А что дальше?

Генахъ. Клятву нарушили...

Первый нищій. А теперь?

Песль. Теперь... Теперь... Его уже похоронили, а онъ все приходитъ требовать свое...

(Молчаніе).

Первый нищій. Невеселая исторія... Милосердіе... Море милосердія нужно...

Песль. Молитвѣ многихъ внемлетъ Богъ... Такъ сказалъ мнѣ раввинъ своими безпорочными устами... Велѣлъ искать прохожихъ... Чтобъ домъ мой сталъ пріютомъ безпріютныхъ... Я буду имъ ноги обмывать, буду ходить за ними... (Снимаетъ съ нищаго суму). Ко мнѣ, въ мой домъ идемте...

Ханеле помогаетъ.

Первый нищій (задумчиво). Много милосердія... много милосердія... (Идетъ въ домъ).

Генахъ (дрожитъ весь). Я готовъ... я готовъ.

Занавѣсъ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Днемъ у Генаха.

Первый нищій (стоитъ посреди комнаты, надѣвъ на себя суму и узелокъ и собираясь уходить) Пусть снизойдутъ на вашу семью всѣ благословенія Божіи.

Ханеле. Если вы встрѣтите еще нищихъ, пошлите ихъ къ намъ.

Песль (суетъ ему что-то въ суму). Вотъ вамъ на дорогу, пока доберетесь до слѣдующей деревни.

Первый нищій. Доброе счастье вамъ, доброе счастье вамъ.

Песль. Стойте, стойте, я имѣю еще что-то для васъ. (Спѣшитъ во вторую комнату).

Первый нищій. Домъ праотца Авраама... Со всѣхъ четырехъ сторонъ открыты двери для странниковъ...

Песль (выноситъ какой-то свертокъ и кладетъ ему въ суму). Вотъ, снесите своимъ дѣткамъ.

Первый нищій. Домъ праотца Авраама... Поистинѣ, домъ праотца Авраама... Какъ можетъ Тотъ, Кто правитъ міромъ, поднять руку Свою на такой домъ?..

Песль. Со всѣхъ сторонъ посылайте прохожихъ... Мой домъ открытъ для всѣхъ. Мой мужъ и мое дитя будутъ всѣмъ прислуживать.

Первый нищій. Свято, свято. (Направляясь къ двери). Такія благодѣянія не пропадаютъ даромъ... Нѣтъ, нѣтъ, никогда. Будьте здоровы, будьте здоровы...

(Уходитъ).

Песль и Ханеле смотрятъ ему вслѣдъ черезъ окно.

Песль. Теперь, дитя мое, мы возьмемся за свое.

Хенеле. Я буду смотрѣть ему вслѣдъ до тѣхъ поръ, пока онъ не исчезнетъ изъ глазъ.

Песль стоитъ, заломивъ руки, озабоченно смотритъ на Ханеле. Качаетъ головой.

Ханеле (отойдя отъ окна). Его уже нѣтъ. Мы опять однѣ... Отчего ты, мама, такъ озабоченно смотришь на меня?

Песль (очнувшись). Возьмемся за свое... Услышимъ еще, съ чѣмъ отецъ вернется изъ города... Ну, дитя мое.

Ханеле. Я совсѣмъ не могу этого, мамочка.

Песль. Воскъ мягокъ и чистъ.

Ханеле. Можетъ, сегодня не придутъ къ намъ нищіе на ночь.

Песль (кладетъ на столъ воскъ и нитки для фитилей). Я возьму тебя къ себѣ въ кровать, ты обовьешь руками мою шею. Я всю ночь буду бодрствовать надъ тобой. (Разрѣзываетъ фитили).

Ханеле. Мы обѣ не будемъ спать... Мы всѣ будемъ бодрствовать...

(Молчаніе).

Песль. Девять разъ я измѣрила могилку Рохеле и одинъ разъ все кладбище... На тебѣ, дитя мое, фитилекъ и говори: „Пусть душа моей сестрицы Рохеле заступится за меня, чтобъ меня и моего жениха не постигло наказаніе“.

Ханеле. Ой, мамочка, не говори этого!.. Мнѣ становится такъ грустно...

Песль. Вотъ свѣчка ужъ скоро готова. Катай ее и говори: „Пусть душа моей сестрички Рохеле проситъ Бога за меня и моего жениха“...

Ханеле. Ой, мамочка, не говори этого... Такъ бьется мое сердце... Катать я буду свѣчечки изъ воска чистаго и буду говорить: „Сестрица моя, сестреночка милая, міръ такъ прекрасенъ, жизнь такъ хороша... Я жить хочу, но къ вѣнцу не пойду я“.

Песль. Катай, дитя мое, катай; проклятье ужъ оставило нашъ домъ. На свадьбу твою придетъ сестра твоя. Съ кивота праздничную завѣсу снимутъ, одѣнутъ на шестки... У большой синагоги совершится вѣнчаніе твое... Вотъ тебѣ еще фитилекъ, онъ ужъ обложенъ воскомъ... Катай, катай и говори: „Сестричка моя, девять разъ измѣрили твою могилку, девять разъ мать наша измѣрила твои косточки... Проси Бога за твою младшую сестру. Пусть Онъ сниметъ грѣхъ съ дома нашего“... Говори, дитя мое; мать наша согрѣшила, она не сдержала слово... Накажи, Боже, мать, но не невинныя косточки дочери ея...

Ханеле. Ой, мамочка, сердцу такъ страшно становится. Я буду свѣчки зажигать въ домѣ Божіемъ передъ кивотомъ и буду говорить: „Девять разъ мать моя фитилями вашими измѣряла косточки сестры моей... Горите же, горите, свѣчечки... Пусть пламя ваше разгорается и до самаго неба поднимется... Пусть оно въ небѣ всѣхъ ангеловъ разбудитъ... Проси, Рохеле, за сестру свою, чтобъ она къ вѣнцу не шла“...

Песль. Горе матери! Что говоритъ ея дитя?

Ханеле. Твоя сестра совьетъ себѣ гнѣздышко въ зеленомъ лѣсу... Какъ звѣздочки на небѣ, такъ сестра твоя будетъ одна на землѣ. И когда женихъ вернется къ ней она ему скажетъ:

„Будь ты пташечкой, что улетѣла на зиму въ страну далекую... Буду я пташечкой навѣки запертой въ

клѣткѣ золотой. Вокругъ пташечки женихъ летаетъ, бьетъ крылышками по закрытой клѣткѣ".

Песль прячетъ лицо, все ея тѣло вздрагиваетъ отъ рыданій.

Ханеле (бросается къ матери на шею). Мамочка, не плачь, я пойду къ вѣнцу... На голубомъ шелку я вышью двѣ ясныя звѣздочки: одну для Ханеле, одну для Рохеле... Скажи, мамочка, кто теперь будетъ женихомъ моимъ?

Песль. Ученый будетъ онъ, и благодать Божія будетъ на лицѣ его.

Ханеле. А что мнѣ сказать ему, когда я въ первый разъ его увижу?

Песль. „Я еврейская дочь, у меня непорочное сердце... Ты будешь изучать святую Тору, а я буду сидѣть въ уголочкѣ и молиться Богу"...

Ханеле. Я ему скажу: „одинъ женихъ ужъ былъ у меня, косточки его гніютъ въ землѣ"...

Песль. Дитя мое! Дитя мое!

Ханеле. Не плачь, мамочка. Я сдѣлаю все, что ты хочешь... А когда я со своимъ женихомъ буду стоять подъ вѣнцомъ, онъ и не будетъ знать, что рядомъ съ нами стоитъ Довидль и смотритъ своими мертвыми глазами и шепчетъ мнѣ на ухо: „Ханеле когда-то имѣла жениха Довидля... Она не сдержала ему слова"...

Песль. Дитя мое! Дитя мое!

Ханеле. Мамочка, я пойду подъ вѣнецъ. И когда я буду одѣвать подвѣнечное платье, я такъ скажу: „Сестричка у меня была, шили для нея шелковыя платья, собирались къ вѣнцу вести... Но счастье ея повернулось, и одѣли ее въ бѣлый саванъ"...

Песль. Кто говоритъ эти слова твоими юными устами?..

Ханеле. Жить хочетъ твое единственное дитя... Жить хочетъ сердце... А подъ вѣнцомъ вмѣстѣ со мной будетъ стоять ангелъ смерти со своимъ острымъ мечемъ... Онъ поведетъ меня домой послѣ вѣнца...

Песль (прижимаетъ къ себѣ Ханеле). Тише... тише... Сердце матери разрывается отъ муки...

Молчаніе.

Песль и Ханеле сидятъ обнявшись. Подъ окномъ слышится чей-то голосъ.

Ханеле. Я боюсь... Я боюсь... (Начинаетъ плакать, какъ ребенокъ). Мамочка... мамочка...

Повисаетъ на шеѣ матери.

Занавѣсъ.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

У Генаха. Поздняя ночь. Въ канделябрѣ горитъ свѣча. На столѣ куча восковыхъ свѣчей. Песль поминутно выглядываетъ изъ комнаты налѣво. Взволнована. Долго съ напряженіемъ глядитъ въ окно. Оглядывается въ комнатѣ, какъ бы видя что-то страшное. Второй нищій выходитъ изъ другой комнаты, стоитъ задумавшись.

Песль. Не оставляйте одной мою дочь.

Второй нищій. Ничего, ничего. Мезузы*) въ порядкѣ, я всѣ осмотрѣлъ. Въ городъ за людьми не мѣшало бы...

Песль (съ испугомъ смотритъ на него). Что вы такое говорите?

Второй нищій. Богъ съ вами... Я говорю, что Богъ ниспошлетъ ей исцѣленіе... Днемъ вѣдь она была совершенно здорова...

Песль. Что вы хотите сказать этимъ?

Второй нищій. Нечего опасаться... Нечего бояться зла... Такихъ домовъ Всевышній не караетъ... Подождемъ до утра... Подъ утро всегда приходитъ спасеніе...

Идетъ во вторую комнату. Песль опять смотритъ въ окно.

---

*) Въ еврейскихъ домахъ къ косякамъ дверей прикрѣпляютъ куски пергамента съ написанной на нихъ молитвой „Слушай, Израиль"... Эти мезузы защищаютъ отъ нечистой силы.

Генахъ входитъ блѣдный, измученный, останавливается въ дверяхъ, опустивъ голову.

Песль. Ну, что? Скажи скорѣе...

Генахъ (безнадежно). Плохо съ нами...

Песль. Ты самъ своими глазами видѣлъ...

(Молчаніе).

Генахъ. Самъ своими глазами видѣлъ. Мельница стояла крыльями къ востоку... Теперь... Иди къ окну... Смотри... Можетъ, у меня въ глазахъ мутится... (Они оба напряженно смотрятъ въ окно).

Песль. Къ дому крыльями...

Генахъ. Западъ! Крыльями къ окнамъ!.. (Отступаетъ). Плохо, плохо... Развѣ я самъ не просилъ прощенія на могилѣ его?.. Чего онъ присталъ ко мнѣ?..

Песль. Генахъ, ты грѣшишь...

Генахъ Жизнь за жизнь... Я не стану платить...

Песль (напряженно прислушивается). Мнѣ кажется, мельница скрипитъ... Какъ будто ее поворачиваютъ...

Генахъ (осторожно глядитъ въ окно, не подходя къ нему близко. Шепчетъ). Вертится... Посмотри ты своими молодыми глазами... Смотри... Требуютъ душу изъ моего дома... Требуютъ.

Песль. Пусть лучше вытекутъ глаза матери.

Второй нищій (выходитъ изъ второй комнаты, безпокойно), Вы грѣшите тутъ устами... Что-то... я не знаю, навѣрно... Кажется, лицо ея измѣнилось... Спитъ она.

Песль спѣшитъ въ комнату.

Генахъ стоитъ задумавшись, сжимаетъ голову обѣими руками.

Песль (изъ другой комнаты). Генахъ! скорѣе! скорѣе!.. Горе намъ!

Генахъ колеблется, итти ли.

Песль. Генахъ! Генахъ!

Генахъ (идетъ во вторую комнату, безнадежно машетъ рукой). Кончено...

Второй нищій щупаетъ мезузы, шепчетъ.

Генахъ (выбѣгаетъ, бросается на шею нищему). Я муха... Грѣшная муха я... Я повинуюсь...

Второй нищій. Пойдемте, перемѣнимте мѣсто, внесемъ ее сюда съ кроватью*)

Песль. Генахъ! Генахъ!

Генахъ съ нищимъ идутъ во вторую комнату... Спустя немного они возвращются; несутъ Ханеле въ кровати. Песль ломая руки, безмолвно слѣдуетъ за ними.

Песль. Въ тотъ часъ, когда мы переносимъ тебя на новое мѣсто, да отстанетъ отъ тѣла твоего нечистая сила.

Они ставятъ кровать посерединѣ комнаты.

Ханеле лежитъ съ закрытыми глазами. Лицо ея покрыто румянцемъ.

Генахъ. У восточной стѣны поставимъ.

Второй нищій. У восточной... У восточной... Съ востока всѣ молитвы къ Богу возносятся...

Песль. (Около оконъ)... Нѣтъ, нѣтъ... посреди комнаты.

Они всѣ становятся вокругъ кровати.

Ханеле (не двигаясь, говоритъ совершенно ясно). Всѣ меня окружили...

Песль. Отецъ милосердный....

Генахъ (говоритъ громко, но какъ бы безсознательно). Генахъ, на тебя сегодня весь домъ обрушится...

Песль. Молчи... Молчи...

Нищій. Молчите... Ни слова...

Ханеле. Принесите мнѣ мое бѣлое платье... Бѣлое платье со звѣздочками... что сшили мнѣ на свадьбу...

---

*) У евреевъ сохранилось повѣрье, что нечистая сила имѣетъ власть только въ данномъ мѣстѣ, а поэтому, если перенести больного на другое мѣсто, онъ можетъ быть спасенъ.

Всѣ молчатъ.

Ханеле. Расплетите мнѣ волосы... передъ вѣнцомъ... Принесите мнѣ фату....

Генахъ (громко). Когда зовутъ, нельзя отказываться...

Песль дѣлаетъ ему знакъ, чтобъ онъ молчалъ.

Ханеле. Принесите мнѣ мои свадебные наряды...

Песль. Имя Божье помню я... Имя Божье...

Ханеле (тѣмъ же повелѣвающимъ голосомъ). Мое подвѣнечное платье... Чего вы молчите... Онъ стоитъ надъ моей кроватью... Онъ не даетъ мнѣ покоя... Онъ не прощаетъ... Чтобъ я пошла съ нимъ къ вѣнцу... Его душа мятется изъ міра въ міръ... Не найдетъ онъ покоя, пока онъ не станетъ подъ вѣнцомъ со мною вмѣстѣ.... Вы никого не видите въ комнатѣ.....

(Молчаніе).

(Всѣ оглядываются).

Песль (Шепчетъ). Какъ кость и камень знаютъ покой, такъ и ты найди покой свой... Оставь мое дитя... Я днемъ и ночью буду посылать Богу свои молитвы о твоемъ покоѣ....

Ханеле. Принесите мнѣ мое подвѣнечное платье...

Генахъ. Принесите подвѣнечное платье... Принесите...

Ханеле. Принесите мнѣ мое подвѣнечное платье...

Второй нищій (шепчетъ). Надо повиноваться... Надо повиноваться... Надо повиноваться...

Генахъ (выноситъ изъ другой комнаты подвѣнечное платье). Одѣть...

Ханеле (говоритъ, пока ее одѣваютъ). Я нарушила клятву... Я не сдержала слова... Изъ-за меня онъ умеръ... Его гонятъ, чтобъ онъ привелъ меня.. Чтобъ онъ не являлся безъ меня....

Второй нищій (шепчетъ). Воля Божья. Воля Божья... Вы должны исполнить ея просьбу...

Генахъ. Я повинуюсь... Я во всемъ повинуюсь...

Песль. Пусть глаза матери ослѣпнутъ...

Ханеле. Фату, бѣлую фату.....

Генахъ. Генахъ-мельникъ ко всему готовъ... (Онъ подноситъ къ кровати фату, и ее одѣваютъ на Ханеле).

Песль смотритъ на Генаха съ неописуемымъ ужасомъ.

Ханеле. Зажгите субботній канделябръ... Зажгите всѣ свѣчи....

Генахъ съ лихорадочной поспѣшностью зажигаетъ свѣчи изъ тѣхъ, что на столѣ и вставляетъ ихъ въ канделябръ.

Ханеле. Зажгите свѣчи... Станьте вокругъ меня... Надѣньте на шестки новую завѣсу...

(Молчаніе).

Ханеле. Окружите меня со свѣчами въ рукахъ.

Второй нищій (дрожитъ). Сдѣлайте такъ....

Ханеле. Зажгите свѣчи вокругъ меня... Всѣ со свѣчами...

Генахъ спѣшитъ въ другую комнату. Они провожаютъ его глазами.

Ханеле. Зажгите свѣчи вокругъ меня....

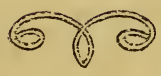
Песль машинально зажигаетъ всѣ свѣчи и становится у изголовья Ханеле.

Генахъ (выходитъ изъ комнаты, одѣтый въ субботнее платье, набросивъ на себя талесъ и бѣлый китель). Мнѣ свѣчу... Мнѣ... (Зажигаетъ свѣчу). Я готовъ... Генахъ-мельникъ идетъ со своею дочерью.....

Занавѣсъ.

Ю. СЛОВАЦКІЙ

ГЕЛІОНЪ-ЭОЛІОНЪ



Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній Словацкаго задуманныхъ имъ, но не закоченныхъ, въ послѣдній періодъ его жизни (1844—1849), была драма, оставшаяся безъ названія, солнечная драма, герой которой, Геліонъ-Эоліонъ, есть въ сущности поэтическое воплощеніе самого Словацкаго. Рукопись этой драмы находится въ библіотекѣ Оссолинскихъ, текстъ ея цѣликомъ воспроизведенъ въ новомъ 10-титомномъ собраніи сочиненій Словацкаго, изданномъ во Львовѣ *). Издатели произвольно дали этой драмѣ заглавіе «Самуэль Зборовскій», по имени одного изъ ея героевъ, выступающихъ во второй половинѣ драмы Словацкій не давалъ этого заглавія своему произведенію, и потому оно неумѣстно уже въ чисто-внѣшнемъ смыслѣ, не говоря о другомъ, гораздо болѣе важномъ: въ этой драмѣ Словацкій развиваетъ идею перевоплощенія, и вырабатываетъ цѣлую систему міросозерцанія солнечно-гармоничнаго, и если ужь называть эту драму именемъ одной изъ нарисованныхъ фигуръ, конечно, она должна именоваться «Геліонъ-Эоліонъ». Словацкій называетъ своего героя то однимъ, то другимъ именемъ,—то солнечнымъ по преимуществу онъ представляетъ его себѣ, то воздушнымъ, бурно-воздушнымъ.

Неоконченная эта драма была задумана Словац-

*) Dziela Juliusza Slowackiego. We Lwowie. Nakladem Ksiegarni W. Gubrynowicza. T. VIII. 1909.

кимъ, и создалась въ своей гипнотической напѣвности, въ ту пору его преждевременно прерванной жизни, когда онъ безъ устали мыслилъ надъ основными вопросами человѣческаго духа, надъ вопросами о первоисточникахъ и конечныхъ граняхъ человѣческаго бытія. Въ ту же самую пору были написаны имъ и многочисленные философскіе афоризмы и разсужденія, а также замѣчательнѣйшая космогоническая молитва, великій пантеистическій псаломъ, «Geneza z Ducha», «Происхожденіе изъ Духа». (См. объ этомъ послѣднемъ мой очеркъ «Преображеніе Жертвъ», въ журналѣ «Вѣсы» за прошлый годъ, въ одной изъ осеннихъ книжекъ, не помню, какой именно).

Я взялъ изъ драмы Словацкаго лишь нѣсколько сценъ, которыя, будучи такъ выдѣлены изъ всей драмы, являютъ изъ себя совершенно законченное цѣлое, полное лирической и драматической чары. Мало произведеній всемірной поэтической литературы, всемірнаго напѣвнаго творчества, отмѣчены такою идеальностью линій—словно мы среди Египетскихъ рисунковъ и ваяній. Чувствуется, что вѣка тому назадъ Словацкій уже былъ въ Египтѣ, и когда онъ попалъ въ Пустыню въ первой половинѣ красно-сѣраго 19-го вѣка, духи песковъ, пирамидъ, оазисовъ, и сфинксовъ заговорили съ роднымъ на родномъ языкѣ, и показали ему въ зеркалѣ провидческаго видѣнія и воспоминанія стройный міръ, гдѣ красный цвѣтъ былъ безъ сѣраго, какъ сопутствующаго, и гдѣ много было симфоній лазурныхъ, и мелодій золотисто-звонкихъ.

К. Бальмонтъ.

St.-Georges-de-Didonne.
1909. Іюль 31.

Взамкѣ князя Полонія.

Геліонъ ложится и засыпаетъ. Входитъ отецъ (князь Полоній) съ учеными (врачами).

Князь.

Вотъ здѣсь, за этой занавѣсью, сядьте.
Ужъ онъ заснулъ, любимый мой, но вдругъ
Проснется раньше, чѣмъ лѣсная пташка...
Что, эти свѣчи хорошо горятъ?
Вамъ видно? Все лицо его покрыто
Той страшной бѣлизной, въ которой—чары,
Навороженія сновъ... То—третій сонъ...
Коль онъ заговоритъ, его вамъ можно
Спросить о томъ, что связано съ видѣньемъ,
И онъ вамъ съ изступленнымъ вдохновеньемъ
Отвѣтитъ вещи дивныя.

Врачъ.

Явленіе
Сомнамбулизма,—слѣдствіе, порой,
Грудного аневризма.

Эоліонъ, срываясь.

Что надъ токомъ
Кровавымъ вѣетъ духъ благословенія,
Мнѣ вѣдомо... Но въ оно время,
Когда изъ волнъ текучаго огня
Левіаѳановъ вырывалось племя,
Когда, взметаясь и стеня,

Чрезъ муку первую природы
До Бога прорывался духъ,
Когда земные разверзалъ онъ своды,
Бросая скалы словно пухъ,
Когда перуны въ вышнихъ гротахъ
Давали духу свой отвѣтъ,
Я видѣлъ радугу, въ высотахъ
Духъ шелъ къ Тебѣ, и въ тѣхъ наметахъ
Со мною это былъ завѣтъ...
А ты теперь, въ кипѣньяхъ битвы,
Псалма желаешь и молитвы?
Моя молитва—разломы скалъ,
Моя молитва—перунный хоръ,
Псаломъ мой громкій—вулканомъ сталъ,
Костромъ огнистымъ—на высяхъ горъ...
Тогда ты не наморщилъ брови,
Какъ духъ входилъ въ колонну крови.
А что жъ теперь... а что жъ теперь?
Ты это море отвергаешь?
Обѣтованья замыкаешь
Въ своихъ любимцевъ? Заперъ дверь?
Такъ всю природу,—отлученный,—
Въ свои объятья захвачу,
Весь міръ возьму, весь міръ плѣненный
На разность формъ я размечу.
Не будутъ мертвыми каменья,
Что камень, ящуръ глянетъ тамъ,
Чрезъ вѣковыя поколѣнья
Явлюсь творцомъ, и вновь создамъ.
Когда жъ, какъ солнце золотое,
Я вспыхну въ дѣтищѣ твоемъ,—
Его спалю, сожгу любое,
И пригнету его огнемъ.
И въ гробъ войду, и выйду снова,
Пока не примешь ты меня,
Затѣмъ что—пусть я гада злого
Кровавѣй—пусть, но я—основа,
Духъ жизни силы, и огня.

Епископъ.

За мной тутъ дѣло: мѣсто—теологамъ.
Какъ видится, бесѣдуетъ онъ съ Богомъ.
Спрошу его, что̀ видитъ,—что̀ въ зрачки
Ему вошло. Тутъ были бы рѣчисты
Евреи старыхъ дней, и талмудисты...
О, юноша! Что видишь ты? Реки.

Геліонъ.

Блескъ радуги лишь вижу, какъ преддверье...
И это мнѣ вотъ здѣсь, вотъ здѣсь—болитъ...
Свои лучисто-розовыя перья
Она зажжетъ, все ими озаритъ.
Но прежде чѣмъ обниметъ міръ окружный,
Какъ радужная вспыхнувши заря,—
Чрезъ пытку я пройду, терзанья нужны,
Цвѣткомъ во мнѣ зардѣетъ духъ недужный,
Неангельскою молніей горя.
Они же, посмотри, пророки Бога,
Они стоятъ спокойно по горамъ,
Надъ радугой не мучитъ ихъ тревога,
Ихъ покрываютъ молніи и храмъ,
Стоятъ кругомъ, терзаться имъ не надо,
Пасутъ людей, какъ бы овечье стадо...

Врачъ.

Живописуетъ вещи ярко онъ,
И въ выраженьяхъ—силы не лишенъ.

Отецъ.

Уже въ немъ прояснились сновидѣнья,
Уже лишь человѣческій въ немъ сонъ,
А было—какъ предъ гадомъ, весь волненье,
Свистящимъ змѣемъ выпрямлялся онъ.
Свѣтили дивно очи золотыя,
Обычную утративъ черноту,
Сіяли, солнцемъ налитые,
Лучи бросая въ темноту...

Эоліонъ.

О, дайте зеркальный мнѣ щитъ,
Рамзеса отца дайте митру златую,
Коней запрягите, что бѣлы, какъ млеко.
Атесса, сестра моя, пусть на златую
Повозку возсядетъ со мной...
Даръ пусть положатъ на черномъ верблюдѣ...
Пусть пурпуромъ тирскимъ покроютъ ладью,
Пусть въ сфинксовыхъ ждутъ насъ аллеяхъ.
Карнакская высь! Тѣ колонны изъ яшмы,
Граниты съ мерцаніемъ розъ,
Песчаники въ златѣ, въ лазури, въ рубинахъ,
Какъ будто роскошнѣйшій лѣсъ,
Гдѣ въ каждомъ стволѣ расцвѣтанія радугъ,
А розовый листъ, изъ гранитовъ сіэнскихъ,
Подобенъ великой зарѣ,
Подобенъ сіяющей лентѣ, румянцу
Улыбчивыхъ женскихъ божествъ.
О, высь! О, гора! Пирамидные лики
Суть солнцу златому здѣсь высшій алтарь,
То запись дѣяній моихъ, исчисленье,
Въ работѣ—мой духъ,
Гранитъ, измѣненный въ великій мой помыслъ
О вѣчности духа на этой землѣ...
Людская вершина, откуда прорвался
Мой духъ, вытекая въ сто вратъ,
И въ міръ на златыхъ убѣгаетъ повозкахъ,
И все попираетъ текучимъ стремленьемъ,—
Забудь объ ужасностяхъ жизни моей.
Вотъ тутъ, изъ горящаго ярко покоя,
Я вышелъ какъ царь, повелитель людей,
Безъ сердца, безъ страха, тѣла попиралъ я,
Живыя, людскія, что были мнѣ—мостъ...
И сами ложились... И я подъ ногами
Ту влажность хрустящую тѣлъ ощущаю,
Что тѣло рождаетъ въ бореньи съ огнемъ,
Но стона не слышалъ, но крика не слышалъ,

Услышалъ—лишь сердцемъ своимъ заболѣвъ,
Затѣмъ что фатальный мой духъ созидаетъ
Изъ камня и люда свой міръ пирамидный,
Имѣя спокойность творца.
Но смерть побѣждаетъ... Тифонскаго Мага
Покличьте скорѣе сюда.
Иди, и съ тобой мы бесѣдовать будемъ,
О, старецъ ученый, приди.
Ты видишь повозку, и бѣлые кони
Въ аллеѣ тамъ сфинксовой ждутъ,
На той колесницѣ блестящей—Атесса,
Атесса, сестра моя, тамъ.
Какъ страшно коней ей, въ которыхъ подъ млечнымъ,
Подъ трепетнымъ тѣмъ покрываломъ—огонь,
Кипучая кровь, королевская гордость,
Когда они трупы влачатъ королей,
И гривы по вѣтру свои распустивши,
Летятъ передъ той золотой колесницей,
Какъ будто бы фуріи бросили адъ...

А нынѣ, смотри, какъ спокойны и тихи,
Какъ будто предчувствуютъ, вѣдаютъ, знаютъ,
Что я не стремлюсь на войну,
Къ гробамъ обращенное дышло...
Еще посмотри, къ золотому вѣнцу,
И къ митрѣ, Атесса прибавила вѣтокъ,
Любя, кипарисовыхъ вѣтокъ сорвала,
Супруга познала, грустя,
Исполненный смутности, долгъ умиранья,
На смерть наряжается здѣсь красота.
Такъ помни же, Магъ,—ты и братья,—чтобъ вѣра
Въ возстаніе тѣла изъ мертвыхъ свершилась,
Чтобъ оправдалась, и той красотѣ
Чтобъ не солгала, потому что, иначе...

Вынимаетъ мечъ.

Но ты присягнулъ: чрезъ три тысячи лѣтъ
Та высь, та гора... тѣ колонны... то небо,

То яркое солнце, и даже гирлянда
Вонъ тѣхъ журавлей, что по небу плыветъ,
Какъ будто бы гіероглифъ на лазури,
И это, за пальмами, мѣсяца око
Сребристое,—все это, въ томъ самомъ видѣ,
Предстанетъ и такъ же появится вновь,
Когда въ алебастровомъ томъ саркофагѣ
Проснусь я съ сестрою моею, Атессой,
За рядомъ столѣтій покоя и сна...

Задумывается.

Со мной говорилъ ты о Грекахъ, о, старецъ.
Слѣпой тотъ игральщикъ на арфѣ, который,
Вотъ здѣсь, пѣлъ подъ трономъ моимъ,
Онъ новымъ своимъ языкомъ, звукомъ духа
Особеннымъ, новымъ, меня поразилъ,
Въ очахъ онъ остался, не выйдетъ изъ взора.
Я въ голосѣ этомъ услышалъ, о, Магъ,
Безсмертное что-то, и это—причина,
Что старецъ тотъ, съ арфой златой и взметнутымъ
Крыломъ серебристой своей бороды,
Въ гробницѣ изваянъ, въ чертогѣ, гдѣ—память,
Пребудетъ, по волѣ—моей и рѣзца...

Пусть духъ тотъ, почуянный духомъ, здѣсь будетъ
Какъ форма, которую тихость гробницы
Замкнетъ на столѣтія въ мой саркофагъ,
Пока не проснусь я...
Теперь къ ложу сна.

Ступаетъ какъ бы во снѣ, идетъ къ готическому окну.

Все сумрачнѣй—солнце въ полетѣ до моря,
Все сумрачнѣй—кони несутъ меня въ пропасть,
Все сумрачнѣй, смутно... Атесса! Атесса!
Здѣсь нужно сложить намъ тѣла на вѣка—
Атесса! Меня въ золотой ты тіарѣ
Любила,—въ одномъ мы объятьи уснемъ,
Чтобъ вмѣстѣ проснуться, съ любовью проснуться...

Взгляни—саркофагъ, и надъ нимъ—обелискъ,
Отъ факела онъ словно духъ золотится,
Тамъ, въ этихъ темнотахъ, въ могилѣ сырой...
Три тысячи лѣтъ присужденъ онъ стоять здѣсь,
Пока не услышитъ опять голоса
Проснувшихся насъ... Вотъ, на томъ обелискѣ
Простые работники, сами не зная,
Рѣзцами повѣдали повѣсть любви,
Здѣсь наша душа, во влюбленности ясной,
Два сердца супружескихъ, братъ и сестра...
Сестра, обними этотъ камень,—хранитъ онъ
Любовное имя твое и мое,
Здѣсь вписана вѣрность и имечко дѣтокъ.
Межь нами какъ будто бы третій онъ братъ,
Все знаетъ, все помнитъ, забыть не боится,
И словно пѣстунья, надъ нашей гробницей,
Стоитъ,—о, сестра, поцѣлуй же его,
Онъ братъ нашъ нѣмой. Часъ уснуть намъ, и будемъ
Подъ этой защитою тихо мы спать.
А если бъ въ безпамятствѣ мы пробудились,
А если бы что мы забыли во снѣ,
Такъ онъ намъ, когда мы проснемся, напомнитъ...
И тьма гробовая и гниль гробовая
Безсильны, невластны, проснемся опять
Для солнца, для ласки, и прежнія жизни,
Какъ радуги новыя, въ мірѣ польются,
Пурпурныя розы съ тіары сними,
Надѣнь на него, ты ужъ кончила съ этимъ,
Съ цвѣтами, со всѣмъ. Я хотѣлъ, чтобы насъ
Замкнула гробница, покуда мы юны,
Чтобъ встали мы юными къ жизни опять.
Возьми этотъ ядъ: только сердца коснется,—
Сожжетъ... Я же самъ... Умерла? Уже тамъ,
Въ зарѣчьи Тифонскомъ.—Ты—съ ядомъ! Мнѣ—мечъ!

Отецъ.

О, Дѣва Пресвятая! Іисусе!
Упалъ онъ...

Врачъ.

Ничего—да, сердце бьется.
Пускай его теперь въ постель положатъ,
Укроютъ, я же дамъ ему лѣкарство,
Когда проснется онъ...

Отецъ.

Позвать сидѣлку...

Врачъ.

Признаюсь, этотъ дивный сонъ меня
Наэлектризовалъ. Піявокъ нужно
Ему поставить будетъ на затылокъ.

Уходятъ.

Хоръ духовъ.

О, грустный! о, влюбленный!
Обманомъ завлеченный...
Чрезъ сфинксовы аллеи
Пески степей блуждаютъ,
И ящерки, и змѣи
Чешуйками блистаютъ.
Межь четкихъ пальмъ, гдѣ тѣни
И гдѣ оазисъ синій,
Верблюды на колѣни
Склонились, тишь въ пустынѣ.
На вышинѣ Луксора
Не слышно разговора.
Три тысячи минуло,
Лѣтъ долгихъ потонуло.
И тѣ жъ горятъ рубины
Расплавленнаго солнца,
Съ гирляндой журавлиной
Все тотъ же блескъ червонца,
Съ колоннъ вершина снята,
И гробы отомкнуты,
И старецъ, что когда-то
Обманывалъ минуты,

Стоитъ, съ своей тоскою
И съ арфой золотою...

О, грустный! о, влюбленный!
Обманомъ завлеченный...
Мы слышимъ, въ нашемъ хорѣ
Промчалось трепетанье,
И слезы въ женскомъ взорѣ,
И женское рыданье.
Подъ факеломъ, у гроба,
Остановился кто-то,
Гдѣ вы уснули оба,
Онъ тамъ читаетъ что-то,
Эдемъ узналъ твой старый,
Одинъ, возжаждалъ чары.

Но ты себя лишь гложешь,
И ты прочесть не можешь
Того среди каменій,
Лишь въ сердцѣ, въ краскѣ красной,
Возникнетъ пѣснь мученій,
Гимнъ обелиска страстный,
Запишутся лишь въ крови
Сердечныя вздыханья,
Все то, что было въ словѣ,
Всѣ слезы, всѣ рыданья,
Свѣтившая когда-то,
Любовь сестры и брата...

О, грустный! о, влюбленный!
Обманомъ завлеченный...
Блѣдна твоя гробница,
Печальная, заснула,
Она какъ бы криница,
Въ ней тишь—и голосъ гула.
Чертоги, водопадомъ,
Уходятъ въ царство тѣни,
Гдѣ ни коснешься взглядомъ,
Тамъ радуга видѣній.

Но это все жъ—могила,
И все, что въ ней, остыло.

О, духъ завороженный,
Красивый, грустный, сонный.
Въ своей сердечной мукѣ,
Взметенно и поспѣшно,
Кусать ты можешь руки
И плакать безутѣшно,
Коль нѣтъ въ тебѣ отваги
Начать путь жизни новый,
Затѣмъ что въ саркофагѣ
Ужъ пусты всѣ покровы,
И ничего, что ждало,
Изъ мертвыхъ не возстало.

Здѣсь съ сестриной любовью
Атесса къ изголовью
Прильнула и заснула,
И алебастръ лелѣетъ —
Что жизнію дохнуло,
Что въ смерти цѣпенѣетъ,
Изваянныя лица
Съ любовью молодою,
Но найдена гробница—
Какъ бы орѣхъ—пустою.
Хотя бъ въ ней мошки тѣло,—
Что было, все истлѣло.

Хоръ.

Благословенно то, что между духовъ
Господнихъ носитъ имя: *Жизнь моя.*
Ея любовь къ ея родному сыну
Благословенна... Даже сонъ его
Есть пѣснь и есть дѣяніе. Въ дремотѣ
Вступительныя жизни проходя,
Какъ ангелъ золотой идетъ онъ къ Богу.
А гдѣ жь та грудь, что, мыслью заигравши,
Надѣнетъ щитъ Ангелла Михаила?
Когда же онъ возсядетъ на коня
Дѣянія и чуда, и раскроетъ
Два лебедино-бѣлыя крыла,
Что по краямъ хранятъ мерцанья радугъ,
А щитъ его и шлемъ—двойное солнце,
Кончается копье—огнемъ Господнимъ,
И выѣдетъ такъ на зеленый лугъ,
И выступитъ онъ такъ, какъ ангелъ Божій,
На тотъ, златой цвѣтами, лугъ Славянскій...
Въ тотъ часъ—цвѣты живые, луговые,
И разные, и малые, и всѣ,
Въ тотъ часъ—въ цвѣтахъ росинки, жемчугъ нѣжный,
Тысячекратный бисеръ на цвѣтахъ,
Въ тотъ часъ—дыханья розовыхъ расцвѣтовъ
Предстанутъ предъ мечомъ его, предъ ликомъ
Сіяющимъ, серебряныя рѣки,
Шумя, отступятъ въ русла передъ нимъ,
Когда придетъ онъ въ озареньи духа,
Въ лазури дня. Но вотъ, еще не часъ,
Еще предъ нимъ тѣ сны стоятъ, тѣ сны,
Которые его какъ арфу строятъ...

Скалистая мѣстность, затянутая мглою.—Озеро.—Время предъ восходомъ мѣсяца.—Двѣ валькиріи съ молніями на головахъ.

Первая Валькирія.

На высяхъ горъ,
Гдѣ міра брегъ,
Орлиный хоръ,
Перуновъ бѣгъ,
Морское гдѣ око,
И льдяный гдѣ щитъ,
Застонетъ глубоко,
Какъ громъ заворчитъ,
И тлѣютъ рубины
Отъ радугъ вокругъ,
И путь журавлиный
Означенъ на Югъ,
Тамъ въ бѣломъ круженьи
Мятельныхъ снѣговъ,
Я, духъ въ озареньи
Межь дивъ и громовъ,
На крыльяхъ домчалась,
И молніи лью,
На вихряхъ качалась,
И встала, стою.

Вторая валькирія.

Духъ судебъ, я тоже,
Тебѣ я сестра,

Мнѣ молніи—ложе,
Межь змѣй мнѣ игра,
Съ волосъ льется пламя,
Съ оружія кровь,
И ужасъ мнѣ знамя,
Примчалась я вновь.

Первая.

Откуда въ урочный
Домчалась ты часъ?

Вторая.

Отъ грани полночной,
Гдѣ полюса глазъ.

Первая.

Сестра! человѣка
Того...

Вторая.

Знаю я.
Видна мнѣ отъ вѣка
Добыча моя.
Пусть вырванъ, ухваченъ
Изъ нашихъ онъ рукъ,
Онъ намъ предназначенъ,
Онъ нашъ будетъ вдругъ.
Какъ арфа, въ которой
Немолкнущій стонъ,
Какъ свѣтъ метеора,
Нашъ, нашъ будетъ онъ.

Первая.

А видѣла, рдѣетъ
Христосъ на землѣ?
И звѣзды онъ сѣетъ

Златыя во мглѣ...
Манитъ сквозь туманы,
Душъ бѣлыхъ онъ другъ,
Все звѣзды въ курганы
Бросаетъ вокругъ.

Вторая.

Пусть нива, краснѣя,
Взойдетъ въ вышину,
Морозами вѣя,
Серпомъ все пожну.
Серпъ духа простреться...
А что еще тамъ?

Первая.

Тамъ буря несется,
Тамъ горе, тамъ гамъ.

Вторая.

Глянь, мѣсяцъ ужъ кажетъ
Свой радужный край,
Свой щитъ онъ развяжетъ...
Исчезни!

Первая.

Прощай!

Входитъ Эоліонъ.

Эоліонъ.

Сюда велѣли духи мнѣ придти
И ждать... Ужъ разъ мнѣ небо засіяло,
Заискрилось во тьмѣ, и звѣзды стали
На разныхъ сторонахъ какъ будто лаять...
Какъ на судѣ, во мнѣ забилось сердце...
Охваченный отчаяньемъ, я всталъ,
Какъ будто бы въ водоворотѣ звуковъ.

И такъ меня тѣ голоса терзали,
Что волосъ я рвалъ на головѣ,
Какъ осужденный... А теперь все тихо...
И мѣсяца серебряныя розы
Пронизаны насквозь сіяньемъ радугъ...
Въ природѣ словно что-то умягчилось,
Какъ будто сердце тронулось печалью,
Не такъ темно, и надо мною словно
Есть жалость въ ней... Чу, слышу голоса...
Они доходятъ очень издалёка.

Напѣвъ.

Когда ты станешь человѣкъ,
Сны станутъ недругомъ огромнымъ,
И міръ создашь, но міръ калѣкъ,
Какъ Богъ творитъ, но въ мірѣ темномъ,
Ты будешь не творцомъ вполнѣ,
То будетъ призракъ, сонъ во снѣ.

И сломишь міръ, толпу видѣній
Направишь войскомъ противъ тѣлъ,
Мощь взявъ у насъ, мощь дашь ты тѣни,
Мысль станетъ кровью, будешь смѣлъ,
Ты будешь царь, но царь въ пустынѣ.
Иди же... иль погибни нынѣ.

Но если духъ ты сломишь свой,
И если насъ во мглу отгонишь,
Тогда дрожи! и твердо стой,
Какъ псы кусаемъ мы, застонешь...
Разбито сердце,—что̀ намъ въ томъ!
Коль крестъ разбитъ,—смѣется громъ.

Эоліонъ.

Какіе голоса! О, голоса, я съ вами!

Голосъ снизу.

Есть съ жемчугами раковинки
Въ нашемъ серебряномъ озерѣ,

Я добываю ихъ,
Я собираю ихъ,
Шелкомъ я ихъ пришиваю
На шелковый свѣтлый уборъ,
Въ церковку, Матери Божьей—
А иные, чистѣйшей воды,
Я кладу въ золотые волосики,
Въ золотые—Христу.
А зато—хороводы мнѣ рыбокъ,
Подъ рыбацкою хатой приходятъ,
Предъ воскресеньемъ,
Цѣлое дно покрываютъ
Бѣлымъ своимъ озареньемъ.

Эоліонъ.

О, чистый голосъ! Къ небу онъ плыветъ.

Голосъ сверху.

Къ дѣвушкѣ этой приблизься,
Положи на нее руки духа,
Сильнѣйшаго слушаться будетъ,
За сильнѣйшимъ она поплыветъ,
Полетитъ—безъ конца...
Увлеки за собой ее въ солнца.

Эоліонъ.

Я чувствую, изъ этихъ голосовъ
Одинъ покончитъ міръ.

Голосъ снизу.

Чудесно я измѣненной
Встала сегодня съ постели.
Пришли во снѣ ко мнѣ Ангелы,
Глазокъ моихъ замкнутыхъ
Коснулись цвѣтками лилій,
И я увидала святыхъ.

Эоліонъ.

Объ ангелахъ ты говоришь. Кто ты?

Дѣвушка.

Дочь рыбака я, и живу я съ ними,
Являются мнѣ въ радужныхъ кругахъ,
Въ ночи приходятъ въ серебрѣ лазурномъ,
И говорятъ со мной...

Эоліонъ.

Нарядъ твой бѣденъ, сѣрая рубаха,
Ты босонога, въ волосахъ однако
Разлиты жемчуга, какъ будто звѣзды,
Большія, полносвѣтныя они,
Легки твои румянцевыя розы,
Какъ будто бы онѣ наполовину
Стыдомъ сокрыты въ бѣлости лица,
И тайными восходами чаруютъ...
Какъ розовая краска, что отъ солнца
На ягодѣ жемчужной расцвѣла.

Дѣвушка.

Не застыдилась я, но я отъ вѣтра
Отъ горнаго красна, или отъ сновъ я
Свѣчусь въ ночи...

Эоліонъ.

Такъ вѣдаешь ты сны?
О, помоги же мнѣ, я тоже дивный,
Духовный, но въ видѣньяхъ, въ голосахъ,
Которые до этихъ поръ я слышалъ,
Какъ будто бы всегда недостаетъ
Красивѣйшей, ихъ лучшей половины,
Той, что даетъ гармонію и тишь...

Дѣвушка.

Куда жь ведешь? Сильна твоя рука.
Мой духъ боится, сердце бьется, бьется...

Эоліонъ.

Веду какъ сонъ... Куда? Я самъ не знаю...
Повѣетъ духъ—мы вступимъ на волну,
Захватитъ—унесемся въ небо, къ раю,
Растопитъ,— какъ роса, падемъ въ весну,
Хоръ запоетъ, что вотъ сейчасъ безгласный,—
Мы будемъ эхомъ, въ звукахъ—звукъ согласный.

Дѣвушка.

Боюсь... Позволь уйти мнѣ... Пропаду,
Коли пойду съ тобой,—вѣдь ты сильнѣе...

Эоліонъ.

И все жь ты видишь, вотъ, совсѣмъ я малый,
Я менѣе, чѣмъ ты, тебѣ на шею
Кладу я руку дѣтскую, и если
Всей силой повисну такъ, едва
Цвѣтокъ я наклоню; и такъ укрытый
Въ воздушномъ златѣ косъ твоихъ, я вижу
Въ твоихъ глазахъ, смѣющихся и синихъ,
Сіянье звѣздъ...

Дѣвушка.

О, руки разойми!

Эоліонъ.

Жемчугомъ слезъ я свяжу тебя,
Розами сновъ заманю тебя,
Міры мои всѣ покажу;
Снамъ прикажу изо мглы я сіять,
Какъ дитятко буду тебя забавлять,
Восторгну, поражу, захвачу,
Понесу, полечу...

Дѣвушка.

Дитятко ты чернокудрое,
Страшныхъ ты духовъ дитя.

Я же—смиренномудрая,
Сердцемъ тихонько свѣтя,
Какъ камень, я холодна,
Какъ камень, хотя я—весна.

Эоліонъ.

Такъ значитъ отъ духа ты моего
Оторвана въ вихрѣ бури...
Покинула строй журавлей, и ушла отъ него,
Какъ къ мѣсяцу я летѣлъ въ прозрачной лазури—
Чайка летѣла за мной,
Потерялась, окутана мглой...

Дѣвушка.

Чудо со мною!
Когда слушаю, новая я;
Видится міръ мнѣ какой-то, затянутый весь пеленою,
Слова единаго жду... Скажи, и навѣкъ я твоя.

Эоліонъ.

Рѣсницы теперь сомкни,
И покуда не явится явь,
Въ душу, на самое дно, загляни.
Видишь, огни,
Роскошь покоевъ,—душою видѣнье возславь,—
Видишь, лазурь, и гирляндой летятъ журавли,
Дивнымъ ключомъ, въ небесахъ поблѣднѣвшихъ, вдали?
Слышишь ты шелесты смерти вѣтвей въ волосахъ?
Видишь гробницу, чей страшенъ размашистый входъ?
Съ арфою старецъ межь статуй, застылъ на струнахъ,
Въ золото ихъ—серебро бороды своей льетъ?

Дѣвушка.

Кони летятъ, вижу факелы, люди идутъ,
Страшно мнѣ!

Эоліонъ.

Видишь межь нами колонну ты тутъ,
Розовой краски?

Дѣвушка.

Я вижу.

Эоліонъ.

Еще предъ тобой
Бѣлый тамъ гробъ, и цвѣтистый чертогъ подъ землей?

Дѣвушка.

Гробъ, гдѣ уснемъ мы, неправда ли, оба уснемъ?
Спать будемъ долго, о солнцѣ забывъ золотомъ.
Сердце на сердце, уснешь на груди ты моей,
Въ гробѣ единомъ, неправда ль, чета голубей?
Блѣденъ ты. Гдѣ же, скажи мнѣ, тіара твоя?
О, почему ты позднѣй пробудился, чѣмъ я?
Думала я, поцѣлуемъ тебя разбужу,
Вдругъ расцвѣтемъ, и весну я тебѣ покажу,
Въ гробѣ тебѣ повѣствуя, какъ снился ты мнѣ,
Слыша, что оба другъ другу мы снились во снѣ.
Духи, которые мертвыхъ обманутъ средь сна,
Злые то духи. Въ гробу я проснулась одна.

Эоліонъ.

Мертвая ты? О, Атесса, Атесса, возстань!
Мы на землѣ, я съ тобою, увидь меня, глянь.
Съ нѣжными розами губъ, ты прозрачно-ясна,
Очи—смарагды, зеленая въ нихъ глубина.
Духъ твой,—обязанъ я мертвымъ объятьямъ твоимъ
Тѣмъ, что мой сонъ подъ землею былъ тихъ, нерушимъ.
Помнишь, не дрогнуло въ гробѣ ничто, я дремалъ,
Разъ только сердце, какъ въ гробѣ Христосъ возставалъ.

Дѣвушка.

А у меня, когда въ ясляхъ Онъ, свѣтлый, лежалъ,
И какъ пастухъ Ему цвѣтики малые далъ.

Эоліонъ.

Вздрогнулъ сильнѣй я, когда Онъ изъ мертвыхъ воскресъ.

Дѣвушка.

Я, какъ младенца пастухъ восхвалилъ до небесъ.

Эоліонъ.

Вздрогнулъ страшнѣй я, какъ, камень могилъ отваливъ,
Всталъ Онъ.

Дѣвушка.

Межь нами раздѣльность, о, Боже, разрывъ!

Эоліонъ.

Сила пламени во мнѣ,
Что̀ разорвано, свяжу я...
Знаешь ты, куда иду я?
Знаешь ты, что̀ сотворю я?
Нѣтъ! Но въ творческомъ огнѣ
Путь нашъ общій виденъ мнѣ.
Божій я, мое стремленье
Тамъ, гдѣ путь предназначенья.
Видишь пламени огня?
Вѣтеръ свищетъ, завывая,
И въ полетѣ отрывая
Эти вспышки отъ меня.
Каждый пламень, уплывая,
Рѣя въ синихъ небесахъ,
Укрѣпляется въ чертахъ,
И клубится, добывая
Четкость формы,—и черты,
Въ этомъ заревѣ ловитвы,
Въ мраморъ, полный красоты,
Онъ внѣдряетъ... Видишь ты?

Дѣвушка.

Также я мои молитвы
Вижу тамъ, какъ бы цвѣты,
Словно свѣжіе цвѣты
На серебряномъ взнесеньи
Расцвѣтающихъ стеблей.

Эоліонъ.

Вотъ, мы равны въ нашемъ пѣньи,
Мы надземны межь зыбей,
Неразрывны въ восхожденьи...
Такъ, рука съ рукой, сойдемъ
Въ воздухъ синій, въ ту долину,
Глянемъ въ пропасть мы, въ стремнину,
И сойдемъ однимъ путемъ
Въ чащу буковъ, въ море лѣса,
Сильны, юностью горя,
А за нами та заря,
Какъ изъ розъ густыхъ завѣса,
Пусть сіянье льетъ изъ чашъ,
Пусть на нашихъ лицахъ бродитъ
Пусть румяная нисходитъ, —
Зори, зори, воздухъ нашъ!

Сходятъ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

АНФИСА

Леонидъ Андреевъ. — Анфиса. Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

За разрѣшеніемъ на переводъ и за справками просятъ обращаться къ представителю автора по адресу: Bühnen und Buchverlag Russischer Autoren J. Ladyshnikow Berlin, W. 15 Uhlandstrosse 52.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Федоръ Ивановичъ Костомаровъ — присяжный повѣренный.

Александра Павловна—его жена.

Анфиса } сестры Александры Павловны.
Ниночка }

Павелъ Павловичъ Аносовъ } родители Алекс.
Александра Ивановна Аносова } Павловны.

Бабушка.

Иванъ Петровичъ Татариновъ } присяжные
Андрей Ивановичъ Розенталь } повѣренные.

Гимназистъ Петя.

Померанцевъ—товарищъ Пети.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Въ домѣ присяжнаго повѣреннаго, Федора Ивановича Костомарова. Вечеръ подъ Новый годъ. Гости.

На сценѣ небольшая комната бабушки, отдѣленная отъ тѣхъ комнатъ, гдѣ гости, корридорчикомъ и дверью. Передъ дверью три ступеньки—домъ очень старъ, выдержалъ много перемѣнъ, и комната бабушки находится въ пристройкѣ. Сквозь неплотную, быть можетъ, кѣмъ-нибудь не запертую дверь приносится шумъ празднества, играетъ на піанино таперъ, танцуютъ, что-то все кричатъ—а у бабушки тишина, покой безстрастной старости, слабый свѣтъ цвѣтныхъ лампадокъ и небольшой лампы на столѣ. Постель старухи и кіотъ загорожены довольно высокими ширмами; за небольшимъ окномъ царитъ январьская, лунная беззвучно-звонкая ночь.

Сама бабушка—древняя старуха невѣдомыхъ лѣтъ и всѣми позабытой невѣдомой жизни—сидитъ, углубившись въ кресло, и быстрымъ привычнымъ движеніемъ вяжетъ чулокъ. Одна за другою, повторяясь безконечно, нанизываются сѣрыя петли; догоняютъ одна другую и не могутъ нагнать, торопятся по кругу. И поблескиванію спицъ отвѣчаютъ слѣпыя миганія небольшого, торопливаго маятника, едва успѣвающаго хватать летающія секунды, озабоченнаго до ужаса.

Противъ старухи, опершись головой на руки, сидитъ Ниночка, семнадцатилѣтняя гимназистка, и вни-

мательно смотритъ на безшумное и безконечное наростаніе петель. У нея пышные молодые волосы, и щеки ея нѣжно розовѣютъ; и сидитъ она тихо, словно очарованная.

Ниночка (не шевелясь, медленно и глубоко). Бабушка! Скажи ты мнѣ...

Не договариваетъ и смотритъ, словно считаетъ петли. И опять:

— Бабушка, скажи ты мнѣ...

Бабушка (ворчливо и ласково). Скажи, скажи! Все тебѣ скажи. Нечего говорить, все сказано. Скажи...

Ниночка. Бабушка, скажи ты мнѣ... Ты много жила на свѣтѣ, и ты все знаешь, и ты все можешь разсказать, если захочешь. Скажи ты мнѣ, бабушка, какъ это происходитъ—Новый годъ? Я не понимаю. Мнѣ все кажется, что, какъ только пробьютъ часы двѣнадцать, сейчасъ же, въ ту же самую минуту раскроются огромныя ворота и въ нихъ увидишь... что? Бабушка, что?

Бабушка молчитъ.

Ниночка. Не хочешь говорить. Жалко! А я увѣрена, что ты видишь и могла бы сказать, если бы захотѣла. Но ты никого не любишь и оттого молчишь. Дядя Федя говоритъ, что тебѣ сто лѣтъ, бабушка,— правда это, скажи? И будто позади тебя лежитъ такой длинный-длинный путь, что ты умѣешь немножко видѣть и впереди. Правда это, скажи?

Бабушка (посмѣиваясь). Умѣю. Умѣю.

Ниночка. И еще онъ говоритъ, что ты вовсе не глухая, что ты все прекрасно слышишь, а только притворяешься. Онъ говоритъ, что ты хитрая, лукавая, злая раба, которая знаетъ много чьихъ-то преступленій и оттого боится говорить и не хочетъ слышать. Скажи, это правда? Ты слышишь или нѣтъ?

Бабушка. Тебя слышу.

Ниночка. А дядю Федю?

Бабушка. А его нѣтъ. Дядя Федя, дяля Федя...

Ниночка (смѣется). Ну и хитрая же ты!

Бабушка утвердительно киваетъ головой и вяжетъ.

Ниночка. Бабушка, скажи: а отчего умеръ твой мужъ? Я видѣла его карточку въ альбомѣ, онъ ужасно похожъ на дядю Федю, и такой же красивый. Вотъ странно: ты совсѣмъ старая, а онъ вѣдь молодой. Уже не старятся тѣ, кто умираетъ. Какъ просто и странно! Скажи, отчего онъ умеръ?

Бабушка. Не слышу.

Молчаніе. Ниночка, прищурившись, разглядываетъ старуху и недовѣрчиво покачиваетъ головой.

Бабушка. Музыка играетъ?

Ниночка. Играетъ.

Бабушка. Танцуютъ?

Ниночка. Танцуютъ.—Мнѣ вдругъ стало тамъ такъ скучно! Петя Тройновъ пьянъ и все лѣзетъ ко мнѣ съ объясненіями, глупый мальчишка, который воображаетъ, что онъ влюбленъ, и что будетъ очень страшно, если онъ напьется. Скажи, бабушка, что такое любовь? Не хочешь, такъ я тебѣ скажу: это ужасное, мучительное чувство. Когда человѣкъ любитъ, онъ сразу становится такой же безумно старый, какъ и ты, и начинаетъ помнить то, что было десять тысячъ лѣтъ тому назадъ. Ты думаешь, мнѣ семнадцать лѣтъ? Это тебѣ семнадцать, а мнѣ десять тысячъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, я не могу сказать тебѣ всего, а то у тебя волосы поднялись бы дыбомъ... Ахъ, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать.

Бабушка. Дѣлать, дѣлать... Нечего дѣлать, все сдѣлано.

Ниночка. Ты знаешь, дядя Федя все время съ Анфисой.

Бабушка. Такъ, такъ!

Ниночка. Ну, да. И онъ ужасно неправъ: Анфиса неискренняя женщина. И у нея тоже есть ваша милая привычка: помалчивать и тихонько улыбаться. И ты замѣтила, какъ она ходитъ? Посмотри, бабушка, какъ хожу я. Посмотри! (Нѣсколько разъ проходитъ по комнатѣ, звонко постукивая каблуками). Слышала? А она? (Неслышною тѣнью, еле ступая, быстро скользитъ по комнатѣ).

— Многозна чительно. Не нравится это мнѣ, старая, не нравится. И потомъ: почему онъ ей постоянно цѣлуетъ руки и такъ почтительно, какъ будто къ иконѣ прикладывается? А она, видите ли, цѣлуетъ его въ лобъ—Тоже... штучка!

Бабушка. Ничего ты не понимаешь.

Ниночка. Ахъ, оставь, бабушка! Такъ понимаю, что и тебя еще кое-чему научить могу. Ты думаешь, я не знаю, зачѣмъ выписала ее эта несчастная Саша? Да вѣдь это весь домъ знаетъ, вороны на деревьяхъ и тѣ знаютъ. Сама не умѣетъ сдѣлать такъ, чтобы мужъ ее любилъ и не измѣнялъ бы ей, такъ вотъ пусть сестра Анфиса его научитъ. Господи, ну и кому жъ какъ не ей научить? Умна, рѣщительна,—мужъ ей слово сказалъ, она съ нимъ въ пять минутъ развелась—ходитъ въ черномъ платьѣ—и не завивается! Настоящая для Феди гувернантка. Ну, она его научитъ—ты увидишь!

Бабушка. Сама не понимаешь, что городишь.

Ниночка (строго). Только не подумай, пожалуйста, что я изъ ревности говорю. Что я такое? Дѣвочка, дѣвчонка, которую еще можно на колѣни сажать. А эти? Ну и несчастный же дядя Федя человѣкъ: од-

на облѣпила его, какъ тѣсто, а другая паутиной ложится на него.

Открывается дверь изъ тѣхъ комнатъ.

Ниночка (быстро). Саша несчастная идетъ. Но только ты такъ, бабушка, какъ будто ничего не слышала, а то и ходить къ тебѣ не стану. Умрешь тутъ одна, какъ крыса въ банкѣ. Ну не сердись! (Цѣлуетъ старуху). Старушечка, другъ мой единственный.

Входитъ Александра Павловна, жена Костомарова и его другъ, адвокатъ Татариновъ, высокій, худощавый, очень черноволосый человѣкъ. Идетъ онъ немного позади, уступая дорогу Александрѣ Павловнѣ, женщинѣ крупной и чрезвычайно, даже до ослѣпительности красивой.

Татариновъ. Вотъ я когда-нибудь окончательно сломаю себѣ шею на этихъ ступенькахъ.

Александра Павловна. Ты что это запряталась сюда, Ниночка? А тамъ тебя ищутъ.

Ниночка. Кто?

Алекс. Павлов. Кто же можетъ искать? Молодые люди ищутъ.

Татариновъ (цѣлуетъ руку у бабушки). Здравствуйте, Нила Евграфовна.

Алекс. Павлов. Господи, да откуда же вы знаете, какъ ее зовутъ? Ужъ и мы-то ея имя позабыли.

Татариновъ. Каждаго человѣка нужно звать по имени отчеству. Знаете вы, какъ вашего кучера зовутъ?

Алекс. Павлов. Ну, Еремѣй.

Татариновъ. Нѣтъ, не Еремѣй, а Еремѣй Петровичъ. А какъ горничную зовутъ? По вашему Катя; а по настоящему Катерина Ивановна, и фамилія ея Перепелкина.

Алекс. Павлов. Устала я. Поди, Ниночка, потанцуй, голубчикъ. Мнѣ съ Иваномъ Петровичемъ погово-

рить нужно. Да если Федя меня искать будетъ, скажи ему, что я пошла немного отдохнуть.

Ниночка. Что-жъ, отдохни.

Уходитъ, хмуро оглядываясь.

Александра Павловна. Садитесь, Иванъ Петровичъ.—Скажите, кто по вашему мнѣнію самая красивая женщина сегодня?

Татариновъ (твердо). Анфиса Павловна.

Алекс. Павлов. (нѣсколько непріятно удивленная, но улыбаясь). А не я? Федя говоритъ, что я самая красивая женщина.

Татариновъ. Съ одной стороны. А съ другой стороны у васъ, Александра Павловна, нѣтъ характера въ лицѣ.

Алекс. Павлов. Какой вы честный. А у нея есть?

Татариновъ (твердо). А у нея есть.

Алекс. Павлов. Впрочемъ я рада, что вы такъ говорите про ея характеръ. Вѣдь вы знаете, зачѣмъ я попросила сестру пріѣхать?

Татариновъ. Знаю.

Алекс. Павлов. Ну, какъ, измѣнился Федя? Вѣдь вы его видите постоянно. Если ужъ она не можетъ на него повліять, такъ ужъ и не знаю кто. Я разъ слушала въ щелочку...

Татариновъ (негодующе). Въ щелочку!...

Алекс. Павлов. Ну да, въ щелочку, какъ она съ нимъ говорила. Такъ мнѣ даже жалко стало Федю. Стоитъ онъ, бѣдный мой мальчикъ, какъ виноватый, а она ему говоритъ такъ рѣзко, рѣшительно, сурово, точно и не женщина совсѣмъ, а какой-то судья. (Хватаетъ Татаринова за руки). Иванъ Петровичъ, голубчикъ, ну вы другъ Феди, ну скажите же мнѣ, что сдѣлать, чтобы этого не было, не было, никогда не было. (Плачетъ).

Татариновъ (смущенно) Чего? Я не понимаю.

Алекс. Павлов. Не понимаете? А скажите—вотъ вы всѣхъ знаете—какъ зовутъ по имени и отчеству ту особу, у которой вы бываете съ Федей?

Татариновъ. Не знаю.

Алекс. Павлов. Лжете, стыдно! Роза Леопольдовна Беренсъ, вотъ какъ ее зовутъ. Какъ же вамъ не стыдно: Федя ѣдетъ къ любовницѣ, а вы съ нимъ—что же это такое?

Татариновъ (оглядываясь) Бабушка...

Алекс. Павлов. Ахъ, оставьте, она ничего не слышитъ.

Татариновъ. Но если такъ, то вотъ что я вамъ скажу. Мнѣ нисколько не стыдно, и даже я испытываю противоположныя чувства, потому что я ѣзжу за Федоромъ Ивановичемъ, какъ его вѣрный другъ, который поклялся передъ его талантомъ никогда его не оставлять.

Алекс. Павлов. (насмѣшливо). Это къ любовницѣ то?

Татариновъ (возмущенно). Да развѣ я для одобренія ѣзжу? Вѣдь я надъ нимъ какъ... факельщикъ сижу. Вѣдь онъ, оселъ, сколько разъ выгнать меня хотѣлъ. А я развѣ ушелъ? Нѣтъ, не ушелъ, и не уйду никогда. И буду сидѣть передъ нимъ, какъ воплощенный укоръ его потерянной совѣсти. Что я ему тамъ говорю? Я ему говорю: Федя, не забудь, что у тебя прекрасная жена и двое маленькихъ дѣтей. Федя, не забудь, что у тебя талантъ, для правильнаго развитія котораго необходима честная семейная жизнь... Федя...

Алекс. Павлов. Простите, голубчикъ, я просто такъ. Я знаю, что вы его единственный другъ.

Татариновъ. Я ничего не пью, я вегетеріанецъ, я ненавижу рестораны, я видѣть не могу это хамье во фракахъ... Какъ васъ зовутъ? Михаилъ-съ. А по отчеству. Помилуйте-съ, какое у насъ отчество, мы такъ. Хороши, а? Ну, а кто же сидитъ съ вашимъ Федей по цѣлымъ ночамъ въ кабакѣ, какъ не я? Вѣдь онъ меня до чахотки доведетъ. А тутъ еще эта... разврат-

нѣйшая личность, сплетникъ и клеветникъ, Розенталь... И тоже, изволите видѣть, называется его другомъ. И вы можете представить.

Алекс. Павлов. (нетерпѣливо). Голубчикъ!

Татариновъ. Нѣтъ, вы можете себѣ представить: я ужъ мѣсяцъ какъ не подаю ему руки, а позавчера сидимъ мы въ ресторанѣ втроемъ, я, Федя и этотъ негодяй, и онъ заговариваетъ со мной. Вы понимаете это?

Алекс. Павлов. Да, да, я знаю, не волнуйтесь. Я знаю, насколько Розенталь вреденъ для Феди.

Татариновъ (успокаиваясь). Вреденъ! (Вдругъ вспоминаетъ). Позвольте, а откуда вамъ извѣстно, что я съ Федей ѣздилъ къ этой самой Беренсъ?

Алекс. Павлов. (смущенно). Мнѣ... кучеръ Еремѣй разсказывалъ.

Татариновъ. Вотъ такъ Еремѣй! (Возмущенно) Да еще Петровичъ! Но по крайней мѣрѣ онъ, этотъ вашъ повѣренный въ семейныхъ дѣлахъ, сообщилъ вамъ, что уже два мѣсяца, какъ Федоръ Ивановичъ не былъ у Беренсъ?

Алекс. Павлов. Да, я знаю: съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала Анфиса. (Тихо). Какъ я счастлива, если бы вы знали!

Татариновъ (растроганно). Милая вы моя!

Алекс. Павл. Я такъ измучилась.

Татариновъ. Милая вы моя, такъ успокойте же вашу душеньку, знайте, что ужъ больше онъ къ этой женщинѣ не поѣдетъ—онъ мнѣ честное слово далъ. А вы говорите, зачѣмъ ѣзжу?—высидѣлъ таки его.

Алекс. Павлов. Да. Онъ и мнѣ слово далъ, только вѣрить-то я боюсь. Какъ тутъ повѣрить, когда кругомъ такое дѣлается... Вы замѣтили, что сегодня нѣтъ у насъ ни Переплетчикова, ни Ставровскаго, ни Роговича...

Татариновъ. Замѣтилъ. Какъ же этого не замѣтить!

Алекс. Павлов. Что не пріѣхалъ сегодня ни Тимофей Андреевичъ, ни Маслобойниковъ, и никто изъ товарищей адвокатовъ. Кто у насъ сегодня? Шушера какая-то, да еще помощники Федора Ивановича, да еще этотъ Розенталь... О васъ я не говорю—вы Фединъ другъ.

Татариновъ. Тяжело мнѣ говорить вамъ, Александра Павловна... но и я сегодня не пріѣхалъ бы, не поклянись я никогда не оставлять Федора Ивановича.

Алекс. Павлов. (возмущенно). Послушайте, какъ вы смѣете это говорить. Развѣ Федя нечестный человѣкъ, къ которому нельзя и въ домъ прійти? Мнѣ всѣ уши прожужжали съ этой исторіей на судѣ. А я и до сихъ поръ не понимаю, что здѣсь такого! Сказалъ онъ что-то—но вѣдь вы же сами находили, что рѣчь его была блестяща.

Татариновъ (успокаивая, кладетъ свою руку на ея). Да, да, милый другъ, вы этого не понимаете. Какъ бы вамъ это объяснить? Ну, въ увлеченіи защитой, желая во что бы ни стало выиграть дѣло, быть можетъ сорвать лишній апплодисментъ—Федоръ Ивановичъ очень любитъ поклоненіе—онъ позволилъ себѣ очень рѣзко, даже грубо, и даже совсѣмъ непристойно отозваться о потерпѣвшемъ, человѣкѣ очень несчастномъ....

Алекс. Павлов. Правда, что изъ публики закричали: вонъ?

Татариновъ. Ну, одинъ тамъ крикнулъ.

Алекс. Павлов. Мнѣ передавали, что Федя обернулся и такъ гордо посмотрѣлъ на этого, который крикнулъ.

Татариновъ. Ну, ужъ, какая тутъ гордость—извиниться бы надо, а не гордость! Ну вотъ, всѣ товарищи его: Ставровскій, Роговичъ, ну я и другіе—мы и думали какъ-нибудь уладить дѣло—все изъ-за любви къ его таланту. Вѣдь вы и представить не мо-

жете, какія надежды мы на него возлагали! Но вотъ тутъ какъ разъ Федоръ Ивановичъ и отмочилъ свою штуку: вмѣсто того, чтобы послушаться насъ и публично извиниться передъ потерпѣвшимъ, онъ сталъ въ этакую... гордую позу и говоритъ: «Не оттого ли, господа, вы такъ накинулись на меня, что вамъ просто—завидно: вѣдь дѣло то я выиграю. Мнѣ надоѣла ваша опека, господа». Повернулся и вышелъ. Ну и дѣло то онъ выигралъ, это вѣрно....

Алекс. Павлов. Онъ тогда всю ночь по кабинету шагалъ. И все вздыхалъ. А потомъ какъ ударитъ кулакомъ по столу... я за дверью слушала, Господи, что же теперь будетъ?

Татариновъ. Что жъ? Будемъ судить вашего Федю. И долженъ вамъ сказать, что я, какъ членъ совѣта, тоже подамъ голосъ за осужденіе. Нельзя-съ!

Алекс. Павлов. Что же дѣлать, что же дѣлать?

Татариновъ (разводя руками). Ну ужъ какъ-нибудь.

Алекс. Павлов. А позоръ? Федя этого не переживетъ. Вы поглядите, какой онъ сегодня—на него страшно смотрѣть. (Улыбается). Тапера зачѣмъ-то пьянымъ напоилъ.

Татариновъ (въ негодованіи). Вотъ это-то и есть. Вотъ это-то и скверно! (Передразниваетъ) Тапера пьянымъ напоилъ. Людей не уважаетъ вашъ Федя, вотъ въ чемъ его бѣда. Чтобы кланялись ему любитъ, а на тѣхъ, кто кланяется, плюетъ. А попробуй-ка не поклонись!

Алекс. Павлов. Васъ онъ уважаетъ.

Татариновъ. Я не про себя. Мнѣ до его уваженія дѣла нѣтъ, я клятву далъ. Пригрезилось ему, что онъ не адвокатъ во фракѣ, какъ всѣ мы грѣшные, а завоеватель какой-то—и онъ воюетъ, и онъ воюетъ! А съ кѣмъ? Тапера пьянымъ напоилъ. Чортъ знаетъ что... Не могу я этого выносить! Опять съ нимъ завтра цѣлый день ругаться буду.

Алекс. Павлов. (устало). Да, да, побраните его. Нездоровится мнѣ, голубчикъ. Идите себѣ, а я поваляюсь на бабушкиной постели. (Вдругъ смѣется). Но какъ я счастлива, если бъ вы знали!

Татариновъ. Ничего не понимаю.

Алекс. Павлов. Ну, идите, идите. (Въ догонку). И помните, что я самая красивая женщина, а не Анфиса.

Татариновъ (глухо, издалека). Нѣтъ, Анфиса Павловна.

Уходитъ. Александра Павловна идетъ за ширмы и говоритъ оттуда. Бабушка перестаетъ вязать и внимательно слушаетъ, вытянувъ шею и руку приставивъ къ уху.

Алекс. Павлов. Бабушка, ничего, что я у тебя на постели полежу? Голова очень кружится. Вотъ когда я Вѣрочкой беременна была, такъ совсѣмъ иначе себя чувствовала, а теперь и не знаю, что со мной дѣлается. Второй мѣсяцъ беременности, а кажется такъ ужъ, будто полгода прошло. Не понимаетъ, не понимаетъ, да какъ же ему понять мою радость? И неужели же, бабушка, есть женщины, которыя боятся беременности, родовъ—да вѣдь это же такое счастье! Анфиса говоритъ: лучше умру, а опять не забеременѣю... Да... Не было у нея хорошаго мужа, не знаетъ она, что такое хорошій мужъ. Ты слышала, бабушка, онъ больше къ этой мерзавкѣ не ѣздитъ, и дуракъ Татариновъ думаетъ, что это отъ него... Ахъ, какъ хорошо, такъ бы, кажется, и осталась тутъ лежать. Немножко распустила корсетъ, а ужъ и то какое облегченіе... Нѣтъ, отъ Анфисы это, отъ моей милой благородной, несчастной Анфисы, отъ моей милой несчастной сестры, которая сама извѣдала, что значитъ мужская измѣна и женское горе... Ты знаешь, бабушка, эту ея исторію въ Смоленскѣ... съ офицеромъ? Федя про нее не знаетъ, одна только я знаю. Вѣдь это же ужасъ! Пріѣхала она....

Споткнувшись на ступенькахъ, почти вбѣгаетъ въ комнату гимназистъ Петя. Онъ очень красенъ, возбужденъ, и минутами слегка шатается.

Петя. Фу, чтобъ тебя чортъ!.. Извините, пожалуйста, я, кажется, не туда. Нины Павловны здѣсь нѣтъ? Мнѣ показалось, извините, пожалуйста.

Бабушка молчитъ и снова вяжетъ. Голосъ отъ двери гимназиста Померанцева, мрачнаго товарища Пети.

Померанцевъ. Петя, оставь!

Петя. Я ее пригласилъ на третью кадриль, извините, пожалуйста, я вижу, что тутъ ея нѣтъ... До свиданія!

Также быстро уходитъ, и слышно у двери, какъ оба гимназиста хохочутъ.

Алекс. Павлов. Какъ онъ меня напугалъ, я ужъ Богъ знаетъ, что подумала. Охъ, надо собираться! Скажу Федѣ, что больше корсета носить не стану, боюсь повредить ребенку. Вѣдь не разлюбитъ? (Тихо смѣется). Зато я ему непремѣнно мальчика рожу. Чувствую я это. Когда женщина беременна мальчикомъ, то у нея должны быть минуты такой глубокой задумчивости, такой глубокой задумчивости... Вотъ какъ у меня иногда. Въ сущности я совершенно понимаю Федю, почему онъ не любитъ дѣвочекъ и такъ хочетъ мальчика. Ну, что такое мы, дѣвочки?....

У двери голосъ Федора Ивановича: «Осторожнѣй, Анфиса Павловна, тутъ ступеньки».

Алекс. Павлов. (испуганно). Ахъ, Господи, Федя!

Прячется за ширмы. Очень быстро, сильно взволнованная, входитъ Анфиса Павловна; за нею, словно настигая ее, крупно шагаетъ Федоръ Ивановичъ. Потому ли, что дальше идти некуда, потому ли, что она

ищетъ какой-нибудь защиты, Анфиса останавливается у самаго кресла бабушки, держится за спинку кресла. Разговоръ отрывистый, дышатъ трудно, смотрятъ другъ на друга почти съ ненавистью.

Анфиса. Я не хочу слышать.

Федоръ Ивановичъ. Я долженъ сказать.

Анфиса. Я не хочу слышать. Оставьте! Бабушка...

Федоръ Ивановичъ. Она не слышитъ. Я долженъ вамъ сказать. Я не могу! Во всемъ домѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы я могъ. Послушайте!

Анфиса. Я не хочу.

Федоръ Ивановичъ. Я не могу. Вы дѣлаете нарочно, чтобы измучить меня. Вы уходите, прячетесь. Я васъ ищу во всѣхъ темныхъ углахъ. Я сейчасъ безъ шапки бѣгалъ по саду, по колѣна въ снѣгу и звалъ. Зачѣмъ это?

Анфиса. Я была въ гостиной.

Федоръ Ивановичъ (гнѣвно). Да, въ гостиной. Сидѣла въ углу—съ этимъ ничтожествомъ—улыбалась ему, а я ее искалъ—по колѣна въ снѣгу. Это вы дѣлаете нарочно, вы хотите измучить меня!

Анфиса. Васъ? Но при чемъ же вы здѣсь? Какое вы имѣете отношеніе къ тому, что я дѣлаю? Опомнитесь, Федоръ Ивановичъ. И я вовсе сидѣла не въ углу...

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, въ углу! Боже, зачѣмъ вы еще лжете?

Анфиса. Федоръ Ивановичъ....

Федоръ Ивановичъ. Ну, ладно, ну, простите. Я говорю глупости. Но я такъ измученъ! (Садится). У меня еще и сейчасъ дрожатъ колѣна. Простите. Но больше я не могу. Я люблю....

Анфиса (быстро). Вы любите жену.

Федоръ Ивановичъ (удивленно). Жену?

Анфиса. Да. Вы сами говорили это. Вы помните? Вы были съ нею такъ нѣжны, я такъ рада этому... Бѣдная Саша.

Федоръ Ивановичъ (все такъ же удивленно). Я съ ней нѣженъ? Развѣ? Это правда? Да, да, можетъ быть,—но развѣ вы не понимаете? Вы, умная такая. Я нѣженъ съ ней, потому что люблю васъ; свою любовь къ вамъ я назвалъ инымъ именемъ... Только для вашей ласковой улыбки, только для того, чтобы на мнѣ остановился съ ласкою вашъ взоръ, я готовъ любить ее, другую, третью! Что за вздоръ!

Анфиса. Молчите. Я не хочу! Пустите меня. И вы были равнодушны ко мнѣ, и вы говорили, что даже женщины во мнѣ не видите.

Федоръ Ивановичъ. Это неправда.

Анфиса. Такъ зачѣмъ же вы говорили неправду?

Федоръ Ивановичъ. Не знаю. Но это неправда. Вы знаете... Вы знаете одинъ мой маленькій ужасъ, который становится теперь такимъ большимъ? Это можетъ быть только въ церкви, да, только въ церкви. И, вѣроятно, многіе изъ насъ испытываютъ это, но молчатъ. Тогда, на моей свадьбѣ я вѣдь видѣлъ васъ впервые. На мнѣ уже былъ вѣнецъ, а жена,—жена моя, невѣста, не знаю, кто она тогда была, на ней также былъ вѣнецъ — улыбнулась кому-то и шепнула: смотри, пріѣхала Анфиса, какъ я рада. И я взглянулъ, и я тутъ же подумалъ, даю вамъ въ этомъ честное слово, и я тутъ же подумалъ—почему я женюсь на этой, а не на той? Потомъ забылъ, а теперь вспомнилъ.

Анфиса. Мнѣ кажется... кажется, я почувствовала это. Впрочемъ, это неправда!

Федоръ Ивановичъ. Зачѣмъ вы пришли такъ поздно?

Анфиса. Пустите меня. Гдѣ Саша?

Федоръ Ивановичъ. Зачѣмъ вы пришли такъ поздно?

Анфиса (твердо). Пропустите меня, Федоръ Ивановичъ (Спокойно проходитъ, задѣвъ его платьемъ, останавливается и говоритъ въ полъ оборота). Все

это неправда, голубчикъ. Я васъ понимаю, вы ошиблись. Благодарность къ врачу вы приняли за любовь и уже начинаете мучиться здоровьемъ, но это пройдетъ. Вы будете любить Сашу, вы и сейчасъ любите ее, а я завтра—уѣду.

Федоръ Ивановичъ. Уѣдете? Оставите меня одного?

Анфиса. Причемъ здѣсь вы? Я уѣду, потому что мнѣ надо ѣхать потому, что я устала, соскучилась, потому что мнѣ надоѣлъ, наконецъ, вашъ городъ, вашъ Татариновъ, вся ваша жизнь. Причемъ здѣсь вы?

Федоръ Ивановичъ. Уѣдете теперь, теперь, когда всѣ оставили меня—теперь? Вы забыли, вы, навѣрно, забыли, что дѣлается вокругъ меня, иначе вы, великодушная, не сказали бы. Вы видѣли сегодня провалы: пустыя мѣста — тамъ должны были находиться мои друзья. И ихъ нѣтъ—они ушли.

Анфиса. Вы сами оттолкнули ихъ.

Федоръ Ивановичъ. Ахъ, оставьте! Это должно было случиться. Я не могу вмѣститься въ ту щель, которую они оставили мнѣ. Я не могу!

Анфиса. Вы оскорбили ихъ.

Федоръ Ивановичъ. Я не виноватъ! У тѣхъ, кто хочетъ много, свои законы. Я не виноватъ. Но все же мнѣ больно, и мнѣ ихъ жаль... и одиночество пьетъ мою кровь. Помоги мнѣ, Анфиса! Ты такъ же одинока—помоги мнѣ, Анфиса! Дай, чтобы въ моей рукѣ я почувствовалъ другую, сильную, смѣлую, правдивую руку. Дай! (Хватаетъ Анфису за руку).

Анфиса. Оставьте меня! (Вырываетъ руку). Что съ вами сдѣлалось, Федоръ Ивановичъ?—вы стали... грубы.

Федоръ Ивановичъ. Я люблю васъ.

Анфиса. Нѣтъ, вы просто стали грубы. Еще вчера... такой мягкій... благородный... вы показались близки мнѣ, какъ женщина. Вѣдь вы плакали вчера, когда я играла... да, да, какъ женщина.

Федоръ Ивановичъ. Я плакалъ отъ любви къ тебѣ, Анфиса, а сегодня. Ахъ, Боже мой! Безъ шапки, по колѣна въ снѣгу, я бѣгалъ и звалъ ее—звалъ ее—а она сидѣла тамъ — въ углу — съ этимъ ничтожествомъ. Какъ вы смѣли!

Анфиса. Вы становитесь неприличны, Федоръ Ивановичъ. Я завтра уѣзжаю.

Федоръ Ивановичъ. Скажи мнѣ: да. Выйди къ нимъ ко всѣмъ и скажи, что любишь меня.

Анфиса. Завтра я уѣзжаю.

Федоръ Ивановичъ. А я... одинъ?

Анфиса. Съ вами останется жена.

Федоръ Ивановичъ. Плохая шутка, Анфиса Павловна.

Анфиса (гнѣвно). Ахъ, Боже мой! Да поймите же вы, что я просто, что я просто—не люблю васъ.

Федоръ Ивановичъ (устало и покорно). Да? Такъ вотъ какъ значитъ. Хорошо! Ну, такъ уходите же—чего же вы стоите, развѣ вы не все сказали? Что вы такъ смотрите на меня—я вамъ противенъ? Быть можетъ жалокъ? Ну? Развѣ вы не все сказали?

Анфиса (коротко). Все.

Быстро уходитъ. Федоръ Ивановичъ нѣсколько разъ проходитъ по комнатѣ, останавливается, думаетъ о чемъ-то, сильно вздыхаетъ и, окинувъ комнату быстрымъ взглядомъ опомнившагося человѣка, хочетъ уходить. Но вспоминаетъ — и подойдя къ самому креслу бабушки, продолжительно и строго грозитъ ей пальцемъ.

Федоръ Ивановичъ. Молчи.

Спицы въ рукахъ бабушки замѣтно дрожатъ. Федоръ Ивановичъ уходитъ. Изъ-за ширмы появляется блѣдная, растерянная Александра Павловна, торопливо застегиваетъ крючки на лифѣ, и какъ-то нелѣпо, словно слѣпая, тычется въ углы.

Алекс. Павлов. Ахъ, Боже мой! Что же это,

бабушка. Какъ же мнѣ быть, если онъ догадается, что я была здѣсь и все слышала. Что я ему скажу, онъ не повѣритъ, что я нечаянно. Молчи, бабушка, молчи! Бабушка, милая бабушка, у меня ноги подгибаются, я упаду сейчасъ, бабушка...

Вбѣгаютъ очень веселые Ниночка и гимназистъ Петя.

Ниночка. Саша, Саша, гдѣ ты? Тебя Федя ищетъ. Скорѣе, сейчасъ ужинъ!

Алекс. Павлов. Я только сейчасъ, я была въ дѣтской.

Ниночка. Уже скоро двѣнадцать!

Алекс. Павлов. Вотъ какъ, а я и не думала, что уже скоро двѣнадцать. Я была въ дѣтской. Вотъ какъ странно--уже скоро двѣнадцать.

Ниночка (удивленно). Да что съ тобой, Саша?

Алекс. Павлов. Я была въ дѣтской, что же можетъ быть со мной; вотъ странно. Я все время была въ дѣтской.

Ниночка (беретъ ее за руку). Идемъ, идемъ!

Алекс. Павлов. Да, конечно, идемъ, а то какъ же? Конечно идемъ. И вы съ нами, Петя, или вы останетесь тутъ?

Петя (хохочетъ). Тутъ? Съ бабушкой?

Алекс. Павлов. Ну, да, я хотѣла сказать...

Уходятъ, оставляя дверь открытою. Бабушка перестаетъ вязать и слушаетъ, приложивъ руку къ безкровному уху. Слышны восклицанія, смѣхъ, обрывки музыки и пѣнія, затѣмъ наступаетъ тишина — и въ тишинѣ большіе часы отчетливо и гулко отбиваютъ двѣнадцать ударовъ. И какъ торопливое, маленькое эхо, запоздавъ на минуту, отвѣчаютъ и маленькіе часы въ бабушкиной комнатѣ. Тѣхъ, далекихъ часовъ бабушка, видимо, не слыхала, но къ этимъ прислушивается внимательно, подтверждаетъ слабыми кивками головы торопливые удары — и снова берется за чулокъ. А тамъ уже снова говоръ и смѣхъ и тон-

кій звонъ стекла, поздравленія, разрозненное, неудавшееся «ура». Весь этотъ разноголосый шумъ приближается сюда, и отдѣльные всплески его раздаются въ самой бабушкиной комнатѣ.

Голоса:

— Къ бабушкѣ, къ бабушкѣ, поздравлять, — держите тапера—онъ разобьетъ фортепіано. Петя, оставь.

Первыми входятъ старики Аносовы, родители Александры Павловны.

Аносовъ. Ну, держись, бабушка, къ тебѣ цѣлое нашествіе! Такъ пока что, до галдежу всякаго, мы вотъ и пришли со старухой тебя поздравить. Поздравляю. Ничего, живи себѣ, коли ужъ столько прожила, что жъ съ тобой подѣлаешь. Ну и что Федя съ этимъ музыкантомъ надѣлалъ: онъ эту самую свою фортепіану, какъ хорошій мужъ хорошую жену бьетъ и по ушамъ, и по мордасамъ, и за волосы ее волочитъ... а самъ-то хохочетъ, чудакъ! Хорошій, видно, человѣкъ!

Аносова. Я ужъ и смотрѣть боюсь, какъ онъ мудруетъ, вотъ, вотъ посуду бить начнетъ. Хорошій человѣкъ въ семейномъ домѣ такъ себѣ напиться не позволитъ. Я ужъ и то говорю Сашенькѣ: ты бы, дочка, лучше въ кухню его отправила, пусть тамъ по столу колотитъ. Она говоритъ, нельзя—гость. Какой же онъ гость, когда музыкантъ, да еще пьяный.

Аносовъ. Вотъ и они. Веселый народъ!

Голосъ Розенталя:

«Господа, факельцугъ. Берите свѣчи».

Безпорядочной толпою, съ попыткой изобразить факельное шествіе, спотыкаясь на ступенькахъ, съ говоромъ и смѣхомъ, входятъ гости. Развязно, нѣсколько иронически, видимо продѣлывая шутку, поздравляютъ бабушку; но встрѣчаютъ старое, сѣрое,

тайной старости и знанія замкнутое лицо, видятъ мелькающія спицы, слышатъ глухое, но тревожное молчаніе—и въ смущеніи неловко отходятъ.

Розенталь (добродушно кричитъ старухѣ на ухо). Бабушка, слыхали, еще новый годъ наступилъ. Понимаете, новый годъ? Поздравлять пришли. Съ новымъ счастьемъ, съ новымъ годомъ, ну и такъ далѣе. Ну, а вотъ зубы-то уже не вырастутъ, бабушка?

Аносовъ. А вы ее, господинъ Розенталь, не тревожьте — отъ такого ласковаго крика она и помереть можетъ, жизнь-то у нея промежъ пальцевъ вертится. Не сдунуть бы.

Ниночка (цѣлуетъ старуху). Милая ты моя старушка, вотъ и раскрылись ворота.

Гимназистъ Петя идетъ подъ руку съ таперомъ, оба покачиваются. Таперъ молодой, краснолицый, прыщеватый малый, съ длинными мочалистыми волосами, которые нависаютъ ему на лобъ и которые онъ смахиваетъ съ такимъ видомъ, какъ будто ловитъ муху. Радостно смущенъ, давно уже потерялъ языкъ и только временами дико хохочетъ и взмахиваетъ руками, какъ бы разбивая рояль. Подружившійся съ нимъ Петя громко поетъ ему на ухо:

Петя. «Разбивъ мое сердце безбожно, она мнѣ сказала: «прости». Такъ будемъ же пить пока можно, а тамъ хоть трава не расти».

Отчаянно машетъ рукой, таперъ дико хохочетъ.

Померанцевъ (пьяный и мрачный). Оставь, Петя, не унижай себя.

Аносова. Ай-ай-ай, вотъ бы повидали васъ родители.

Померанцевъ (мрачно). У насъ нѣтъ родителей. Мы подкидыши.

Петя (кричитъ). Нина Павловна, съ Новымъ годомъ и съ новымъ счастьемъ. «Разсудокъ твердитъ укоризну, но поздно, меня не спасти»...

Подъ руку съ женой входитъ Федоръ Ивановичъ, улыбается, что-то шепчетъ, наклоняясь къ ней. Съ той же улыбкой, безразлично, но слишкомъ долго смотритъ на Анфису, которая въ сторонѣ тихо разговариваетъ съ очень скромнымъ молодымъ человѣкомъ въ судейской формѣ.

Федоръ Ивановичъ. Что съ тобою, Саша, тебѣ не здоровится?

Алекс. Павлов. Да, я устала очень. Ты знаешь...

Федоръ Ивановичъ (рѣзко). Я не люблю усталости! (Нѣжно). Впрочемъ и правда, ты, быть можетъ, прилегла бы. Устала бѣдная моя красавица!

Алекс. Павлов. (вздыхаетъ). Да, красавица.

Розенталь (подхвативъ послѣднія слова). Да, не всѣмъ красота моя нравится. Вѣрно. Тише, господа. Maestro, перестаньте такъ дико хохотать—нашъ Цицеронъ намѣревается произнести рѣчь. Вниманіе, вниманіе.

Татариновъ (длительно и строго смотритъ на Розенталя, потомъ отворачивается и медленно начинаетъ). Господа! Передъ лицомъ этой почтенной старости, меня особенно волнуетъ вопросъ о времени, о его, такъ сказать, текучести и въ связи съ нимъ вопросъ о томъ, что такое Новый годъ, для встрѣчи котораго...

Розенталь (передразнивая). На основаніи вышеизложеннаго...

Татариновъ (еще строже и еще медленнѣе). Для встрѣчи котораго мы собрались подъ гостепріимнымъ кровомъ Федора Ивановича. Новый годъ...

Розенталь. И имѣя въ виду кассаціонное рѣшеніе за номеромъ 2240...

Татариновъ. Федоръ Ивановичъ, попросите вашего друга замолчать, иначе я за себя не ручаюсь

Федоръ Ивановичъ. Оставь, Иванъ Петровичъ. Ты больше по гражданскимъ дѣламъ, а тутъ... тутъ, братъ дѣло уголовное. (Отстраняетъ отъ себя жену, выступаетъ нѣсколько впередъ и говоритъ, глядя только на старуху. Только разъ или два въ

теченіе рѣчи быстро взглядываетъ на Анфису). Да, господа. Не скажу, чтобы мы находились передъ такимъ уже почтеннымъ лицомъ, какъ выразился мой товарищъ—но что это лицо важно, что это лицо загадочно и даже страшно, объ этомъ я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Татариновъ. Ну, разъ ты самъ хочешь говорить, тогда дѣло другое. Послушаемъ. Господа, Федоръ Ивановичъ говоритъ.

Федоръ Ивановичъ (небрежнымъ, нѣсколько презрительнымъ жестомъ указываетъ на бабушку). Взгляните на нее. Никто не знаетъ, откуда она пришла и чѣмъ она была; я самъ только смутно слышалъ о какомъ-то ея мужѣ, братѣ моего дѣда, который умеръ слишкомъ рано, да, слишкомъ рано. И родившись вмѣстѣ съ этими старыми, полусгнившими стѣнами, я нашелъ и ее, такую же старую, гнилую, наполовину истлѣвшую—но живую. И уже въ дѣтствѣ я боялся ея, и этой комнаты, и этихъ безконечныхъ петель, которыя нанизываетъ она. (Быстро). Я не вѣрю, что это—чулокъ.

Аносовъ (безпокойно и примирительно). Ну что ты, Федя, старушка и старушка. Эка, тогда и всѣхъ насъ, стариковъ, бояться надо.

Татариновъ. Ты отходишь отъ темы, Федоръ Ивановичъ.

Федоръ Ивановичъ. Кто она? Гдѣ обитаетъ ея темная душа? Въ какихъ болѣзненныхъ корчахъ, смутныхъ и страшныхъ снахъ, въ бреду старческаго безумія доживаетъ послѣдніе дни ея истлѣвшій, полумертвый духъ, измученный плѣномъ долгой жизни? Она женщина—что это значитъ? Она старуха—что это значитъ? Какіе образы хранитъ ея дырявая обветшалая память?—Быть можетъ вся въ ничтожныхъ мелочахъ, быть можетъ вся въ чаду зловѣщей тайны какихъ-то золъ, какихъ-то страшныхъ преступленій.

Алекс. Павлов. Федя...

Татариновъ. Федоръ, оставь, нехорошо. Нетактично.

Федоръ Ивановичъ (гнѣвно). Молчи! — Я знаю, напримѣръ, что притворяется она глухой,—зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы слышать—чтобы знать? Затѣмъ, чтобы молчать? Но я, человѣкъ не робкій—я боюсь этой глухоты, въ которой такъ много чуткости, я боюсь этого молчанія, въ которомъ такъ много неразгаданной, но громко кричащей лжи!

Алекс. Павлов. Федя. Я прошу тебя...

Анфиса. Не довольно ли, Федоръ Ивановичъ?

Розенталь. Браво.

Федоръ Ивановичъ (мрачно). Нѣтъ, не довольно. Я еще не сказалъ самаго важнаго, я еще не сказалъ, что она—раба. А я боюсь рабовъ—они бьютъ въ спину! Я боюсь этихъ загадочныхъ существъ, у которыхъ куда-то въ глубину, въ потемки загнана свобода, а наружу осталась только хитрость, да злость. (Вздрагиваетъ). Да страшные удары въ спину.

Ниночка (громко). Это неправда!

Аносовъ. Оставь, Нинка, ты куда еще лѣзешь?

Ниночка (еще громче). Это неправда, неправда, неправда!

Анфиса (бросается къ ней). Что съ тобою, Ниночка, что ты, голубчикъ. Вотъ что вы дѣлаете, Федоръ Ивановичъ вашимъ... краснорѣчіемъ.

Федоръ Ивановичъ. О чемъ ты, Нина?

Ниночка (плачетъ, громко). Оставь меня. Это неправда, что тебя въ спину... въ спину... Я не хочу, чтобы ты думалъ такъ, это ужасно думать такъ, я не хочу, это неправда...

Федоръ Ивановичъ. Да голубчикъ ты мой... Розенталь принеси ей воды. Да вѣдь я жъ не про себя! Ну кто жъ, подумай, ударитъ меня въ спину?

Ниночка. Боже мой, я не могу, я побѣгу, я побѣгу въ садъ! (Съ плачемъ убѣгаетъ).

Піанистъ дико хохочетъ.

Петя (взволнованно). Померанцевъ, ты мнѣ другъ или нѣтъ? Идемъ за ней.

Померанцевъ (мрачно). Оставь, Петя. Онъ правъ.

Петя. Идемъ!

Уходятъ.

Алекс. Павлов. (блѣднѣетъ и шатается). Ой подъ сердцемъ... руку...

Татариновъ (даетъ ей руку). Ну вотъ ужъ это совсѣмъ некстати. Талантливо, но чортъ знаетъ какая ерунда! И опять таки нетактично.

Анфиса. А по моему даже и не талантливо, а только...

Федоръ Ивановичъ (смѣется). А только? Договаривайте. Знаете: это скверное свойство—не договаривать или сказать все—и не уходить.

Мгновеніе они мѣряются взорами; затѣмъ Анфиса гнѣвно хватаетъ за руку покорнаго судейскаго.

Анфиса. Идемте!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Душный, іюньскій вечеръ. Гостиная въ домѣ Костомаровыхъ. Всѣ четыре окна на улицу раскрыты настежь, за окнами непроглядная темень. Улица, на которой стоитъ домъ Костомаровыхъ, окраинная, малоѣзжая; и въ этотъ черный, душный вечеръ она пустынна и нѣма. Только у воротъ тихо бесѣдуетъ отдыхающая прислуга, да изрѣдка подъ окномъ прозвучатъ чьи-то неторопливые шаги. Темно и душно и въ гостиной. Горитъ лишь одна лампа съ краснымъ матерчатымъ абажуромъ; вокругъ лампы на диванѣ и креслахъ сидятъ старики Аносовы и Александра Павловна. На подоконникѣ одного изъ раскрытыхъ оконъ сидитъ Анфиса; ея совсѣмъ почти не видно, и только, когда она говоритъ, начинаетъ смутно бѣлѣть ея лицо въ черной рамкѣ ночи, чернаго платья и черныхъ волосъ.

Алекс. Павлов. (говоритъ устало и немного разслабленно). И ужъ какое лѣто грозовое: все грозы да грозы, а по деревнямъ пожары. Третьяго дня въ Кочетовкѣ дѣвочку молніей убило.

Аносовъ. На все Божья воля.

Аносова (пристально смотритъ на неяркій огонь лампы). Ужъ на что бы казалось проще: лампа горитъ, а вотъ не могу глазъ отвести, да и только. До того измаялась я въ темнотѣ, что моченьки моей не

стало, будто теперь только узнала я, какая такая есть темная ночь.

Аносовъ. Керосинъ нужно поберечь. Вонъ птицы безо всякихъ лампъ живутъ и не жалуются.

Аносова. Да ужъ и жалѣемъ! Цѣлое лѣто такъ-то вотъ передъ темнымъ окномъ сидимъ, да горькія думы свои думаемъ. Все копеечку бережетъ старикъ-то нашъ.

Аносовъ. Не ропщи!

Аносова. Да я не ропщу. А вотъ только намедни, сижу я такъ-то у окна, да и осуждаю нашу управу: и чего бы, думаю, у нашего дома фонарь ей не поставить: глядѣла бы я на него, и все какъ будто свѣтъ въ очахъ. А то поставили за угломъ, кому онъ тамъ нуженъ!

Аносовъ. Стало быть нуженъ. Тебѣ одной, думаешь, свѣтъ пріятенъ—эка!

Аносова. Думаю это я и осуждаю, а вдругъ, глядь какой-то прохожій, дай Богъ ему здоровья, спичкой чиркнулъ, папиросу должно быть зажигалъ. И ужъ до того пріятно это показалось, и ужъ такъ-то я этому огонечку обрадовалась: не забылъ, думаю, Господь, о завтрашнемъ днѣ напоминаетъ.

Аносовъ. Такъ-то лучше! Вотъ погоди, старуха, скоро именинница будешь, такъ цѣлый коробокъ спичекъ подарю, такой фейерверкъ устроишь, какъ на пожарномъ гуляніи, въ саду.

Алекс. Павлов. Почаще бы къ намъ ходили, мамаша, а то не дозовешься.

Аносова. Да, попробуй, поговори-ка съ нимъ.

Аносовъ. Нѣтъ, дочка, ты ужъ лучше не приглашай. У тебя своя жизнь, молодая, веселая, беззаботная, а у насъ своя — стариковская, и зачѣмъ же мы будемъ докучать тебѣ нашимъ видомъ печальнымъ? Видъ у насъ очень печальный, Сашенька. Какъ Божьей милостью затонули мои три баржи безвозмездно, и попалъ я въ несостоятельные должники...

Аносова. Ты, Сашенька, тогда еще въ дѣвицахъ ходила, и вотъ ужъ чего не помню: кончила уже тогда гимназію или еще училась?

Алекс. Павлов. Да въ ту же весну и кончила. Какъ же вы не помните, мамаша?

Аносова. Перепуталось все. И себя-то ужъ плохо помнимъ.

Аносовъ. И съ тѣхъ поръ берегу я кажную копейку, чтобы удовлетворить моихъ господъ кредиторовъ. Конечно, могъ бы я и не платить—полъ города надо мною смѣется: вотъ, говорятъ, старый дуракъ, себя кровей лишаетъ, добрымъ людямъ брюхо раститъ. Даже господа кредиторы и тѣ удивляются, какъ я имъ кажное первое число то пятерочку, а то, Богъ дастъ, и десяточку приношу. Да плюньте вы, говорятъ, Палъ Палычъ, мы ужъ про всякіе ваши долги забыли, но однако, я не позволяю и только тихимъ голосомъ говорю: дозвольте расписочку въ полученіи.

Алекс. Павлов. Федя и то говоритъ: давно бы вамъ перестать, папаша, смѣшно право!

Аносовъ. Нѣтъ, не смѣшно. Но обстоятельства въ томъ, что я люблю справедливость. Кого Богъ покаралъ? Меня, Павла Павлова, сына Аносова. Такъ кому жъ отдуваться? Мнѣ Павлу Павлову, сыну Аносову. Для кажнаго человѣка — вслушайся, Анфиса, и ты въ мои слова, ибо говорю я отъ чистаго сердца и духа моего...

Анфиса (тихо). Я слушаю.

Аносовъ. Для кажнаго человѣка есть своя справедливость. И есть она не только для господина губернатора, но даже, вслушайтесь, и для самого министра земледѣлія и промышленности. И ежели ужъ хорошій песъ, и тотъ свои обязанности понимаетъ, никогда куска безъ дозволенія не возьметъ, такъ что же я, купецъ, хуже собаки, что ли?

Аносова. За то Павла Павловича весь городъ уважаетъ.

Аносовъ. Что городъ. Меня вся губернія уважаетъ. Мужики на базарѣ и тѣ меня запримѣтили и весьма кланяются.

Аносова. Ну, еше бы, мужики!

Аносовъ. А ты, старая, жалуешься. Керосину и въ острогѣ достаточно, а вотъ, чтобы безъ него свѣтло было, такъ это можетъ у насъ только и есть. Ахъ, мало справедливыхъ людей на свѣтѣ! И Господь Богъ восчувствовалъ это, взялъ дочерей моихъ и устроилъ. Вотъ только тебя, Анфиса, мнѣ очень жалко: и умная ты, и красивая ты, и очень справедливая — про тебя, Сашенька, голубчикъ, я этого не скажу — а живешь ты такъ, что ни Богу ты свѣча, ни чорту кочерга.

Анфиса. Живу, папаша, какъ умѣю. Сами знаете, что такое жизнь.

Аносовъ. Знаю, дочка, знаю. Ты не обижайся, мы съ матерью очень уважаемъ тебя. Кто первый сказалъ тебѣ, брось этого стервеца, хоть онъ и чиновникъ министерства финансовъ?

Анфиса. Вы, папаша.

Аносовъ. Ну, вотъ то-то. А ты, Сашенька, вслушалась въ мои слова?

Алекс. Павлов. Какъ же, вслушалась. Это вы вѣрно сказали: Анфиса очень справедливая. Про себя я не говорю, что я такое? А она очень справедливая Прямо сказать—другой такой женщины среди насъ можетъ быть и не найдется.

Анфиса (веселымъ голосомъ). Ну, оставь, Саша!.. Просто я... Ты сама такая хорошая...

Аносова. Да, занапрасно ты, старикъ, Сашеньку обидѣлъ твоею справедливостью. На что я добра, а Саша, такъ та просто до глупости.

Аносовъ. Ну и слава Богу! Всѣ стало быть хорошіе люди оказались, одинъ другого лучше. До того хорошіе, что можно и по домамъ идти.

Алекс. Павлов. Посидите, рано еще. Можетъ скоро и Федя изъ сада вернется.

Анфиса. Онъ съ Ниночкой поѣхалъ?

Алекс. Павлов. Да. Посидите, папаша, а то мнѣ, право, скучно.

Аносовъ. Ничего, съ сестрой посидишь, а намъ и спать пора. А Федору Ивановичу передай ты, Сашенька, мое высокое почитаніе и скажи ему: ден ночь благодаримъ мы его со старухой за Ниночку, что пріютилъ сироту. Потому что у такихъ родителей, какъ мы, несостоятельныхъ должниковъ, и дѣти сироты. Подарочекъ я ему одинъ приготовилъ, мундштукъ пѣнковый пріобрѣлъ на толкучкѣ. Очень занятной конструкціи, съ голой женщиною — старуха даже смотрѣть не хочетъ, хотя женщина при всемъ своемъ справедливомъ фасонѣ... Но объ этомъ молчокъ.

Уходятъ и Александра Павловна ихъ провожаетъ Во время дальнѣйшаго разговора въ передней, Анфиса быстро ходитъ по комнатѣ и нѣсколько разъ хватается за голову.

Аносовъ. Ну, какъ, дочка, скоро?

Алекс. Павлов. Да ужъ седьмой мѣсяцъ.

Аносовъ. Ну и напьюсь же я у тебя на крестинахъ, дебошъ произведу. Да музыканта энтаго пригласи, ужъ очень онъ веселый человѣкъ. Какъ хватитъ!.. Постой, старуха, что это ты подъ тальму прячешь? Не воруй, городового позову.

Аносова (робко). Это мнѣ... Саша свѣчку на всякій случай дала. Огарочекъ!

Аносовъ. Э, нѣтъ. Отдай назадъ. У нея тамъ цѣлыя паникадила горятъ, а она—огарочекъ! Э-э-эхъ! Не коснулся, видно, Господь еще женщины, и сколько ты ее ни корми, а она все въ лѣсъ смотритъ.

Алекс. Павлов. Это я, папаша.

Аносовъ. Ну и ты хороша. Огарочекъ... То-есть изъ-за какого-нибудь огарочка она тебѣ...

Голоса смолкаютъ. Александра Павловна возвращается.

Алекс. Павлов. (смѣется). Вотъ исторія! Такъ разсердился старикъ, что даже прощаться не захотѣлъ—грозитъ, что ходить не станетъ.

Анфиса. Я слышала.

Алекс. Павлов. А у мамаши въ лѣвой рукѣ цѣлковый зажатъ, всю дорогу теперь дрожать будетъ, какъ бы не попасться (ласково). Что съ тобой, Анфисушка, мрачная ты какая?

Анфиса. Такъ, голова немного болитъ.

Алекс. Павлов. Ой, смотри, боюсь я этой головной боли. А не поташниваетъ тебя?

Анфиса (весело). А отчего меня будетъ тошнить? Хотя, конечно, при мигрени...

Алекс. Павлов. Я и говорю, что при мигрени. Вотъ странная вещь: когда я Вѣрочкой беременна была, такъ просто не знала, куда дѣваться отъ тошноты, а вотъ теперь какъ-то незамѣтно прошло. Отчего бы это?

Анфиса. Не знаю, право, я такъ давно беременна была, что ужъ все... перезабыла. Кажется, и меня тошнило.

Алекс. Павлов. (смѣется). Ну, конечно, откуда тебѣ и знать? Живешь ты, какъ честная вдова... А вотъ выдамъ тебя замужъ, тогда опять вспомнишь. (Серіозно). И вотъ что, сестра, не забудь своего обѣщанія.

Анфиса (тревожно). Какого?

Алекс. Павлов. Такого. Неужели позабыла? Ахъ, нехорошо, нехорошо, сестра: такъ я на тебя полагалась, такъ я тебѣ вѣрила всегда — вѣдь я тебя чуть ли не святой считала, ей Богу.

Анфиса. Да про что ты?

Алек. Павлов. (смѣется). А въ крестныя матери-то? Помнишь, ты сказала: какъ только второй

ребенокъ родится, обязательно тебя, Саша, въ крестныя матери позову.

Анфиса (смѣется). Развѣ обѣщала? Ну, тогда, правда, забыла совсѣмъ, вѣдь ты знаешь, какъ я далека отъ всего отъ этого.

Алекс. Павлов. Всякій знаетъ.

Анфиса. Ты вотъ говоришь—замужъ, а я какъ вспомню про это несчастное замужество свое, мнѣ становится такъ грустно, такъ обидно... Слѣпая я тогда была. Вонъ есть пословица: кого Богъ хочетъ погубить, того сперва лишаетъ разума. А насъ всѣхъ онъ раньше лишилъ разума, пусть выбирается, которая сумѣетъ.

Алекс. Павлов. (громко). А офицера въ Смоленскѣ помнишь?

Анфиса (испуганно). Тише! (Строго). И никогда не вспоминай мнѣ этого, слышишь? Этого не было никогда. Я ничего не помню, и ты забудь, и пусть никто не знаетъ о моемъ позорѣ.

Алекс. Павлов. (съ раскаяніемъ). Ахъ ты, Господи, что же я надѣлала? Дѣло, думаю, прошлое, и потомъ же не чужому говорю, а своему...

Анфиса. Ты разсказала?

Алекс. Павлов. Да, Федѣ.

Молчаніе.

Алекс. Павлов. Ты бы, Анфиса, ментолу попробовала, а то можно въ аптеку за карандашомъ послать. Мишка живо сбѣгаетъ. (Подходитъ къ окну, кричитъ). Миша.

Анфиса. Нѣтъ, не надо. У меня уже совсѣмъ прошла. Просто отъ жары. Такой душный день сегодня. (Пьетъ воду, говоритъ насмѣшливо). Ну и что же сказалъ твой благовѣрный, удивился?

Алекс. Павлов. Представь себѣ — не очень Только засмѣялся и говоритъ...

Анфиса. Ну, хорошо, будетъ объ этомъ, неинтересно. Какая жара!

Алекс. Павлов. Да. Хоть бы вѣтеръ былъ. Да вотъ еще, кстати, все забываю тебѣ сказать: у меня одна часть твоего туалета лежитъ, возьми пожалуйста.

Анфиса, Что? Отъ стирки что-нибудь осталось?

Алекс. Павлов. Нѣтъ. (Смѣется). Представь себѣ какой случай: наша Катя въ кабинетѣ Федора Ивановича подняла. Ну, конечно, ко мнѣ и принесла. Такъ возьми пожалуйста, не забудь.

Анфиса (Смѣется). Этого не можетъ быть, что ты говоришь! Какіе пустяки!

Алекс. Павлов. Отчего же не можетъ быть? Сидѣла въ кабинетѣ, подшивала, а тебя кто-нибудь позвалъ, ты и забыла. Тамъ и сейчасъ кружевцо немного оборвано. Ты не волнуйся! Я такъ Катѣ все и объяснила. А то ты знаешь, какой у насъ народъ на кухнѣ—пойдутъ разговоры. (Строго). Если тебѣ другой разъ понадобится что-нибудь работать, такъ приходи ко мнѣ. А то все-таки кабинетъ адвоката, кліенты, посторонніе люди бываютъ, неудобно, если вдругъ на полу...

Анфиса. Да, конечно, конечно. Федоръ Ивановичъ любитъ порядокъ. Я вообще рѣдко встрѣчала человѣка, который съ одной стороны былъ бы такъ безалаберенъ, какъ твой Федя, а съ другой... Хоть бы гроза, что ли! Знаешь, не пройтись ли намъ хоть по улицѣ около дома? Засидѣлись мы съ тобой, какъ старухи. Когда я въ Смоленскѣ жила, тамъ тоже есть садъ, Лопатинскій называется...

Алекс. Павлов. Что жъ, пойди, а я Федю ждать буду. Онъ такой милый сталъ за послѣднее время, что я и не знаю, какъ тебя благодарить. (Смѣется). Ну что я теперь? Беременная, некрасивая, самой на себя въ зеркало взглянуть противно, а онъ меня цѣлуетъ, какъ невѣсту. Позавчера ночью я даже испугалась. Кто это, думаю, вошелъ?

Анфиса. Ну?

Алекс. Павлов. Такъ тебѣ все и разсказывать, какая ты любопытная! (Съ нескрываемой насмѣшкой). Сама, я думаю, прекрасно знаешь, что бываетъ между мужчиной и женщиной, когда они другъ друга любятъ.

Анфиса. Но онъ...

Алекс. Павлов. (Вызывающе). Что онъ? Не любитъ?

Молчаніе. Смотрятъ другъ на друга.

Анфиса (упавшимъ голосомъ). Жарко.

За окномъ голосъ Татаринова:

— Можно? Я только на минутку.

Алекс. Павлов (съ сожалѣніемъ отрывая взглядъ отъ Анфисы). Эка, принесла нелегкая. (Въ окно, со смѣхомъ). Заходите, заходите, Иванъ Петровичъ, очень рады. Мы здѣсь съ Анфисой, какъ двѣ безутѣшныя вдовы. (Къ Анфисѣ). Милый человѣкъ— я его очень люблю. Ты рада, что онъ пришелъ?

Анфиса (смѣется). Только ужъ очень онъ скучный. Про него вѣрно Розенталь говоритъ...

Входитъ Татариновъ, его радушно встрѣчаютъ, но онъ мраченъ.

Алекс. Павлов. Что это вы такой мрачный, Иванъ Петровичъ. (Безпокойно). Случилось что-нибудь?

Татариновъ. Нѣтъ. Нездоровится. Съ желудкомъ что-то неладное, завтра къ доктору пойду. Какой-нибудь дрянью въ ресторанѣ накормили.

Анфиса. Вы откуда?

Татариновъ. Откуда же, изъ городского сада. Съ Федоромъ Ивановичемъ тамъ сидѣли, онъ пиво пилъ, а я ничего не сталъ. Ну, конечно, Розенталь. Но только (разгорячаясь и ходя по комнатѣ) я больше

этого терпѣть не стану. Пусть у Федора Ивановича будетъ хоть геній, а я этого терпѣть не стану. Эта... развратнѣйшая личность, этотъ нахалъ Розенталь...

Алекс. Павлов. Опять?

Татариновъ (останавливаясь). Вы знаете эту собаку въ саду, приблудная какая-то, всѣ ее знаютъ, вертится постоянно. (Мрачно). Жучкой ее зовутъ.

Алекс. Павлов. Не знаю.

Татариновъ. А, Господи, ее всѣ знаютъ. Но только чортъ ее знаетъ откуда она. И вотъ сегодня вертится она вокругъ нашего стола, а Розенталь говоритъ шепотомъ Федору Ивановичу: посмотри, какъ нынче Татариновъ мраченъ. Ну, а я, знаете, нездоровъ, и мнѣ даже пріятно показалось, что такой негодяй тоже имѣетъ человѣческое сердце. И что же? Это оттого, говоритъ, Татариновъ такъ мраченъ, что не знаетъ навѣрно, кто Жучкинъ отецъ, и не можетъ назвать ее по отчеству. А?

Обѣ женщины смѣются.

Татариновъ (горько). Смѣшно? И вотъ такое кабацкое остроуміе всегда будетъ имѣть успѣхъ, а то, что я не подаю ему руки, то, что я членъ совѣта сословія присяжныхъ повѣренныхъ...

Анфиса (примирительно). Да оставьте, голубчикъ, да охота же вамъ. Болтунъ, говоритъ глупости, а въ сущности говоря очень безобидный и даже хорошій человѣкъ.

Татариновъ. Я буду жаловаться на него въ совѣтъ.

Алекс. Павлов. Ну и жалуйтесь. Пусть ему зададутъ хорошенько. Ну, а что Федя?

Татариновъ. Тамъ эта Беренсъ...

Обѣ женщины. Что?? Беренсъ?

Татариновъ. Успокойтесь, все обошлось прекрасно. Я какъ разъ и разсказать хотѣлъ, что совсѣмъ наоборотъ. Можно говорить? Впрочемъ, вы обѣ...

Алекс. Павлов. Да, обѣ. Говорите.

Татариновъ. Ну вотъ, сидимъ мы это за столикомъ тутъ, и Нина Павловна съ нами была, и вдругъ эта Беренсъ подходитъ къ намъ прямо къ столику—вы представляете себѣ эту дерзость?—колышетъ этакъ шляпой и говоритъ: Федоръ Ивановичъ, я случайно осталась одна, не можете ли вы проводить меня до дому? Нина Павловна даже поблѣднѣла, а я...

Алекс. Павлов. Да ну, скорѣй же говорите.

Татариновъ (торжественно). И Федоръ Ивановичъ взялъ ее за руку, вотъ такъ, и просто отвелъ отъ стола, какъ ребенка или какъ собаку, и сказалъ ей только два какихъ-то слова, и она ушла одна, какъ пришла. Но если бы видѣли, какъ она уходила.

Алекс. Павлов (смѣется). Я представляю!

Анфиса (мрачно). Мнѣ ее жаль.

Алекс. Павлов. (съ негодованіемъ). Ее то? Ты совсѣмъ... порѣшилась, Анфиса.

Татариновъ. Скажу по правдѣ, и мнѣ ее жаль стало—ужъ очень гордо она пришла, и ужъ очень... жалко она ушла. И хотя Федоръ Ивановичъ былъ вполнѣ вѣжливъ...

За окномъ тревожные голоса:

Ниночка (въ окно). Саша, ты здѣсь? Саша!—Саша, ты знаешь, Померанцевъ застрѣлился.

Алекс. Павлов. (хватаясь за грудь). Ахъ, Господи, какой еще Померанцевъ?

Петя. Мой товарищъ, гимназистъ. Онъ подъ Новый годъ у васъ былъ. Прямо въ сердце.

Татариновъ. Да когда же это? Не больше часу, какъ я ушелъ изъ саду.

Ниночка. Вы только что ушли, прибѣгаетъ Петя и говоритъ...

Алекс. Павлов. Зайдите, Петя, разскажите.

Петя. Не могу, Александра Павловна. Мы, гимназисты, рѣшили дежурить около него ночь.

Анфиса. Петя, это онъ отъ любви?

Петя (поучительно). Развѣ только любовь и есть на свѣтѣ, Анфиса Павловна? Есть и другіе проклятые вопросы.

Ниночка. Онъ любви не признавалъ.

Анфиса. Цвѣтовъ ему хорошихъ насбирайте. Цвѣтовъ...

Ниночка (плачетъ). Мы и то всѣ розы въ саду обломали. И дядя Федя съ нами ломалъ.

Алекс. Павлов. Какое мальчишество! А гдѣ же Федя сейчасъ?

Петя. Онъ къ полиціймейстеру поѣхалъ.

Ниночка. Онъ велѣлъ мнѣ около больницы его подождать. Я такъ только на минутку прибѣжала сказать. Мы сейчасъ съ нимъ пріѣдемъ.

Анфиса (уходящимъ). Цвѣтовъ ему насбирайте.

Татариновъ (морщась). Какая непріятность. И что дѣлается съ этой молодежью, экзаменъ онъ что ли не выдержалъ?

Алекс. Павлов. А у меня сегодня точно предчувствіе какое-то...

Анфиса горько плачетъ.

Татариновъ. Что съ вами, Анфиса Павловна? Да успокойтесь же вы.

Алекс. Павлов. (недовольно). Что это еще за комедія, Анфиса?

Анфиса. Хорошо умереть молодымъ... (Плачетъ).

Алекс. Павлов. (всхлипываетъ). Ну, вотъ ты и меня разстроила. Ужъ я такъ берегусь, чтобы не волноваться, а ты...

Анфиса. Ну, ничего, ничего. Такъ вспомнилось. (Улыбается сквозь слезы). Смѣшной мальчикъ. Любви не признавалъ, проклятые вопросы... Хорошо умереть молодымъ.

Татариновъ. Да вотъ еще что! Очень важно! Я только что хотѣлъ разсказать, какъ пришли они и

помѣшали. Дѣло касается Федора Ивановича и, боюсь, очень серіозно. Дѣло въ томъ...

Алекс. Павлов. Ну, что же еще, Господи? Развѣ ужъ не мало того, что есть?

Татариновъ. Когда мы съ Федоромъ Ивановичемъ проходили по террасѣ, намъ встрѣтился Ставровскій. И хотя съ того случая на судѣ они съ Федей, такъ сказать, незнакомы и руки другъ другу не подаютъ, Федоръ просто изъ вѣжливости поклонился ему. И Ставровскій—не отвѣтилъ. Можетъ быть, не видѣлъ—не знаю. Но только Федоръ отвелъ меня въ уголъ, знаете, тамъ есть такой темный уголъ, и говоритъ мнѣ спокойно, но самъ бѣлый, какъ бумага. И даже на вы. «Передайте, говоритъ, Ставровскому, что если въ слѣдующій разъ онъ не отвѣтитъ на мой поклонъ,—а я и въ слѣдующій разъ ему поклонюсь,—то мы будемъ драться, или же я просто убью его, какъ собаку». Только вы, Бога ради, не передавайте Федору, что я разсказалъ.

Алекс. Павлов. (растерянно). Какъ же теперь?

Татариновъ. Не знаю. Я, конечно, приму всѣ мѣры для того, чтобы уговорить Ставровскаго, но за успѣхъ не ручаюсь: онъ ужасно самолюбивый и навѣрно станетъ на дыбы. Главное вы постарайтесь повліять на Федора Ивановича. Вы, Анфиса Павловна, имѣете на него такое большое вліяніе...

Алекс. Павлов. Да, Анфиса, пожалуйста. Я умоляю тебя!

Анфиса. Я не знаю..... Конечно, я постараюсь. Успокойся, Сашечка!..

Хочетъ погладить ее по плечу, но та явно уклоняется.

Татариновъ. Ну, надо бы идти. Посидѣлъ бы еще, да такъ меня разстроили всѣ эти исторіи, что едва на ногахъ держусь. Прощайте. (Изъ передней). А бабушка-то еще не спитъ? Какъ шелъ, огонь у нея видѣлъ.

Алекс. Павлов. Не спитъ. Она у насъ, какъ сова—всю ночь глаза раскрыты.

Татариновъ. Прощайте.

Алекс. Павлов. Прощайте.—Ну и я пойду спать, тоже едва на ногахъ держусь. А ты еще не ляжешь?

Анфиса. Нѣтъ, я подожду.

Алекс. Павлов. Можетъ быть, Федя не ужиналъ сегодня, такъ ты разбуди, пожалуйста, Катю и вели ей подогрѣть.

Анфиса. Хорошо.

Александра Павловна уходитъ.

Анфиса. Саша... Саша, ты не хочешь проститься со мной?

Алекс. Павлов. Ахъ, прости, голубчикъ, забыла совсѣмъ. (Подходитъ и подставляетъ щеку).

Анфиса. Прощай. (Неловко цѣлуетъ подставленную неподвижную щеку).

Алекс. Павлов. Такъ не забудь про ужинъ.

Анфиса остается одна. Проходитъ по комнатѣ, прислушивается у окна, потомъ подходитъ къ столу и при свѣтѣ лампы сосредоточенно и внимательно разсматриваетъ большой перстень на мизинцѣ лѣвой руки. Проходитъ кто-то подъ окномъ, насвистывая маршъ «Подъ двуглавымъ орломъ». Анфиса перебираетъ клавиши на піанино. Садится и начинаетъ играть.

Алекс. Павлов. (изъ дверей). Ты опять съ твоей музыкой, Анфиса. Конечно, я тебя понимаю, но пойми и ты, что здѣсь семейный домъ, и что уже всѣ спятъ, и что, наконецъ, я просто нуждаюсь въ покоѣ. Музыка, сантименты всякіе... становится прямо невыносимо.

Анфиса, поднявшись, слушаетъ насмѣшливую, подъ конецъ грубую рѣчь сестры; потомъ ходитъ по ком-

натѣ и смѣется. Къ дому подъѣзжаетъ извозчикъ. Голосъ Федора Ивановича и звонокъ. Входятъ Федоръ Ивановичъ и Ниночка.

Федоръ Ивановичъ (проходитъ). А, это вы? Саша спитъ? Въ кабинетѣ у меня огонь есть?

Ниночка. Спокойной ночи, дядя Федя.

Федоръ Ивановичъ (ласково). Спокойной ночи, дѣвочка.

Уходитъ къ себѣ въ кабинетъ. Ниночка, словно не замѣчая Анфисы, также хочетъ уходить.

Анфиса. Ниночка.

Та притворяется, что не слышитъ, идетъ.

Анфиса (громче). Ниночка, погоди минутку.

Ниночка (останавливаясь). Ахъ, это ты? Что надо? Только, только... пожалуйста поскорѣе, я очень устала сегодня, нездоровится...

Анфиса (ласково, но нерѣшительно, съ мольбою въ голосѣ). Вотъ что я хотѣла... Ну какъ тамъ, разскажи. Бѣдный мальчикъ, мнѣ его очень жаль. Я, кажется, только разъ его видѣла вскорѣ по пріѣздѣ, но у меня осталось почему-то въ памяти его лицо. (Улыбаясь). Я даже заплакала сегодня, когда узнала о его смерти.

Ниночка (холодно и недовѣрчиво). Ты заплакала?

Анфиса (улыбаясь). Почему же ты думаешь, что я не могу заплакать? Это такъ неожиданно и страшно и... мнѣ просто жаль его.

Ниночка. Да, конечно. (Сурово). Онъ былъ хорошій человѣкъ.

Анфиса. Да, очень хорошій. И потомъ, Ниночка, у меня очень много своего горя, и я теперь... легко плачу.

Ниночка. Да? Спокойной ночи, я устала.

Анфиса (съ боязливымъ упрекомъ). Ты слышишь, Ниночка; у меня очень много горя и я... легко плачу. (Отворачивается).

Ниночка. Да, слышу. Спокойной ночи.

Анфиса. Ты не хочешь со мной даже говорить? Скажи, что я сдѣлала тебѣ?

Ниночка. Ничего.

Анфиса. Такъ почему жъ ты такъ относишься ко мнѣ. (Строго). Это нехорошо, Нина! Ты еще дѣвочка по сравненію со мной, ты еще ребенокъ совсѣмъ, наконецъ, ты моя сестра, и когда я иду къ тебѣ съ открытымъ сердцемъ, прошу хоть каплю участія, ты отворачиваешься. Вѣдь я такъ одинока, Ниночка.

Аиночка. Ты? Ты одинока? (Смѣется). Ахъ, Анфиса, какая ты... нехорошая!

Анфиса. Ты не смѣешь такъ говорить!

Ниночка. Зачѣмъ ты лжешь? Зачѣмъ ты говоришь о какой-то моей любви, о сочувствіи, о своемъ одиночествѣ? Вспомни, когда ты сама заговорила со мной, когда? Только вотъ сегодня.

Анфиса. Когда я пріѣхала..

Ниночка (съ презрѣніемъ). О, когда ты пріѣхала! Тогда ты была царицей, тогда ты была святая, тогда ты только о томъ и думала, чтобы доставить людямъ радость и—научить. Это ты—учить! Да, когда ты пріѣхала, ты говорила со мною, и я чуть ли не полюбила тебя, какъ всѣ эти—обманутые.

Анфиса (сдерживая себя). Ты еще дѣвочка! Ты еще не видѣла ни жизни, ни страданія, и ты уже смѣешь такъ осуждать. О, хорошая выйдетъ изъ тебя женщина, много радости дашь ты людямъ!

Ниночка. А ты много ея дала?

Анфиса. Ты не смѣешь такъ говорить со мной.

Ниночка. Тише, дядя Федя услышитъ. (Смѣется). Какъ ты испугалась! Ты не была такая трусливая, когда—пріѣхала.

Анфиса. Смотри, Нина, не накликай на себя судьбу. Можетъ быть, и я теперь плачусь за то, что слишкомъ осуждала, и слишкомъ требовала много. Я обратилась къ тебѣ, какъ къ сестрѣ...

Ниночка. Къ сестрѣ!.. Зачѣмъ ты лжешь, я не понимаю. Какая я тебѣ сестра? Развѣ такъ смотрятъ на сестру, какъ ты на меня все время смотришь? Ты, конечно, не видишь своихъ глазъ, но я то ихъ вижу. Я теперь боюсь темныхъ угловъ. Какъ темный уголъ, такъ оттуда смотрятъ на меня твои глаза, смотрятъ съ такою ненавистью, съ такой злобой... Я теперь во снѣ вижу твои глаза, и просыпаюсь отъ ихъ взгляда каждый разъ съ чувствомъ, что ты меня уже—убила.

Анфиса (грубо). Ты съ ума сошла!

Ниночка. Нѣтъ, я не сошла съ ума. Зачѣмъ ты носишь на пальцѣ ядъ?

Анфиса. Это неправда.

Ниночка. Опять лжешь: ты сама показывала, какъ открывается перстень. Зачѣмъ ты носишь на пальцѣ ядъ? Такъ дѣлаютъ только—убійцы.

Анфиса. Этотъ ядъ—для меня.

Ниночка. Неправда. Для другихъ.

Анфиса (гнѣвно). Для меня, я тебѣ говорю.

Ниночка. Для тебя? Такъ почему же ты... не лежишь рядомъ съ Померанцевымъ?

Анфиса. Нина. Что ты говоришь?

Ниночка. Впрочемъ... онъ былъ честный.

Анфиса (въ ужасѣ) Какъ ты жестока, Нина, какъ ты безумно жестока.

Ниночка (берясь пальцами за виски). Ахъ, ложь, ложь, ложь!

Изъ кабинета выходитъ Федоръ Ивановичъ.

Федоръ Ивановичъ. Что это? Не спите еще?

Анфиса. Да, такъ. Федоръ Ивановичъ, вы будете ужинать, я велю разогрѣть?

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ. Ниночка, дѣвочка, отчего ты не идешь спать? Бѣдная ты моя дѣвочка. (Цѣлуетъ ее). Иди себѣ, дѣвочка, спи. У тебя глаза, какъ у молчанія въ лѣсу. (Къ Анфисѣ, вскользь). Ты слыхала про гимназиста? (Къ Ниночкѣ). Если бъ я былъ твоей нянькой, я разсказалъ бы тебѣ тихую сказку о иныхъ счастливыхъ странахъ, гдѣ не убиваютъ ни себя, ни другихъ, гдѣ розами украшаютъ живыхъ, а не мертвыхъ. Золотыми снами обвѣялъ бы твое сердце, золотыми снами, какъ короной, увѣнчалъ бы твою головку... (Улыбается). Если бы былъ твоей нянькой.

Ниночка (тихо). Проводи меня до комнаты.

Федоръ Ивановичъ. Боишься? Ну, идемъ. идемъ. Хочешь, на руки возьму?

Ниночка (покорно). На руки—не надо.

Уходятъ. Анфиса съ ужасомъ смотритъ имъ вслѣдъ, дѣлаетъ шагъ къ двери, куда они скрылись, но поворачивается и быстро ходитъ по комнатѣ, роняя мебель. Ломаетъ руки.

Федоръ Ивановичъ (входя). Бѣдная дѣвченка. Бѣдная дѣвченка. Ты отчего не спишь, Анфиса? Пора. Ужинать я не буду. Прощай.

Небрежно цѣлуетъ ее въ щеку и идетъ къ двери кабинета.

Анфиса (хрипло). И только?

Федоръ Ивановичъ. А что же еще? Надо спать.

Анфиса (хрипло). И только?

Федоръ Ивановичъ (мягко). Я усталъ. Сегодня у меня очень тяжелый день.

Анфиса. Отчего же ты мнѣ не разскажешь про твой тяжелый день? Ты уходишь, отчего же ты не зовешь меня къ себѣ?

Федоръ Ивановичъ. Къ себѣ, сегодня? (Сурово). Ты забыла про смерть.

Анфиса. Что? (Понимаетъ). Какая гадость. Какая гадость. И только это ты могъ подумать. (Быстро ходитъ по комнатѣ, заламываетъ руки). Федоръ, я больше не могу. Федоръ, что ты дѣлаешь со мной? Я больше не могу.

Федоръ Ивановичъ (неохотно садится). Ну, что еще такое, Анфиса. Говори. Который часъ? Но только не лучше ли отложить до завтра? Пожалуйста. (Закрываетъ глаза рукой). Вѣдь я видѣлъ его, Анфиса. И у меня сейчасъ передъ глазами это маленькое, желтое, восковое лицо, лицо безбородаго мальчишки, который вдругъ осмѣлился стать мужемъ. Какъ онъ смѣлъ?

Анфиса (тихо). Федоръ, я больше не могу.

Федоръ Ивановичъ (встаетъ и ходитъ). Какъ онъ смѣлъ? Взялъ и сдѣлалъ то, о чемъ мечтаетъ каждый человѣкъ... да, хоть разъ въ жизни, но каждый изъ насъ мечталъ о самоубійствѣ. И всѣ мы стали маленькіе, а онъ выросъ, какъ гигантъ, гигантской тѣнью легъ надъ нами, и мертвыми глазами смотритъ прямо въ душу. Чего онъ смотритъ? Что я ему отвѣчу? Ну, конечно—мы, живые, принесли ему цвѣтовъ... какихъ-то красныхъ розъ, травы, и даже вѣтокъ—мы рвали въ темнотѣ. И я рвалъ. И они, эти испуганныя и торжествующія дѣти, они больше не уважали меня—они уважали только его. Ну... ты не слушаешь меня.

Анфиса. Федоръ, скажи: ты уже больше не любишь меня?

Федоръ Ивановичъ. Ахъ, Анфиса. (Вздыхаетъ и садится). Ну, люблю. Ну, что случилось, говори. Только лучше бы... не надо, Анфиса.

Анфиса. Ты помнишь, Федоръ, что ты обѣщалъ, когда я отдавалась тебѣ? Что больше ты не будешь близокъ съ женой—ты помнишь?

Федоръ Ивановичъ утвердительно киваетъ головой.

Анфиса. Я рада. Значить, это неправда, что третьяго дня ночью ты былъ у нея?

Федоръ Ивановичъ (медленно) Нѣтъ, правда. Былъ.

Анфиса (хватаясь за шею). Да, былъ? А я думала, что она солгала... Значитъ, правда: былъ. Кто же я теперь, Федоръ? Ты назвалъ меня женой—жена или любовница?

Федоръ Ивановичъ. Зачѣмъ такъ рѣзко? Я этого не говорю.

Анфиса. Не говоришь? И ты знаешь, какъ они относятся ко мнѣ—всѣ, всѣ, эта добрая Саша, эта чистая дѣвочка, которой ты хотѣлъ навѣять золотые сны? Меня травятъ, меня преслѣдуютъ на каждомъ шагу, меня грызутъ, какъ собаку, забѣжавшую на чужой дворъ. Нянька не пускаетъ меня въ дѣтскую, меня презираетъ Катя, твой кучеръ Еремѣй фамильярничаетъ со мной... а я? Верчусь, улыбаюсь, глотаю отравленный, оплеванный хлѣбъ—ты видѣлъ, какъ Саша подаетъ мнѣ тарелку за обѣдомъ.

Федоръ Ивановичъ (холодно). Да, видѣлъ. И... удивлялся.

Анфиса. Чему?

Федоръ Ивановичъ. Что ты не возьмешь эту тарелку и не бросишь въ голову Сашѣ.

Анфиса. Ты этого хочешь? Да? Говори, ты этого хочешь?

Федоръ Ивановичъ. Тише. Я знаю только одно, что ты этого—не можешь. И нельзя ли, пожалуйста, Анфиса, безъ крика и вообще безъ этихъ... супружескихъ сценъ. (Мягко). Я прошу тебя, Анфиса. Я сегодня усталъ и кромѣ того. (Сдержанно, волнуясь). Одинъ негодяй оскорбилъ меня. Конечно, это пустяки...

Анфиса. Да, я знаю. Ставровскій. И онъ былъ правъ.

Федоръ Ивановичъ (угрожающе, но все еще сдержанно) Анфиса. Я прошу тебя...

Анфиса. Да, да, онъ былъ правъ. И вѣроятно это было очень красиво, когда ты поклонился, а онъ...

Федоръ Ивановичъ (поднимаясь). Я ухожу.

Анфиса (кричитъ). Нѣтъ, нѣтъ.

Федоръ Ивановичъ. Чего ты хочешь? Ты сама не понимаешь, что ты говоришь. Онъ былъ правъ. Господа, которые просто завидуютъ мнѣ, господа, которые не могутъ переварить того, что я зарабатываю десятки дысячъ, что публика устраиваетъ мнѣ оваціи...

Анфиса (почти невольно). Тебѣ кричали—вонъ!

Федоръ Ивановичъ (медленно). Да? Спокойной ночи, Анфиса.

Анфиса. Федя. Я не буду, постой. Не уходи. Я не знаю, что я говорю. Но я такъ несчастна, такъ несчастна, Господи, что вы всѣ дѣлаете со мной?

Федоръ Ивановичъ. Мнѣ... надоѣло это. Чего ты хочешь, Анфиса? Ты хочешь правды, да?

Анфиса. Да... если только ты можешь... сказать правду.

Федоръ Ивановичъ. Если только могу? (Грубо). Ну такъ ты мнѣ—не нужна. Понимаешь, просто не нужна.

Анфиса (блѣднѣя). Такъ говорятъ только прислугѣ.

Федоръ Ивановичъ. Ахъ, оставь эти жалкія слова! Вообще, зачѣмъ ты лжешь? Зачѣмъ ты солгала мнѣ про свою гордость—ты вовсе не горда. Зачѣмъ ты солгала мнѣ про какую-то недоступность—ты доступна, какъ и всѣ. Помню, какъ я бѣгалъ по саду, по колѣна въ снѣгу, безъ шапки и звалъ тебя, а ты сидѣла тамъ, въ углу, съ этимъ ничтожествомъ. Какъ еще тогда я не понялъ тебя.

Анфиса. Федоръ, ты раскаешься въ томъ, что говоришь.

Федоръ Ивановичъ (смѣется). Любовница!.. Ну да, любовница. Я хотѣлъ, чтобы ты стала женою,

а ты сумѣла стать только любовницей.. какъ всѣ эти Саши, Лизы...

Анфиса. Такъ. Только любовницей? Что же мнѣ было дѣлать, скажи.

Федоръ Ивановичъ. Не знаю.

Анфиса. Нѣтъ, ты скажи! Ты не прячься! Что же мнѣ было дѣлать, ну, говори!

Федоръ Ивановичъ. Почемъ я знаю, что должна дѣлать женщина, которую я люблю? Этому не учатъ.

Анфиса. Нѣтъ, скажи! Ты теперь не имѣешь права молчать. Что я не бросила въ голову тарелкой этой несчастной, беременной женщинѣ, да? Что изъ любви къ тебѣ я унижалась, терпѣла плевки, разучилась краснѣть, ненавидѣла себя, да? Что я вѣрила въ твое благородство, въ твое пониманіе, въ твою мужскую силу, въ твою честность...

Федоръ Ивановичъ. Постой А зачѣмъ... а зачѣмъ ты солгала мнѣ про этого офицера въ Смоленскѣ? Ты говорила, что не было ничего...

Анфиса (глухо). То былъ мой позоръ. То была ошибка, за которую я наказана.

Федоръ Ивановичъ (насмѣшливо). И ты боялась, что я не пойму ошибки? И это ты называешь— вѣрила въ меня? Ахъ, Анфиса, зачѣмъ ты лжешь? Этотъ офицеръ бросилъ тебя?

Анфиса. Нѣтъ. Но онъ оскорбилъ меня.

Федоръ Ивановичъ (медленно). Зачѣмъ же ты не убила его, Анфиса? Ты должна была его убить. Зачѣмъ же тогда (съ презрѣніемъ поднимаетъ руку Анфисы, на которой перстень и снова бросаетъ ее) ты носишь это?

Анфиса. Тогда я еще не носила.

Федоръ Ивановичъ смѣется.

Анфиса (съ удареніемъ). Тогда я еще не носила этого.

Федоръ Ивановичъ. А теперь носишь? Не страшно, Анфиса.

Анфиса. Ты смѣешься?

Федоръ Ивановичъ. Смѣюсь. Уѣзжай, Анфиса.

Анфиса. Ты... ты просто—негодяй.

Плачетъ, закрывъ лицо руками. Молчаніе.

Федоръ Ивановичъ. Скажите это при всѣхъ, Анфиса Павловна, и я вамъ—повѣрю... Уѣзжайте.

Анфиса (сдерживая слезы). Я не уѣду.

Федоръ Ивановичъ. Да? Останетесь?

Анфиса. Да. Останусь. Вы сказали: когда Саша родитъ, я уѣду съ тобой. Вы были гуманны, вы не хотѣли тревожить вашей беременной жены...

Федоръ Ивановичъ (гнѣвно). Опять ложь! Это вы твердили о ея беременности, это вы требовали прятокъ, темноты...

Анфиса. (съ притворной кротостью). Вы можете меня ударить. Вѣдь вы—сильнѣе.

Федоръ Ивановичъ. Молчать!

Анфиса. Тише, васъ услышитъ беременная жена

Федоръ Ивановичъ (тяжело дыша). Будетъ. Оставайтесь, если хотите. Я иду спать. (Встаетъ).

Анфиса (еще не вѣря, что онъ уходитъ). Побудьте со мной еще одну минуту.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ.

Анфиса (пугаясь). Одну только минуту. Я еще не все сказала. Одну только минуту.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ.

Анфиса. Пожалѣй меня. Ахъ, Боже мой, ей ты хотѣлъ навѣять золотые сны, неужели меня... меня... такую, ты оставишь одну. Прости меня.

Федоръ Ивановичъ. Ложь!

Анфиса. Федя, пожалѣй меня. Одну минуту... минуточку...

Федоръ Ивановичъ (идетъ). Ложь!

Анфиса (въ изступленіи) Федоръ, если ты уйдешь, я сейчасъ убью тебя.

Федоръ Ивановичъ. Этимъ ядомъ, что на пальцѣ? Ложь, ложь, ложь.

Идетъ не оглядываясь, къ двери. Анфиса слѣдуетъ за нимъ, тянется къ нему руками, но не смѣетъ коснуться.

Анфиса. Федя... Федоръ... Это безбожно!. Пожалѣй меня... я умираю. Федя, неужели ты оставишь меня?

Федоръ Ивановичъ молча открываетъ двери кабинета, молча отстраняетъ отъ себя Анфису и уходитъ. Щелкаетъ ключъ.

Анфиса (падая на колѣни передъ глухою дверью). Федя, Федя, пожалѣй ты меня. Этого не можетъ быть. (Тихонько стучитъ пальцемъ въ дверь). Федя, Федоръ Ивановичъ, пустите. Вы не слышите? Федя. Ай, я боюсь! Ай, я одна! Мнѣ же некуда пойти, Федя. Мнѣ же некуда пойти. Пожалѣй же ты меня...

Въ слезахъ падаетъ на полъ.

Занавѣсъ.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Вечеръ. Крестины. На сценѣ столовая Костомаровыхъ. Идутъ послѣднія приготовленія къ ужину, который будетъ тотчасъ послѣ того, какъ совершится обрядъ. Около стола хлопочутъ горничная Катя и для этого вечера приглашенный лакей, грязноватый человѣкъ съ небритой физіономіей. Самыя крестины происходятъ въ дѣтской, за комнату отъ столовой; и оттуда доносится говоръ многихъ голосовъ, изрѣдка смѣхъ.

Въ комнатахъ очень свѣтло и какъ будто весело.

При открытіи занавѣса въ столовой только двое: Федоръ Ивановичъ, который сосредоточенно шагаетъ по комнатѣ, заложивъ руки подъ фалды фрака, и Татариновъ. Послѣдній стоитъ въ угрюмо-укоризненной, но въ то же время нѣсколько просительной позѣ, и медленно ворочаетъ головой въ направленіи шагающаго, повидимому, неслушающаго Федора Ивановича. Оба адвоката во фракахъ со значками.

Татариновъ. Федя, я увѣряю тебя, что ты не имѣешь права такъ относиться къ своему здоровью. Ты слышишь?

Федоръ Ивановичъ. Слышу.

Татариновъ. А главное къ своему таланту, который начинаетъ блекнуть и терять краски, Федя.

Федоръ Ивановичъ. Ты это видишь?

Татариновъ. И не только я, но и другіе видятъ, Федоръ, послушай меня. Ну, если бы ты былъ прирожденнымъ алкоголикомъ, какъ этотъ... Розенталь, я оставилъ бы тебя въ покоѣ: пей и погибай! Но вѣдь ты здоровѣйшій человѣкъ, и весь твой родъ...

Федоръ Ивановичъ. Надоѣло. Оставь! И я вовсе не пью такъ много, чтобы стоило изъ-за этого поднимать шумъ. Какъ все это нелѣпо!

Татариновъ (угрюмо). Играешь въ карты.

Федоръ Ивановичъ. Да, играю. Здѣсь можешь и не безпокоиться: я всегда выигриваю.

Татариновъ. Что же хорошаго? Ты выигрываешь, значитъ кто-нибудь проигрываетъ. Ты, можетъ быть, думаешь, что все это геройство, а по моему — только безхарактерность. Хотя бы эта печальнѣйшая исторія со Ставровскимъ...

Федоръ Ивановичъ. Тебѣ не нравится?

Татариновъ (морщась). Ахъ, Федоръ Ивановичъ, Федоръ Ивановичъ! Вѣдь ты же не думаешь того, что говоришь! И я вообще не понимаю, какъ ты, Федоръ Ивановичъ, съ твоимъ высокимъ понятіемъ о личности, съ твоимъ, наконецъ, огромнымъ талантомъ, могъ опуститься до того, чтобы ударить человѣка...

Федоръ Ивановичъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ поступитъ Ставровскій.

Татариновъ. Ну, и что же?

Федоръ Ивановичъ (пожимая плечами). Ничего.

Татариновъ. А по моему онъ былъ совершенно правъ, что прибѣгъ къ защитѣ закона, а не кулаковъ. Мы, какъ носители...

Федоръ Ивановичъ. Который часъ? Надоѣло, Иванъ Петровичъ, оставь. Сто разъ слышалъ!

Татариновъ. А вотъ тебя исключатъ!

Федоръ Ивановичъ. И это слышалъ.

Татариновъ. Федя, подумай о женѣ.

Александра Павловна, нѣсколько разъ выглядывавшая изъ двери и слушавшая разговоръ, предостерегающе указываетъ Татаринову на мужа, проситъ, чтобы замолчалъ. Боится.

Федоръ Ивановичъ (останавливаясь). Ну? Что еще тамъ про жену?

Татариновъ. Да, такъ, ничего. Ну, знаешь, какъ по обыкновенію...

Федоръ Ивановичъ (морщась). Ахъ, и надоѣлъ же ты мнѣ! И почему я до сихъ поръ тебя терплю, не понимаю. Такъ, за одно ужъ должно быть съ остальнымъ.

Алекс. Павлов. (умышленно громко). Катя. — Сколько же тутъ приборовъ, ты сосчитай. Ты считать умѣешь?

Подходитъ къ мужу и кладетъ ему руку на плечо. Тотъ недовольно останавливается. Александра Павловна еще не совсѣмъ поправилась послѣ родовъ, похудѣла, улыбается томною, нѣсколько жалкою улыбкой.

Федоръ Ивановичъ. Ну, что ты? Скоро тамъ?

Алекс. Павлов. Такъ, немного приласкаться захотѣлось... устала. Да, вообрази, какая исторія, Федя: забыли подогрѣть воду, попробовала я рукой — она, какъ ледъ. Прямо заморозить хотѣли ребенка.

Татариновъ. Надо подлить кипятку.

Алекс. Павлов. Подливаютъ! Да развѣ скоро ее нагрѣешь: купель такая, что взрослый утонуть можетъ. А священникъ уже пріѣхалъ, ждетъ, такъ неловко. Вы же никуда далеко не уходите, Иванъ Петровичъ... А ребенка вы не уроните.

Татариновъ. Постараюсь. (Въ недоумѣніи ка-

чаетъ головой). Вотъ странно: членъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, и вдругъ какой-то кумъ — это все ваши прихоти, Александра Павловна.

Алекс. Павлов. Молчите, молчите (робко). Федичка, а ты не пойдешь туда?

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ. Не люблю. Я уже говорилъ.

Алекс. Павлов. Ну, пожалуйста, ну, голубчикъ! Я прошу тебя. Вѣдь это нѣсколько минутъ, ты хоть въ дверяхъ постой.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, нѣтъ. Да не огорчайся же ты, пожалуйста! Вѣдь это же невозможно, изъ-за каждаго пустяка слезы, истерики.

Алекс. Павлов. (улыбаясь сквозь слезы). Да я ничего, что ты? И какія у меня истерики, что ты говоришь?—это я то истеричка! Иванъ Петровичъ, послушайте... а вы танцевать будете? Куму необходимо танцевать.

Быстро входитъ Розенталь.

Розенталь. Александра Павловна, зовутъ!

Алек. Павлов. Ахъ, Боже мой, сейчасъ, сейчасъ! Не скучай тутъ, Федя, пусть Розенталь побудетъ съ тобой.

Уходитъ, въ дверяхъ встрѣчается съ Анфисой. Очень осторожно обходитъ ее, подбирая платье такъ, чтобы не коснуться.

Анфиса. Дайте мнѣ воды, Катя.

Катя. Сами возьмите. Вонъ стоитъ.

Розенталь (очень вѣжливо). Васъ также ждутъ, господинъ Татариновъ.

Татариновъ (строго смотритъ на него и проходитъ). Помни же, Федя.

Федоръ Ивановичъ. Анфиса, ты куда — посиди съ нами.

Розенталь. Вѣрно, Анфиса Павловна, посидите ка лучше съ нами. Кстати, мнѣ нужно устроить нѣкоторый консиліумъ.

Анфиса (улыбаясь). Вы больны?

Розенталь. Опасно. Денегъ нѣтъ.

Всѣ трое садятся на большой турецкій диванъ. Анфиса отодвигается нѣсколько къ краю.

Розенталь. Ты, Федоръ Ивановичъ, какъ психологъ, вы же, Анфиса Павловна, просто какъ умнѣйшая женщина—помогите мнѣ вашимъ компетентнымъ совѣтомъ. (Смотритъ на лакея, внезапно). Постой, что это за рожа? (Вскакиваетъ и подходитъ къ лакею). Алексѣй?

Федоръ Ивановичъ (тихо). Анфиса.

Анфиса не отвѣчаетъ.

Лакей. Такъ точно, Алексѣй.

Розенталь. Изъ Шато флери? Давно ушелъ?

Лакей. Такъ точно-съ, два года.

Розенталь. Съ тѣхъ поръ не брился? Но какая память, чортъ возьми. (Радостно). Федя, ты узналъ эту рожу? Вѣдь это Алексѣй, изъ Шато флери. Помнишь?

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ.

Розенталь. Должно быть проперли за пьянство, и фракъ у него на прокатъ. Погоди, о чемъ я началъ говорить, забылъ?.

Федоръ Ивановичъ. Послушай, Андрей Ивановичъ, будь другъ, принеси мнѣ папиросы изъ кабинета. Кажется, на столѣ оставилъ портсигаръ, а если нѣтъ, то посмотри въ шкафу.

Розенталь. Знаю. Эхъ, и до чего же тебѣ нужно побриться, Алексѣй.

Уходитъ. Катя возится у стола и искоса поглядываетъ на тихо разговаривающихъ Федора Ивановича и Анифису.

Федоръ Ивановичъ. Отчего ты такъ смотришь на меня, Анфиса? Мнѣ больно отъ твоего взгляда.

Анфиса. А какъ же мнѣ иначе смотрѣть? Научи.

Федоръ Ивановичъ. У меня тоска, Анфиса.

Анфиса (равнодушно). Да?

Федоръ Ивановичъ. Ты не хочешь говорить со мной? Это нехорошо—почему ты такъ измѣнилась, Анфиса? Мнѣ больно, у меня тоска, а ты оставляешь меня.

Анфиса. Я почти не вижу тебя. Ты совсѣмъ не бываешь дома.

Федоръ Ивановичъ. У меня много работы сейчасъ, ну и... Ты больше не любишь меня, Анфиса?

Анфиса (улыбаясь) А ты?

Федоръ Ивановичъ. Со мной дѣлается что то странное. У меня уши точно заложены ватой... говорятъ, а я ничего не слышу. Что-то кривое забралось въ мою жизнь. Третьяго дня за пощечину Ставровскому меня исключили изъ членовъ клуба. А скоро исключатъ, должно быть, изъ сословія. Въ карты играю, пью.

Анфиса. Напрасно.

Федоръ Ивановичъ (морщась). А тутъ этотъ Татариновъ... Ахъ, нѣтъ ничего хуже порядочныхъ людей! Ходитъ вокругъ меня и со всѣхъ сторонъ копопатитъ, какъ дырявый домъ, только и слышно, какъ деревянной колотушкой постукиваетъ.. Ты улыбаешься, напрасно. Въ томъ, что я говорю, смѣшного нѣтъ.

Анфиса. Мелко это, Федоръ Ивановичъ... и мучительно.

Федоръ Ивановичъ. Мелко? Прежде вы иначе думали, Анфиса Павловна. И зачѣмъ громкія слова? Скажи просто: злюсь, потому что люблю, а онъ не любитъ. (Смѣется, потягивается и громко говоритъ). Ахъ, уѣхать бы отсюда.

Анфиса (улыбаясь). Со мной?

Федоръ Ивановичъ (удивленно). Какъ съ тобой?

Анфиса. Да. Вѣдь я жду.

Федоръ Ивановичъ. Ахъ да! (Улыбается). Все еще ждешь? Представь себѣ, я и забылъ. Неужели ты это серіозно—и такъ таки и ждешь?

Анфиса. Жду.

Федоръ Ивановичъ. И думаешь, что я съ тобой поѣду? Куда же это, въ Америку, на Сандвичевы острова?

Анфиса. Можетъ быть и поѣдешь.

Федоръ Ивановичъ (грубо). Нѣтъ. Никуда я съ тобой, Анфиса, не поѣду. (Смѣется). Впрочемъ, подожди еще годъ—можетъ быть тогда и поѣду.

Анфиса (также смѣясь). Что жъ, я бы и подождала. Но вѣдь—обманешь!

Молчаніе.

Федоръ Ивановичъ (раздраженно). Катя, перестаньте гремѣть посудой. И вообще, ступайте отсюда.

Катя уходитъ.

Федоръ Ивановичъ. Опять улыбаешься. Не нравится мнѣ твоя улыбка—какую еще ложь приготовила ты, Анфиса? Ну-ка, взгляни на меня! Глаза у тебя правдивѣе, чѣмъ ротъ. (Смотритъ и слегка отодвигается назадъ). Такъ, такъ! Ахъ сколько въ нихъ ярости! И страданія. Ярости и страданія. Какое странное сочетаніе... Постой!

Схватываетъ руку Анфисы и наклоняется близко, почти къ самымъ глазамъ.

Анфиса (стараясь вырвать руку). Пусти.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ!.. Я вспомнилъ, это было въ лѣсу. Я придавилъ камнемъ змѣю, маленькую

ядовитую змѣйку. Не знаю зачѣмъ, изъ какого-то страннаго любопытства я легъ на землю и приблизилъ свои глаза къ ея глазамъ... Вотъ такъ.

Анфиса. Пусти.

Федоръ Ивановичъ (удерживаетъ). Вотъ такъ. И смотрѣлъ, и говорилъ съ нею, а она мнѣ отвѣчала. Я, кажется, переломилъ ей спинной хребетъ.

Анфиса. Спинной хребетъ.

Федоръ Ивановичъ. Да, да. Спинной хребетъ. И она умирала... какъ ты. И она хотѣла ужалить меня, но не могла... какъ ты. А я шутилъ съ нею: посмотри, какъ хорошо въ лѣсу, какъ голубѣетъ небо, какъ камни горячи. Посмотри, какъ я близко къ тебѣ, поцѣлуй меня ядомъ устъ твоихъ—не можешь? (Нѣжно). Ты умираешь, Анфиса?

Анфиса (съ трудомъ). Нѣтъ.

Федоръ Ивановичъ. У тебя переломлена спина. Ты умираешь? Въ сѣрый туманъ уходятъ твои глаза... ты умираешь?

Анфиса (выгибая шею). Разбей мнѣ голову. Я умираю.

Федоръ Ивановичъ (слѣдуя своими глазами за ея, тихо и нѣжно). Нѣтъ. Ты ненавидишь меня, Анфиса? Въ твоихъ глазахъ загораются огни: зеленый, красный... и еще желтый... это безуміе, Анфиса? Ты умираешь, да? Тебѣ очень больно, скажи!!

Крѣпко сжимаетъ руку Анфисы, и та вскакиваетъ отъ боли. Федоръ Ивановичъ слегка отталкиваетъ ее и смѣется. Входящему Розенталю.

Федоръ Ивановичъ. Послушай, Розенталь. Я уговорилъ Анфису Павловну остаться у насъ еще на годъ? Ты радъ.

Розенталь. Очень радъ. Только не перебивай меня, а то опять забуду. Да, портсигара тамъ нѣтъ, и папиросъ въ шкафу нѣтъ...

Федоръ Ивановичъ. Портсигаръ у меня.

Розенталь. Понимаю, просто продожалъ дѣло при закрытыхъ дверяхъ. Но погоди, не сбивай. (Садится и беретъ за руки Федора Ивановича и Анфису). Вотъ что, друзья мои—какія у васъ холодныя руки—я погибаю! Понимаешь: увѣчныя дѣла, довѣрительскія деньги...

Федоръ Ивановичъ. Скверно! Быть тебѣ, Розенталь, въ острогѣ.

Розенталь (радостно). Ага! Я и говорю, что погибаю. И вотъ что я придумалъ въ мои безсонныя ночи...

Федоръ Ивановичъ. Возьми у меня. Сколько, рублей триста?

Розенталь. Двѣсти. Нѣтъ. Никогда. Я беру взаймы только у враговъ. И вотъ вы понимаете, друзья мои, понимаете теперь эту блестящую мысль, которая лучезарнымъ свѣтомъ озарила мои безсонныя ночи. Кому я злѣйшій врагъ, кто ненавидитъ меня до родовыхъ схватокъ въ желудкѣ?—Татариновъ. Ergo—у кого я долженъ взять взаймы?—у Татаринова. Во первыхъ—какъ врагъ онъ долженъ быть великодушенъ, и именно по человѣчески, съ открытой душою, я обращаюсь къ его великодушію, во вторыхъ: у этой вегетеріанской жилы въ банкѣ на текущемъ счету... ты знаешь, по ночамъ онъ воруетъ огурцы у сосѣдей... Батюшки, кончили, идутъ. (Тревожно). Федя, какъ ты думаешь, голубчикъ, дастъ онъ?

Входятъ Александра Павловна, Ниночка, гимназистъ Петя, какой-то молоденькій адвокатъ, по виду помощникъ, и Татариновъ.

Послѣдній широко и смущенно улыбается.

Алекс. Павлов. Федя, Федя, поди, голубчикъ, на минуту! Батюшка уѣзжаетъ—нужно проститься. Какъ Алечка плакала, она совсѣмъ захлебнулась. А-а, ты здѣсь, Анфиса? О тебѣ все папаша справлялся.

Федоръ Ивановичъ (весело уходя). Ну, идемъ, идемъ! Татариновъ, да не сіяй ты такъ нестерпимо!

Анфиса медленно выходитъ. Ниночка провожаетъ ее холоднымъ и строгимъ взглядомъ.

Розенталь (вслѣдъ Анфисѣ). Шарлота Кор-р-де!

Ниночка (громко). Она была—убійцей?

Татариновъ (улыбаясь). Какъ это я, право? Ужасно странное ощущеніе.

Ниночка. Но вы понимаете, что вы теперь мой кумъ, что вы уже никогда не можете на мнѣ жениться...

Татариновъ (все такъ же улыбаясь). Да я и не собирался... Нѣтъ, дѣйствительно, ужасно странное ощущеніе: оно такое маленькое.

Петя. Вы держались молодцомъ, Иванъ Петровичъ.

Адвокатъ. Нужно отдать справедливость: вы съ честью вышли изъ крайне затруднительнаго положенія. Когда вы хотѣли взять младенца за ноги, я дѣйствительно нѣсколько испугался.

Татариновъ. Ну вотъ, я и ногъ у него не видалъ.

Розенталь (скромно). Это было обходное движеніе.

Адвокатъ. Когда же, какъ прирожденный жонглеръ, вы съ невѣроятной ловкостью обернули младенца вокругъ пальца, достали его откуда-то изъ жилетнаго кармана.

Ниночка (хохочетъ). Но вѣдь, правда: онъ чуть не уронилъ его.

Розенталь (серіозно). Господа, господа, здѣсь рѣшительно не надъ чѣмъ смѣяться. Господинъ Татариновъ, могу ли я просить васъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ для короткаго... профессіональнаго разговора?

Татариновъ (все еще улыбаясь, но строго). Къ вашимъ услугамъ.

Отходятъ въ сторону.

Розенталь. Господинъ Татариновъ, я знаю, что вы мой врагъ и ненавидите меня до... крайности. И я знаю, что другой на вашемъ мѣстѣ, менѣе дорожащій интересами гуманности, не обладающій, такъ сказать, широтою взгляда—тотъ просто послалъ бы меня къ чорту. Но ваше великодушіе, именно, какъ врага, обязываетъ васъ, такъ сказать... Не дадите ли вы мнѣ двѣсти двадцать пять рублей ровно на двѣ недѣли? Раньше я, къ сожалѣнію, не могу.... Сегодня у насъ пятница....

Татариновъ. Четвергъ.

Розенталь. Конечно четвергъ. Такъ вотъ....

Татариновъ. Нѣтъ.

Розенталь (съ крайнимъ удивленіемъ). Но почему же?

Входятъ старики Аносовы и двое трое гостей.

Аносовъ. Ну, слава тебѣ, Господи. И перекрестили и проводили, и никого не обидѣли. Кумъ-то гдѣ же?... Ну и кумъ.

Розенталь. Но почему же?

Татариновъ. Нѣтъ.

Розенталь. Вотъ странно... а я думалъ, ей Богу думалъ, что дадите.

Татариновъ. Нѣтъ.

Аносовъ (подходитъ и треплетъ Татаринова по плечу, отчего у послѣдняго вновь появляется широкая улыбка). Ну, куманекъ дорогой—выпьемъ за новорожденнаго. Только въ другой разъ не хватай ты такъ новорожденнаго, будто голодная собака кость. Дѣло его маленькое и бери ты его спрохвала.

Въ столовую входятъ послѣдніе гости, приглашенные на крестины—всего гостей помимо родственниковъ

человѣкъ десять—и съ ними Федоръ Ивановичъ, очень возбужденный. Онъ часто и очень громко смѣется; потомъ замолкаетъ и молчитъ глубоко, пока чья-нибудь шутка или вопросъ снова не вызоветъ въ немъ припадка неестественной и даже злобной веселости.

Федоръ Ивановичъ. Господа, прошу за столъ! Впрочемъ, одну минуту терпѣнія, я и позабылъ: хозяйка извиняется—она кормитъ дѣвочку и сейчасъ придетъ. Розенталь—выпьемъ мы съ тобой сегодня или нѣтъ, какъ ты думаешь?

Розенталь (мрачно). Я думаю, что выпьемъ. (Тихо). Наотрѣзъ отказалъ, подлецъ. Ну, и враги у меня.

Федоръ Ивановичъ. Гдѣ Ниночка? Я хочу сидѣть съ нею. Отказалъ, ты говоришь? (Внимательно смотритъ на Розенталя). А знаешь, голубчикъ, я только сейчасъ почувствовалъ это: ты напрасно безпокоишься —къ тебѣ необычайно пойдетъ арестантскій халатъ.

Розенталь (обиженно). Ну, вотъ еще—какія глупости!

Федоръ Ивановичъ (злобно настаивая). Нѣтъ, серіозно. (Поварачиваетъ его и смѣется). Удивительно пойдетъ, какъ я раньше этого не замѣтилъ. Иванъ Петровичъ, знаешь, какое открытіе я совершилъ: къ Розенталю удивительно идетъ....

Розенталь (громко). Федоръ Ивановичъ, послушай. (Умоляя). Ну, зачѣмъ ты кричишь? Ты это говоришь по дружбѣ, а они могутъ воспользоваться въ своихъ интересахъ. Ты знаешь, сколько у меня враговъ....

Татариновъ (подходя). Ты звалъ меня, Федоръ Ивановичъ?

Федоръ Ивановичъ (удивленно вглядывается въ него и вдругъ хохочетъ). Но это же изумительно, голубчикъ ты мой, Иванъ Петровичъ, вѣдь если тебя

одѣть въ этотъ костюмъ, такъ ей Богу будетъ казаться, что ты такъ въ немъ и родился.

Татариновъ. Какой костюмъ? Я и въ этомъ себя достаточно хорошо чувствую, а вотъ какъ ты, Федоръ, не знаю.

Розенталь (удовлетворенно). Ловко! Это, братъ Федоръ Ивановичъ, намекъ, что значекъ-то у тебя... держится не крѣпко!

Въ дверяхъ движеніе. Ниночка и Анфиса, поддерживая съ двухъ сторонъ подъ руки, ведутъ бабушку. Старуха одѣта парадно; идетъ очень медленно, но въ слабость ея почему-то не вѣрится, какъ и въ ея глухоту.

Федоръ Ивановичъ (испуганно). Что это? Зачѣмъ это? Зачѣмъ ее привели?

Веселые голоса. А бабушка! Смотрите—бабушка! Боже мой, до чего же она стара!

Аносовъ. Вотъ такъ удивила старушка! А видъ имѣла такой, будто на вѣки вѣчные къ креслу привинчена.

Федоръ Ивановичъ. Зачѣмъ ее привели? Что это за нелѣпость? Ниночка, поди сюда.

Ниночка. Сейчасъ, дядя.

Старушку усаживаютъ на почетное мѣсто на концѣ стола. Мѣста за столомъ еще не заняты, и старуха нѣкоторое время сидитъ одна; и на мгновеніе кажется, что всѣ, кого она знала, кого любила, ненавидѣла и пережила, безшумно занимаютъ пустыя мѣста и вступаютъ съ ней въ бесѣду.

Ниночка (подходя). Ты что, дядя Федя? (Съ безпокойствомъ). Отчего ты такой хмурый: тебѣ нездоровится?

Федоръ Ивановичъ. Зачѣмъ вы привели ее сюда? Я же говорилъ, чтобы ее никуда не смѣли пускать изъ ея комнаты!

Ниночка (удивленно). Ты про бабушку? Ну что ты, дядя Федя, ты никогда этого не говорилъ.

Федоръ Ивановичъ. А Анфиса?

Ниночка. Что Анфиса? Анфиса и сказала, что бабушку нужно привести сюда, что это необходимо. И Саша тоже сказала—я тебя не понимаю.

Федоръ Ивановичъ (насмѣшливо). А ты?

Ниночка (робко). За что ты сердишься, дядя Федя? Вѣдь и на Вѣрочкиныхъ крестинахъ бабушка тоже приходила и сидѣла съ нами цѣлый вечеръ.

Федоръ Ивановичъ (недовѣрчиво). Развѣ? Можетъ быть. Я и позабылъ. А все таки, Нина, отъ тебя этого я не ожидалъ. Впрочемъ... (Смѣется). Господа, за столъ. Хозяйка сейчасъ прійдетъ. И нельзя же старушку оставлять одну среди пустыхъ стульевъ, на которыхъ можетъ усѣсться.... чортъ знаетъ кто. Скорѣе занимайте мѣста. Нина, ты со мною сядешь. (Тревожно заглядывая ей въ глаза). Ты мой другъ, Нина?

Ниночка (пугаясь и почти плача). Что съ тобой? Конечно, я твой другъ.

Федоръ Ивановичъ.—Вздоръ!—У меня нѣтъ друзей!—Папаша, пожалуйте, что же вы? Татариновъ, ты со мною!

Розенталь. А я съ вами, Анфиса Павловна. Вашу руку. Вы слыхали: отказалъ, подлецъ, наотрѣзъ. Что это вы такая мрачная?

Анфиса (улыбаясь). Нѣтъ, я веселая.

Розенталь. Ну и слава Богу. Федька золъ, какъ чортъ, и я....

Всѣ весело разсаживаются. Анфиса съ Розенталемъ садится почти напротивъ Федора Ивановича.

Шумъ. Входитъ Александра Павловна. Ее радостно привѣтствуютъ, пьютъ за ея здоровье.

Федоръ Ивановичъ. А мы опять съ тобой, Анфиса. Ты снова улыбаешся?

Анфиса. Да, опять съ тобой. Я люблю смотрѣть на тебя, когда ты веселъ... какъ сегодня.

Федоръ Ивановичъ. Это ты привела старуху?

Взрывъ смѣха покрываетъ его дальнѣйшія слова.

Розенталь (лакею). Алексѣй, помнишь Шато Флери?

Лакей. Какъ же-съ?

Розенталь. Помнишь, какъ мы тамъ... а?

Татариновъ. Александра Павловна, надо мною всѣ смѣются. Это ваша вина.

Алекс. Павлов. (улыбаясь слабо). Вы были очаровательны.

Аносовъ. А это не порядокъ, дочка: тебѣ нынче слѣдовало бы рядомъ съ мужемъ посидѣть Конечно, дѣло твое хозяйское...

Алекс. Павлов. Тамъ занято.

Татариновъ и Ниночка дѣлаютъ нерѣшительныя попытки уступить ей свое мѣсто.

Федоръ Ивановичъ. Ни съ мѣста. Ей и тамъ хорошо,—вѣрно, Саша? Анфиса, твое здоровье. Господа! Позвольте вамъ предложить выпить за здоровье моего лучшаго и самаго вѣрнаго друга... Анфисы Павловны.

Всѣ пьютъ, чокаются съ Анфисой, но съ нѣкоторымъ холодомъ и недовѣріемъ. Анфиса очень серіозно поднимаетъ бокалъ, и только разъ слегка улыбается—это когда Ниночка рѣзко съ нескрываемой враждой отдергиваетъ свою рюмку. Федоръ Ивановичъ замѣчаетъ это, пренебрежительно треплетъ Ниночку по плечу, смѣется.

Татариновъ. Хотя я съ удовольствіемъ выпилъ за здоровье Анфисы Павловны, которую высоко цѣню и уважаю, но я хотѣлъ бы предложить болѣе соотвѣтствующій случаю тостъ. Господа!..

Розенталь. Федя, Федоръ Ивановичъ, что же это такое? Я еще и рюмки, какъ слѣдуетъ, не выпилъ, а господинъ Татариновъ уже затягиваетъ рѣчь. Конечно, когда краснорѣчіе рвется наружу...

Федоръ Ивановичъ. Вѣрно. Потерпи немного, Иванъ Петровичъ, и собери силы. Ты что это, содовую пьешь? Знаешь, въ этомъ есть что-то такое отвратительное, что лучше бы ты пилъ человѣческую кровь.

Татариновъ. Скажи, пожалуйста, какой... Неронъ.

Смѣхъ.

Петя (слегка выпившій). Какой великій артистъ погибаетъ.

Розенталь (съ пафосомъ). Федя, нужно уважать чужія убѣжденія. Господинъ Татариновъ—вегетеріанецъ. (Нагло хохочетъ).

Петя. Вегетеріанство—лицемѣріе! За ваше здоровье, Нина Павловна!

Татариновъ (возмущенно). Федоръ Ивановичъ, если вы не уважаете законовъ гостепріимства, то...

Федоръ Ивановичъ (брезгливо). Оставь! Я же знаю, что ты мученикъ, и постоянно страдаешь разстройствомъ желудка, но убѣжденій не продаешь.

Розенталь. Вотъ еще! Да я и копейки не дамъ за такія убѣжденія. Куда ихъ потомъ дѣвать, ихъ моль съѣстъ.

Федоръ Ивановичъ. Береги носовой платокъ, Анфиса. Розенталь, правда, что на твоихъ платкахъ разныя мѣтки?

Анфиса (презрительно). Не обращайте вниманія, Андрей Ивановичъ, это—шутка.

Розенталь. И очень глупая. Ваше здоровье!

Аносова. А ты ужъ третью рюмку пьешь, старикъ. Эко, разгулялся!

Аносовъ. И четвертую выпью. Феденька, слы-

шишь, а мы съ тобой поравнялись теперь: у меня три дочки и у тебя три. Скажи, какая...

Розенталь. Игра природы!

Аносовъ. Ну, игра не игра, на все Божья воля, господинъ Розенталь. Только вотъ въ чемъ теперь недоумѣніе: какія дочери будутъ лучше—твои или мои?

Федоръ Ивановичъ (съ явной насмѣшкой). Ваши несомнѣнно лучше. Одна—красавица. Не смущайся, Саша, вѣдь это же правда. Другая (смотритъ на Анфису Павловну) другая... красавицей я бы ее не назвалъ—ты не обижаешься, Анфиса?—другая... умна—тверда—правдива.

Анфиса. Не довольно ли, Федоръ Ивановичъ?

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, еще не довольно, Анфиса Павловна.

Аносова. Довольно, довольно. Ты такое, Феденька, говоришь, что при постороннихъ даже неловко. Похвалилъ, ну и будетъ. А то ужъ и намъ, родителямъ, некуда глазъ дѣвать.

Татариновъ. Кстати, господа, разъ зашла рѣчь о дѣтяхъ. (Встаетъ). Господа! Сегодня я имѣлъ честь въ качествѣ духовнаго отца держать на своихъ рукахъ маленькое существо, которое было дѣвочкой.

Розенталь. Я думаю, и осталось.

Татариновъ. Господа! Можетъ быть я дѣйствительно былъ плохой кумъ и скверно держалъ младенца, но ей Богу, повѣрьте мнѣ: я чувствовалъ такой трепетъ, что могъ бы и совсѣмъ его уронить. Ей Богу! Я думалъ, вотъ сейчасъ прижимаю я къ моему фраку маленькую дѣвочку, такую маленькую, что даже и тяжести она не имѣетъ,—а что будетъ съ нею, когда она вырастетъ? И такъ грустно мнѣ стало, ей Богу! Вотъ сейчасъ ее крестятъ, пріобщаютъ ее какъ бы къ нѣкоему великому движенію человѣческой совѣсти, а вырастетъ она, и станутъ ее оби-

жать. И кто же? Мы, тѣ самые мужчины, которые ее крестили, и стало быть куда-то душу ея звали.

Насмѣшливые апплодисменты.

Аносова. Вѣрно, батюшка, обижаютъ.

Аносовъ. Ну, ужъ ты-то молчи! Подумаешь, обиженная.

Федоръ Ивановичъ. А вѣдь это, Иванъ Петровичъ, дѣйствительно, идея: дѣвочекъ крестить не надо.

Татариновъ. Да я не объ томъ, ты невѣрно меня понялъ.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, это ты самъ не понялъ, что ты сказалъ.

Розенталь. Это у него часто бываетъ.

Федоръ Ивановичъ. Оставь шутовство, Розенталь! Ты именно это и сказалъ; это и есть смыслъ всей твоей великолѣпной рѣчи: дѣвочекъ крестить не надо.

Аносова. Скажи, какая немилость. Что-жъ мы, насѣкомыя, что ли. Да насѣкомую и ту...

Федоръ Ивановичъ. Если мы, мужчины, бываемъ скотами, то мы же бываемъ и людьми и творимъ Бога. А у женщинъ—нѣтъ Бога, и всѣ женщины, плохія и хорошія, если кому угодно допускать это различіе—я его не знаю—всѣ женщины внѣ религіи. И крестить женщину—безсмыслица, злая шутка надъ нею же самой.

Голоса (возмущенно). Неправда! — Какой вздоръ!—А мученицы?

Адвокатъ. За Магометомъ первая пошла его жена.

Аносова. Ну, за Мухаметомъ, тоже сказалъ. Одинъ другого лучше!

Петя. Ренанъ говоритъ, что женщины создали Христа.

Федоръ Ивановичъ. Вздоръ! Въ христіанствѣ,

какъ и во всемъ, онѣ выѣли, выгрызли его идеалистическое ядро и оставили только скорлупу. Не обманывайтесь, господа. Въ самомъ христіанствѣ женщины остались язычницами и останутся ими навсегда.

Адвокатъ. Язычество тоже религія.

Ниночка. А мученицы, дядя? Вѣдь это неправда, онѣ умирали за Христа.

Федоръ Ивановичъ. Но не за христіанство. Все это ложь, Ниночка.

Анфиса (блѣднѣя). Вы распинаете женщину, Федоръ Ивановичъ.

Федоръ Ивановичъ. А сами висимъ по бокамъ, какъ разбойники, не такъ ли? Справедливое распредѣленіе ролей! Господа, послушайте, какую трогательную картину изобразила намъ Анфиса Павловна...

Голоса. Довольно!—Довольно!

Анфиса. Я прошу васъ не касаться меня, Федоръ Ивановичъ. Это плоско!

Голосъ Анфисы настолько рѣзокъ, что всѣ смолкаютъ.

Федоръ Ивановичъ. Что вы изволили сказать, Анфиса Павловна?

Анфиса. Я говорю, чтобы вы не смѣли касаться меня, Федоръ Ивановичъ.

Федоръ Ивановичъ (разваливаясь). А если посмѣю и коснусь?

Анфиса. То... вотъ вамъ. (Бросаетъ рюмку въ лицо Костомарову). Подлецъ! Подлецъ! Подлецъ!

Смятеніе. Многіе выскакиваютъ изъ-за стола. Только бабушка неподвижна и по виду совершенно безучастна.

Федоръ Ивановичъ (медленно вставая и вытирая салфеткой лицо). Вы съ ума сошли.

Аносова. Ай, батюшки, что же это такое!

Аносовъ (кричитъ). Да ты что же это въ самомъ дѣлѣ, а? Ты съ ума сошла? Тебѣ шутки шутятъ, а ты...

Анфиса (топая ногой). Молчите, папаша!

Алекс. Павл. Оставьте, оставьте, не трогайте ее.

Аносовъ. Нѣтъ, не оставлю! Ей шутки шутятъ. Вонъ, вонъ отсюда, неблагодарная! Ей пріютъ дали, пріютили ее...

Анфиса. Ахъ, да замолчите же, папаша! Развѣ вы не знаете... Господи, вѣдь это же всѣ знаютъ, что я любовница, любовница вотъ этого. Любовница, потерянная женщина, хуже уличной дѣвки... вотъ, вотъ я...

Катя роняетъ тарелку и съ громкимъ плачемъ убѣгаетъ.

Алекс. Павлов. (кричитъ). Это неправда! Она лжетъ, мерзавка! Это она хотѣла, а Федоръ Ивановичъ, Федоръ Ивановичъ...

Смятеніе растетъ. Старикъ Аносовъ ничего не понимаетъ, задыхается, голова его дрожитъ.

Аносовъ. Чья любовница? Нѣтъ, ты прямо скажи! Ахъ, ты! Федька, заткни ей ротъ.

Аносова (плачетъ). Жена она тебѣ или нѣтъ?

Анфиса. Его спросите! Ахъ, безчестный же ты человѣкъ.

Федоръ Ивановичъ. Ну да, это правда. Перестаньте кричать, папаша! (Къ Анфисѣ). А ты... уходи вонъ.

Анфиса. Я? Отсюда? Это мнѣ ты говоришь, ты, безчестный человѣкъ? Нѣтъ, ты уходи вонъ. Это мой домъ. Я слезами купила его, я горькой мукой его купила. Я кровь тутъ пролила. Это мой домъ! Я плакать здѣсь останусь. Я на колѣни стану передъ сестрой, передъ всѣми, кто презираетъ меня, кто ненавидитъ. Ахъ, убейте же вы меня. Я больше не могу. Саша, Саша...

Алекс. Павл. Вонъ, отсюда. Проклятая!

Ниночка. Вели ей замолчать, дядя Федя.

Федоръ Ивановичъ (не глядя, отстраняетъ Ниночку рукой, смотритъ на Анфису). Такъ вотъ ты какъ? Ну, ну! Не мѣшай, Нина.

Аносовъ (неразборчиво). Дожилъ. Дожилъ.... каждую копѣйку... Федька же ты, Федька!....

Розенталь (суетъ Анфисѣ стаканъ съ водой). Водички, водички, Анфиса Павловна. Это ничего, ну пхъ къ чорту.

Анфиса. Саша.... Саша... Ахъ, ну что такое я, ну что такое я? (Разводитъ руками). Господи, раздавленная змѣя. Спину ей переломили, она умираетъ, да. А вотъ, а вотъ вы на него посмотрите! Вѣдь онъ же эту дѣвчонку, эту дѣвчонку... любовницей...

Федоръ Ивановичъ (громко). Неправда! Неправда, Анфиса.

Аносовъ (безтолково хватая за руки дочерей и толкая къ двери). Молчи, Федька! Домой, домой. Чтобы ни минуты... въ этомъ проклятомъ домѣ... Сашка, иди!...

Алекс. Павлов. (упираясь). Не пойду! Это неправда! Она все выдумываетъ.

Аносовъ (топая обѣими ногами). Сашка, прокляну.—Сашка прокляну!

Большинство гостей уходитъ. Отъ Анфисы всѣ отодвинулись, и она стоитъ одна, закрывая лицо руками.

Розенталь (не зная, что дѣлать). Анфиса Павловна, ну, Анфиса Павловна.

Анфиса. Стыдно. Стыдно. Стыдно.

Ниночка плачетъ, ее уводитъ изъ комнаты гимназистъ Петя.

Петя (оборачиваясь возмущенно). Это чортъ знаетъ что такое! Вы мнѣ отвѣтите... Негодяй!

Федоръ Ивановичъ (боясь со слезами). И мнѣ стыдно. И мнѣ стыдно, Анфиса, голубчикъ ты мой. Ну что жъ я стою, а? Что же я стою. Ахъ, чтобы

чортъ васъ всѣхъ побралъ--вонъ отсюда! Вонъ! Чтобы духу вашего не пахло. Эй, ты, старая калоша, забирай своихъ, вонъ!

Аносовъ. Что? Ты меня? Ахъ, ты сукинъ сынъ.

Татариновъ. Федоръ Ивановичъ...

Федоръ Ивановичъ. А-а вы, друзья? Не искушай меня, Иванъ Петровичъ. Христомъ Богомъ прошу—уходи.

Быстро идетъ къ Анфисѣ и крѣпко обнимаетъ ее.

Федоръ Ивановичъ. Анфиса.

Анфиса. Какъ ты смѣешь? Оставь! Оставь, я ударю тебя.

Федоръ Ивановичъ. Ахъ, нѣтъ, Анфиса! Смотри, я ихъ выгналъ вонъ, смотри. Этотъ домъ—твой, Анфиса! Чтобъ чортъ ихъ всѣхъ побралъ! Анфиса!

Анфиса. Ты лжешь, ты издѣваешься надо мною.

Аносовъ. Что, что, что, это насъ то? Сашка, Нинка. О, Господи, матушки мои. Охъ, до чего же я дожилъ.

Федоръ Ивановичъ. Это твой домъ! А если ты выгонишь меня, я.... я у порога лягу, я отъ двери не отойду, я въ окна стучать буду—открой, Анфиса. Развѣ тыне видишь—раскрылась душа моя! Прости меня.

Анфиса (слабо защищаясь). Боже мой, Боже мой, что ты дѣлаешь со мною.... Уйди отъ меня, пожалѣй меня, Федя!

Федоръ Ивановичъ обнимаетъ ее, цѣлуетъ и что-то шепчетъ.

Алекс. Павлов. Цѣлуетъ! Мамочка моя, мамочка, цѣлуетъ!

Аносова. И пусть, и пусть, и пусть.

Аносовъ. Живо, сію минуту... за извозчикомъ... Сашка, бери дѣтей... ни минуты... Тьфу!... Прокормлю.. старикъ... опять въ долги залѣзу... Господа кредиторы, войдите въ положеніе.

Татариновъ. Идемте, Александра Павловна.

Алекс. Павлов. Нѣтъ. Умру.

Розенталь (Татаринову). Она его рюмкой въ лицо, а онъ насъ выгоняетъ. Психологія! До свиданія, Федя... (Тихо). Ну, а близко не подойду. Укусишь! Психологія! (Окончательно развеселясь). Великолѣпный скандалъ! Только теперь, навѣрно, калоши перемѣнили. (Радостно хохочетъ). Мнѣ при каждомъ скандалѣ калоши мѣняютъ!

Уходитъ. Старикъ Аносовъ, вопя, и плюясь, выталкиваетъ въ дверь сперва жену, потомъ Александру Павловну.

Аносовъ (оборачиваясь, изъ двери). Ты мнѣ отвѣтишь за это. Губернатору.... Ахъ, ты сукинъ сынъ, сукинъ сынъ. Тьфу!

Всѣ ушли. Остаются только Федоръ Ивановичъ съ Анфисой, да бабушка, которая продолжаетъ сидѣть неподвижно за опустѣвшимъ столомъ.

Анфиса. Уѣдемъ отсюда.

Федоръ Ивановичъ. Да, уѣдемъ. Но что было съ нами, Анфиса? Ты понимаешь это? Прости меня если можешь.

Анфиса (тихо плача). А ты... пожалѣй меня, если можешь, пожалѣй. Я одна, Федичка, и нѣтъ у меня заступниковъ, кромѣ тебя.

Федоръ Ивановичъ. Ахъ, какъ стыдно. Боже мой, какъ стыдно! Что было со мной, гдѣ было сердце, гдѣ были глаза мои?

Анфиса. Мнѣ страшно, Федя. Не нужно сегодня спать! Ты заснешь и опять все забудешь.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ. Все стало другимъ. Посмотри, какъ чисто, какъ свѣтло, Анфиса! (Видитъ старуху и пугается). Анфиса, смотри, смотри! Это она, старуха! Зачѣмъ она здѣсь, сейчасъ? Я же всѣхъ выгналъ вонъ!

Занавѣсъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Поздній вечеръ. Кабинетъ Федора Ивановича. На слѣдующій день Федоръ Ивановичъ и Анфиса уѣзжаютъ и въ комнатѣ полный безпорядокъ. Изъ письменнаго стола вынуты нѣкоторые ящики съ бумагами и стоятъ на креслѣ, на шкафу. Цѣлая груда дѣлъ въ синихъ обложкахъ лежитъ на столѣ. Коегдѣ на креслахъ валяется платье Федора Ивановича, приготовленное для укладки; тутъ же на полу раскрытый чемоданъ.

За столомъ разбирается въ бумагахъ Татариновъ, которому Федоръ Ивановичъ, уѣзжая, сдаетъ всѣ свои дѣла. Самъ Федоръ Ивановичъ медленно прохаживается по комнатѣ и временами, остановившись, прислушивается къ музыкѣ—это въ сосѣдней темной комнатѣ играетъ Анфиса. Музыка очень печальна.

Татариновъ. А довѣренность гдѣ?

Федоръ Ивановичъ. Какая довѣренность?

Татариновъ. Кузнецовская.

Федоръ Ивановичъ. Да, тамъ же, въ дѣлѣ.

Татариновъ. Въ дѣлѣ нѣтъ.

Федоръ Ивановичъ. Ну, значитъ, въ столѣ. Посмотри въ лѣвомъ ящикѣ.

Молчаніе.

Татариновъ. Нашелъ. Она у тебя среди писемъ.

Федоръ Ивановичъ (равнодушно). Ага!

Татариновъ. А копіи съ постановленія суда такъ таки и нѣтъ? Федоръ Ивановичъ, ты мнѣ оказываешь большую честь, передавая мнѣ всѣ твои дѣла, но въ такомъ безпорядкѣ я принять ихъ не могу.

Федоръ Ивановичъ. Завтра найдемъ.

Татариновъ. Какъ членъ совѣта дѣлаю тебѣ замѣчаніе.

Федоръ Ивановичъ. Не сердись. Это я за послѣднее время запустилъ... Скажи еще спасибо, что не спился твой Федоръ Ивановичъ! Постой! (Останавливается и прислушивается). Что она играетъ? Пѣсню безъ словъ? Да, да, пѣсню безъ словъ. Послушай, Иванъ Петровичъ: неужели музыка тебѣ не мѣшаетъ? Какъ ты можешь слушать то, что играетъ Анфиса, и копаться въ бумагахъ? Странный ты человѣкъ. Когда всю эту дневную суету, наши нудные разговоры, дребезжанье извозчичьихъ колесъ, шарканье по полу сапогъ—прорѣзаетъ аккордъ или только отрывокъ мелодіи, даже взятый неумѣлыми дѣтскими руками, онъ сразу и рѣшительно отрываетъ меня отъ земли. Какъ бы тебѣ это сказать? Какъ будто все остальное, и я самъ, и вся моя жизнь только нарочно, а правда и вѣчность, и я настоящій—здѣсь, въ звукахъ.

Татариновъ. Рядомъ со мной, Федя, въ номерахъ живетъ музыкантша. Такъ если бы я при каждомъ аккордѣ отрѣшался отъ земли, меня давно бы изъ сословія поперли.

Федоръ Ивановичъ. Помнишь мою рѣчь по дѣлу Казариновой? Какъ тогда плакали всѣ?

Татариновъ (съ гордостью). Прокуроръ плакалъ!

Федоръ Ивановичъ. Да, прокуроръ плакалъ. А знаешь все это отчего? Оттого что какъ разъ въ серединѣ моей рѣчи на дворѣ подъ окномъ заиграла шарманка. А когда я услышалъ ее, мнѣ вдругъ такъ

стало жаль эту женщину и такимъ откровеніемъ встала передо мною вся ея печальная жизнь... (Останавливается). Что она играетъ? Безъ словъ, безъ словъ все она безъ словъ. (Мрачно). Ты знаешь, она сегодня цѣлый день молчитъ.

Татариновъ (коротко). Волнуешься. Ты бы ее, Федя, какъ нибудь... того... пожалѣлъ. (Многозначительно). Не нравится мнѣ все это. Не вижу я въ этомъ—дѣла. Ѣдетъ человѣкъ, а куда, а зачѣмъ—самъ хорошенько не знаетъ.

Федоръ Ивановичъ. Ѣдетъ. (Радостно смѣетс Да, да, ѣдетъ. Ахъ, голубчикъ Иванъ Петровичъ, спасибо, что напомнилъ. Ты не смотри, что я весь вечеръ какъ будто не веселъ—сегодня утромъ я прыгалъ по дому, какъ мальчишка. Анфиса куда-то ушла бабку, стараго чорта, я заперъ на ключъ—вѣдь во веемъ домѣ насъ только трое, прислуга—и та разбѣжалась—и былъ свободенъ, радостенъ и счастливъ, какъ никогда еще въ жизни. Даже озорничалъ, честное слово! Взялъ и за какимъ-то чортомъ разбилъ статуетку. (Конфузливо смѣется). Потомъ осколкомъ бросилъ въ прохожаго. Чортъ знаетъ что!

Татариновъ (со вздохомъ). Ненадежный ты человѣкъ.

Федоръ Ивановичъ. Оставь! Но вотъ что странно: заглянулъ я въ дѣтскую съ нѣкоторымъ даже желаніемъ расчувствоваться, пролить слезу воспоминаній—и ничего. Понимаешь: смотрю на пустыя кроватки—и ничего! Милыя онѣ дѣвочки, и я ихъ люблю, но... зачѣмъ я имъ нуженъ? Странный ты человѣкъ, Иванъ Петровичъ. Отчего ты не женишься?

Татариновъ. Время прошло.

Въ сосѣдней комнатѣ молчаніе.

Федоръ Ивановичъ. Сегодня она весь день молчитъ. Ты любишь сумерки, Иванъ Петровичъ?

Татариновъ. Не мѣшай. Сейчасъ кончу.

Федоръ Ивановичъ. Прежде я любилъ сумерки. Но сегодня... мнѣ вдругъ такъ жалко стало уходящаго солнца, что захотѣлось бѣжать за нимъ, бѣжать, бѣжать, чтобы только не выходить изъ-подъ его свѣта. Оно заходило, а съ другой стороны—сегодня, кажется, я увидѣлъ ея лицо—встала ночь. И еще далеко была она, а тутъ... вдругъ потемнѣло подъ диваномъ. Вдругъ расплылась дверь, какъ будто ночь прошла сквозь нее. Вдругъ пропали часы и стрѣлки на циферблатѣ... Не люблю я нашего дома, Иванъ Петровичъ. Сегодня онъ пустой, какъ гробъ, который ждетъ своего покойника.

Татариновъ. Ну и сравненіе! Самъ всѣхъ разогналъ, а теперь жалуешься.

Анфиса снова играетъ.

Федоръ Ивановичъ (быстро ходитъ). Завтра, значитъ, ѣду въ Петербургъ.

Татариновъ. Петербургъ, Петербургъ... а что ты будешь дѣлать въ Петербургѣ, хотѣлъ бы я знать.

Федоръ Ивановичъ. Работать. На два года откажусь отъ практики и буду только работать. Это только вы, друзья, думаете обо мнѣ, что я лѣнтяй. А я умѣю работать, какъ никто изъ васъ. И вотъ, когда я научусь, сброшу съ себя этотъ несчастный провинціализмъ, жалкое адвокатское фразерство... я возьму большой уголовный процессъ. Пусть это будетъ о любви, о ревности, о чьей-то страшной смерти, о чьей-то печальной и темной душѣ. (Закрывая уши). Ахъ, она мнѣ мѣшаетъ! Ты понимаешь, Иванъ Петровичъ, что это значитъ: взять въ руки человѣческій слухъ, взять въ руки его строптивую душу, его пугливую и недовѣрчивую совѣсть, взять его чувство красоты, великое чувство, которое одно является источникомъ всѣхъ религій, всѣхъ революцій и переворотовъ—и надъ всѣмъ этимъ утвердить свое я,

свою волю и царственную мысль. (Смѣется). Кто это сказалъ: пусть ненавидятъ, но покоряются?

Татариновъ. Какой-нибудь генералъ.

Федоръ Ивановичъ. Не понимаешь ты этого, Иванъ Петровичъ. А я вотъ помню и не забуду, какъ тогда послѣ этихъ криковъ: вонъ, послѣ всей этой ненависти и даже отвращенія, которыя я вызвалъ, присяжные засѣдатели все-таки вынесли оправдательный вердиктъ! Помню, съ какой ненавистью глядѣлъ на меня старшина и какъ сквозь зубы прочелъ—нѣтъ, не виновенъ... Ахъ, она мнѣ мѣшаетъ!

Татариновъ. Вотъ и еще квитанціи нѣту. Деньги внесены въ казначейство, а квитанціи нѣту. И потомъ разъ ужъ зашла объ этомъ рѣчь, я долженъ открыть тебѣ глаза на Розенталя.

Федоръ Ивановичъ. Ну, что еще? Богъ тебя знаетъ, Иванъ Петровичъ, хоть бы ты курилъ... Попробуй! Отчего ты не женишься въ самомъ дѣлѣ?

Татариновъ. Я говорю серіозно, Федоръ Ивановичъ. Теперь ты уѣзжаешь, и я долженъ тебѣ это сказать. Ты знаешь, что разсказываетъ этотъ Розенталь? Во первыхъ, онъ разсказываетъ, что вчера тесть наплевалъ тебѣ въ лицо, а ты ему за это полъ бороды вырвалъ.

Федоръ Ивановичъ. Оселъ!

Татариновъ. А во вторыхъ... Ты помнишь эту сплетню относительно Пѣтуховскихъ капиталовъ? Ну, купчихи этой? Ты тогда рвалъ и металъ, какъ бѣшеный. Какъ это...

Федоръ Ивановичъ. Неужели, Розенталь? Вотъ негодяй! Зачѣмъ ты раньше не сказалъ объ этомъ?

Татариновъ. Скандала не хотѣлъ. Ну вотъ и конецъ. Но только, Федя, завтра утромъ я опять пріѣду къ тебѣ, еще часа на два работы осталось. (Конфузливо). Что ты такъ смотришь на меня? Понравился я тебѣ?

Федоръ Ивановичъ. Милый. Ну отнесись ты къ словамъ моимъ, какъ къ словамъ друга, отбрось

твое дурацкое самолюбіе—возьми ты, наконецъ, у меня денегъ.

Татариновъ (краснѣя). Нѣтъ, нѣтъ и не говори!

Федоръ Ивановичъ (нѣжно). Вѣдь ты же ничего не ѣшь, чудакъ, вѣдь ты же арбузными корками питаешься. Ну, голубчикъ, ну пожалуйста! Обрадуй меня, вѣдь у меня же деньги шальныя—ты знаешь!

Татариновъ (краснѣя еще больше). Ѣмъ я хорошо, это твой Розенталь вретъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Федоръ Ивановичъ, ты и не говори мнѣ. Уйду и никогда больше не приду, хоть ты здѣсь умирай. Я на дняхъ такое дѣло выигралъ...

Федоръ Ивановичъ (Смѣется). Ну и врешь же ты!... Ну, ладно. Только не забудь, что въ случаѣ нужды... Больше не могу!

Подходитъ къ темной двери гостиной и говоритъ довольно рѣзко.

Анфиса! Сыграй, пожалуйста, что-нибудь другое. (Съ неудовольствіемъ). Ты точно хоронишь кого-то!

Молчаніе. Входитъ Анфиса, нѣсколько блѣдная отъ темноты, и молча цѣлуетъ Федора Ивановича.

Федоръ Ивановичъ. Ну, что, голубчикъ? Не хочешь играть? Ты что такая блѣдная, и глаза опять какъ будто подведены? Тебѣ нехорошо?

Анфиса. Нѣтъ, хорошо. Вы скоро кончите?

Татариновъ. Кончаемъ.

Федоръ Ивановичъ. Посиди со мною, Анфиса. И руки у тебя какія холодныя. (Съ неудовольствіемъ). Не люблю я холодныхъ рукъ! Ну что ты такъ смотришь? Это нехорошо, Анфиса. Тебѣ нужно радоваться, а ты и у меня радость отнимаешь.

Анфиса. Нѣтъ, я радуюсь. Зачѣмъ сегодня приходила Ниночка?

Федоръ Ивановичъ. Съ запиской отъ жены, то есть отъ Саши. Я Ниночки не видалъ, мнѣ кучеръ записку передалъ. Пишетъ, чтобы я не оставлялъ ее. Странная у тебя сестра, Анфиса.

Анфиса. Саша очень несчастна.

Федоръ Ивановичъ (съ неудовольствіемъ) Ну, конечно, несчастна. Всѣ вы несчастны, когда мужчина уходитъ отъ васъ. Ну, ну, не сердись! (Цѣлуетъ) Я шучу.

Анфиса. Отъ твоихъ шутокъ бываетъ больно. Иногда онѣ такъ похожи на правду... Вѣдь ты же самъ радуешься, когда ихъ принимаютъ за правду.

Федоръ Ивановичъ (смѣясь). Какіе пустяки. Ты не вѣришь мнѣ?

Анфиса гладитъ его волосы и молчитъ.

Федоръ Ивановичъ. Ну? Не вѣришь?

Анфиса (улыбаясь). Зачѣмъ ты спрашиваешь? Вѣдь ты же любишь иногда, чтобы тебѣ не вѣрили.

Федоръ Ивановичъ (улыбаясь). Какъ ты меня узнала.

Анфиса (грустно, съ какой-то странной покорностью). Нѣтъ. Я ничего не знаю. (Улыбаясь, все съ той же покорностью предъ чѣмъ-то непреложнымъ и страшно печальнымъ). Вѣдь я только сейчасъ замѣтила, что ты бороду подстригаешь. Я думала, что она такая...

Федоръ Ивановичъ (улыбаясь). Отъ природы?

Татариновъ. Итакъ, значитъ, чтобы не забыть: два билета перваго класса, купэ, до Петербурга. Для курящихъ, конечно. Вѣрно? (Собираетъ бумаги). Ну а затѣмъ... измучился я, какъ лошадь, въ твоихъ авгіевыхъ конюшняхъ.

Анфиса. Неужели мы дѣйствительно поѣдемъ?

Федоръ Ивановичъ. Ты уложила вещи?

Анфиса (удивленно). Нѣтъ. Когда поѣздъ, Иванъ Петровичъ?

Татариновъ. Ровно въ два. Вы это напрасно не укладывались, вамъ нужно поторопиться.

Анфиса. Да, да, я уложу. Что ты такъ смотришь на меня, Федя? Ты улыбаешься или нѣтъ? (Тихо). Ну что ты, голубчикъ, ты думаешь о чемъ-нибудь нехорошемъ?

Федоръ Ивановичъ (медленно). Размышляю.

Анфиса. О чемъ?

Федоръ Ивановичъ. О вчерашнемъ. Не ошиблись ли мы съ тобой, Анфиса? Вчера я былъ въ какомъ-то угарѣ и плохо помню, что говорилъ. Но сегодня я вглядываюсь трезво и вижу: мы ошиблись, Анфиса. Вѣдь въ сущности ничего не измѣнилось. Твой вчерашній порывъ...

Анфиса. Федя, не надо! Федя, Бога ради, не надо!

Федоръ Ивановичъ. Твой вчерашій порывъ —случайность, одна изъ тѣхъ красивыхъ случайностей, которыя бываютъ у женщинъ. А сегодня ты увидѣла меня ясно, поняла, что я... въ сущности не люблю тебя... Ну что жъ ты не смѣешься, Анфиса? (Хватаетъ ее за руки). Что же ты не смѣешься, Анфиса, вѣдь я же шучу!

Татариновъ. Конецъ.

Анфиса (вставая) Что, какой конецъ? Федя, не надо! Я умоляю тебя, не надо. Если бъ ты зналъ, что ты дѣлаешь со мною (вздрагиваетъ).

Федоръ Ивановичъ (рѣзко). Вѣдь я же шучу!

Анфиса. Да, да, но Бога ради не надо! Бога ради, Федя.

Татариновъ деликатно отходитъ къ окну.

Федоръ Ивановичъ (гнѣвно). Это неправда, что мнѣ нужно недовѣріе! Мнѣ нужна вѣра, и ты оскорбляешь меня недовѣріемъ. Сказать правду въ лицо—это только половина; нужно еще сумѣть повѣрить, широко повѣрить, великодушно повѣрить, какъ вѣритъ мужчина.

Анфиса (въ страхѣ прячась къ нему на грудь). Ахъ, Федя, если бы ты зналъ, что ты дѣлаешь со мною! Ахъ, если бы Господь открылъ твои глаза— ты не сталъ бытакъ говорить со мною. Ой, спрячь меня!

Федоръ Ивановичъ (тревожно и ласково). Ну. что ты, ну что ты? Ну, спрячься, спрячься... Безпокойная ты душа. (Цѣлуетъ въ голову). Это я твои мысли, твое безпокойство цѣлую.

Звонокъ.

Федоръ Ивановичъ. Это еще кто пожаловалъ? Мнѣ даже какъ-то странно, что ко мнѣ—звонятся. Надо было и звонки обрѣзать.

Анфиса (безпокойно). Федя, не принимай, пожалуйста. Я тебя прошу.

Федоръ Ивановичъ (подозрительно). Это еще почему? Иванъ Петровичъ, будь другъ, открой дверь: мнѣ самому не хочется, мало ли тамъ кто можетъ быть.

Татариновъ выходитъ.

Федоръ Ивановичъ. Почему ты не хочешь, чтобы я кого-нибудь принималъ? Ты боишься чего-нибудь?

Анфиса. Нѣтъ. Да. Боюсь.

Федоръ Ивановичъ (хмуро улыбаясь). Странный у насъ вечеръ!... А, господинъ Розенталь.

Анфиса (радостно). Андрей Ивановичъ!

Розенталь быстро идетъ къ Анфисѣ Павловнѣ, Татариновъ угрюмо шагаетъ до своего мѣста.

Федоръ Ивановичъ (Татаринову). Зачѣмъ ты пропустилъ его?

Татариновъ. Прошелъ.

Розенталь. Все еще злишься? Какъ глупо. Вашу ручку, Анфиса Павловна. Какъ вы себя чувствуете послѣ вчерашней передряги? Но вы молодецъ. Ей Богу, молодецъ. Я вчера залюбовался вами!

Федоръ Ивановичъ. Напрасно ты даешь руку, Анфиса. Розенталь, уходите, пожалуйста, или я васъ вытолкаю въ шею.

Розенталь. Что? Нѣтъ, это ты серіозно? Ты съ ума сошелъ, Федоръ Ивановичъ. Ну, вчера, въ раздраженіи, я еще понимаю, ну а сегодня? И что я тебѣ сдѣлалъ такое, скажи пожалуйста, ты дѣйствительно сошелъ съ ума. Я, наконецъ, требую, Федоръ Ивановичъ, объясни ты мнѣ.

Федоръ Ивановичъ (брезгливо). Это вы распустили про меня сплетни относительно Пѣтуховскихъ капиталовъ?

Розенталь. Ахъ это? Ну я. Господи! Неужели же ты, Федя, умный человѣкъ, не понимаешь той простой истины, что если здѣсь ничего не соврать—такъ завтра же нужно удавиться или перейти въ вегетеріанство. Чортъ тебя знаетъ, Федоръ, большой ты человѣкъ, а обращаешь вниманіе на пустяки, на недостойную мелочь. А вотъ что я тебя люблю, что я у тебя (сквозь слезы) ни разу ни копейки... не взялъ, ты этого не видишь. Нехорошо, Федя, Господь съ тобой!

Анфиса (тихо Федору Ивановичу). Ну, оставь его, Федя, вѣдь онъ не злой.

Федоръ Ивановичъ (такъ же тихо). Ты ему рада? А знаешь, что мнѣ непріятнѣе всего? Это то, что онъ похвалилъ тебя (Розенталю). Ну, ну, ладно. Толь ковсе-таки уходи, пожалуйста: я сегодня усталъ, и вообще я не въ настроеніи.

Розенталь. Ну, вотъ это другой разговоръ. Я съ наслажденіемъ ухожу! Значитъ, завтра съ курьерскимъ?

Анфиса. Да, кажется.

Розенталь (хватается за голову). Ну, и букетъ же я вамъ привезу! Ты знаешь, денегъ я досталъ. Ну и букетъ же я вамъ привезу.

Федоръ Ивановичъ. Это еще зачѣмъ? Пожалуйста, не надо.

Розенталь. Хочешь удрать потихоньку? Нехорошо, Федя, лицемѣрить, отъ тебя я этого не ожидалъ. Да вѣдь я и не тебѣ привезу, а вотъ этой.... храброй... мужественной (цѣлуетъ руку) героинѣ!

Федоръ Ивановичъ (брезгливо). Ну, довольно, оставь.

Розенталь. Пожалуйста, не строй такихъ разбойничьихъ рожъ. Все это у тебя оттого, что ты ѣшь мясное. Взгляни на Татаринова! До свиданія, Анфиса Павловна.

Уходитъ.

Татариновъ (вставая, возмущенно). Такая безхарактерность, Федоръ Ивановичъ, обязываетъ меня...

Федоръ Ивановичъ (морщась). Ахъ, какая гадость! Побылъ человѣкъ одну минуту, а стало такъ скучно, что ничего ужъ не хочется, и ѣхать не хочется, и чувствовать не хочется. Анфиса, зачѣмъ ты позволила поцѣловать руку

Анфиса. Но вѣдь это просто вѣжливость.

Федоръ Ивановичъ. Вѣжливость, вѣжливость! Скучно съ тобой, Анфиса.

Татариновъ (примирительно). Ну, ну, не сердись, голубчикъ, не стоитъ! Ты просто усталъ—вы дайте ему хорошенько отдохнуть, Анфиса Павловна. Стало быть, завтра въ одиннадцать, раньше ты не встанешь. Прощайте, Анфиса Павловна.

Федоръ Ивановичъ. Прощай, голубчикъ. Спасибо тебѣ...

Татариновъ. Ну, ну!.. (У дверей, тихо). Вотъ что, Федоръ Ивановичъ, не покажется тебѣ сантиментальностью, если я тебя того.. ну, какъ это поцѣлую. Ты скажи по правдѣ.

Цѣлуются.

Татариновъ (извиняясь). Безпокойно мнѣ что-то, Федя. Но только ты... будь благороденъ, Федя. А?

Федоръ Ивановичъ (мягко). Постараюсь, Иванъ Петровичъ.

Татариновъ. Ну вотъ, спасибо. А то все какъ то.. безпокойно. Прощай!

Уходитъ. Федоръ Ивановичъ, осматриваясь, ходитъ по комнатѣ.

Федоръ Ивановичъ. Одни.

Анфиса молчитъ.

Федоръ Ивановичъ. Который часъ? Усталъ я. (Звонитъ).

Анфиса. Кати нѣтъ.

Федоръ Ивановичъ. Ахъ да, я и забылъ. Кто же въ домѣ: ты, я и старуха? Пріятный домъ. Не можешь ли ты принести мнѣ ликеру, Анфиса, онъ гдѣ-то тамъ... Впрочемъ, погоди. Отчего ты все молчишь? Ты любишь меня, Анфиса?

Анфиса (улыбаясь). Нѣтъ.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, нѣтъ, не шути! Ты засмѣялась, и мнѣ стало неловко: вѣдь я тебя не знаю. Ты понимаешь этотъ ужасъ: я тебя цѣлую, обнимаю, говорю—и совершенно не знаю. Такая ты-или другая. (Разводитъ руками)—не знаю,

Анфиса. Ты меня видишь.

Федоръ Ивановичъ. Да. Но и вижу-то словно впервые. Какъ странно: ты никогда не завиваешься, Анфиса?

Анфиса (улыбаясь). Нѣтъ. А ты всегда подстригаешь бороду?

Федоръ Ивановичъ. Да. И у тебя очень густыя брови, Анфиса.

Анфиса. А ты часто вынимаешь часы, но не смотришь.

Федоръ Ивановичъ. И у тебя на пальцѣ ядъ.

Анфиса (пряча руку). А ты часто поднимаешь руку ко лбу...

Федоръ Ивановичъ. Ты всегда въ черномъ платьѣ. Кто ты, Анфиса?

Анфиса (улыбаясь). Кто вы, Федоръ Ивановичъ?

Оба странно смѣются и сразу обрываютъ смѣхъ.

Федоръ Ивановичъ (хмуро). Странная игра. Но я хочу говорить серіозно. Сегодня ты весь день молчишь, Анфиса. Ты можетъ быть этого не замѣчаешь, но ты весь день молчишь, Анфиса.

Анфиса. Развѣ? Значитъ... я думаю.

Федоръ Ивановичъ (подозрительно). Что-нибудь страшное?

Анфиса (вздрагиваетъ). Почему страшное? Почему страшное?

Федоръ Ивановичъ. Потому что я тебя не знаю. Сегодня я видѣлъ, какъ ты, задумавшись, проходила по комнатѣ куда-то. У тебя такая неслышная поступь, и ты была такая странная, всему чужая, что показалась мнѣ похожею на черную тѣнь. Куда ты ходила?

Анфиса. Къ бабушкѣ.

Федоръ Ивановичъ. Это зачѣмъ?

Анфиса. Я ходила ее кормить.

Федоръ Ивановичъ. Я бы не сталъ ее кормить. Я уморилъ бы ее голодомъ. Который часъ? Господи, еще только одиннадцать часовъ. Но что же ты молчишь, Анфиса? Это становится невыносимымъ.

Анфиса. Федя, я сама не знаю.

Федоръ Ивановичъ. Я уйду!

Анфиса (торопливо). Ну, хорошо, ну, слушай. а, это правда, что я молчу—но знаешь, съ какихъ это поръ? Съ той ночи, какъ я стояла передъ запер- дверью и звала тебя. Какъ будто въ ту ночь я сказала всѣ слова, какія есть, и у меня уже не осталось больше ни одного слова. Если хочешь, я могу говорить, но... Не заставляй меня, Федя, я скажу не то.

Федоръ Ивановичъ. Я уйду!

Анфиса. Ну, хорошо, ну, слушай! Вчера вѣдь я кричала, да? Этотъ крикъ я слышу, онъ стоитъ въ моихъ ушахъ. Но это кричалъ кто-то другой, а я— молчала.

Федоръ Ивановичъ (вдумываясь, тревожно). Ты что-нибудь рѣшаешь? Тамъ, у тебя въ глубинѣ что-то рѣшается? Быть можетъ уже рѣшилось? Ну, говори же!

Анфиса. Не знаю. Да. Можетъ быть. Я все время жду.

Федоръ Ивановичъ. Чего?

Анфиса. Не знаю.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, ты знаешь! Говори! Ты должна сказать. Слышишь!

Анфиса. Я не знаю.

Федоръ Ивановичъ. Ложь. (Хватаетъ ее за руку и всматривается въ глаза). Говори! Я не позволю этого. Я заставлю тебя говорить!

Анфиса. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не спрашивай. Мнѣ страшно. Я люблю тебя. (Цѣлуетъ въ голову нѣсколько сопротивляющагося Федора Ивановича). Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя. Ой, обними меня. Ой, крѣпче, крѣпче обними меня!

Федоръ Ивановичъ (испуганно и ласково). Ну что ты, что ты?

Анфиса (пряча голову къ нему на грудь). Ты смотрѣлъ на меня... какъ вчера... когда про змѣю... про змѣю... Ой, не надо, Федя. Обними меня крѣпче. Я боюсь. Не пускай меня, не пускай.

Звонокъ.

Анфиса (вскрикиваетъ). Ай! Что это!

Федоръ Ивановичъ. Что ты, что ты. Это звонокъ, успокойся же. Вотъ не думалъ, что ты такая трусиха. Ты и на меня нагнала страху. Вѣдь это же нелѣпо. Сидимъ съ тобой, какъ маленькія дѣти, и пугаемъ другъ друга.

Анфиса. Не уходи.

Звонокъ повторяется.

Федоръ Ивановичъ. Звонятъ. Ну погоди одну минутку, а я пойду открою. Кто это можетъ быть?

Анфиса (обнимая крѣпче). Не уходи.

Федоръ Ивановичъ. Да, не ребячься же, Анфиса. Вѣроятно телеграмма. Я сейчасъ. Ну?

Оглядываясь на Анфису, уходитъ. Анфиса прячетъ голову въ углу дивана, но когда слышитъ голосъ Ниночки—поднимается и смотритъ на дверь широко открытыми глазами.

Ниночка (за дверью). А я думала, что вы, что ты уже спишь... хотѣла уйти. Кто жъ у васъ въ домѣ? Только... свои?

Федоръ Ивановичъ (также за дверью). Да, только свои... И не боишься ты ночью ходись одна? Смѣлая дѣвченка.

Входятъ. Ниночка, увидѣвъ Анфису, останавливается у порога.

Федоръ Ивановичъ. Входи же, Ниночка, входи. (Немного неловко). Это Ниночка, Анфиса.

Ниночка. Мнѣ нужно поговорить съ тобою, дядя Федя. Но только наединѣ.

Федоръ Ивановичъ. Ты можешь говорить при ней. Ты же вѣдь знаешь...

Ниночка. Нѣтъ, я могу говорить только наединѣ.

Анфиса (немного чужимъ голосомъ). Федоръ Ивановичъ, позвольте мнѣ остаться здѣсь.

Федоръ Ивановичъ. Да? (Мгновеніе нерѣшимости). Пустяки, Анфиса, это только на минуту. Пойди туда... И кстати приготовь мнѣ ликеру. Одну только минуту.

Анфиса со странной покорностью уходитъ въ открытую дверь гостиной. Оба оставшіеся прислушиваются къ ея удаляющимся шагамъ и радостно бросаются другъ къ другу.

Федоръ Ивановичъ (взволнованно). Какъ я

радъ, что ты пришла. Не знаю, что со мной сегодня!.. Нервы ли просто развинтились или этотъ пустой домъ... но только такая жуть...

Ниночка. И я такъ рада. Я... не могу жить безъ тебя...

Онъ обнимаетъ Ниночку, цѣлуетъ, и нѣкоторое время они стоятъ обнявшись, какъ влюбленные.

Федоръ Ивановичъ. Голубчикъ ты мой! Сонъ ты мой золотой! Не побоялась одна? Какъ я радъ тебѣ.

Ниночка (цѣлуетъ его). Милый, милый, милый.

Федоръ Ивановичъ сажаетъ Ниночку на диванъ и незамѣтно для себя становится передъ нею на колѣни.

Федоръ Ивановичъ. Ну, что, дѣточка, что принесла? (Улыбаясь). Опять записку? Какъ я радъ тебѣ.

Ниночка. Да, вотъ.

Федоръ Ивановичъ (рветъ письмо). Какая же она право... странная. И не побоялась ты — ночью одна? Ахъ, дѣвочка моя милая...

Ниночка (осторожно кладя руку на плечо). А на случай, если ты разорвешь письмо, не читая, она велѣла передать тебѣ, что она ни въ чемъ не виновата, что она проситъ, чтобы ты ее простилъ, и что, какъ только папаша ее выпуститъ, она сейчасъ же пріѣдетъ къ тебѣ. Въ то, что ты уѣдешь... не одинъ, она не вѣритъ. И все время плачетъ до того, что невыносимо смотрѣть. А папаша заперъ ее съ ребенкомъ на ключъ, стоитъ передъ дверью, топаетъ ногами и все ее проклинаетъ. Онъ совсѣмъ потерялся. Добылъ денегъ и накупилъ Богъ знаетъ чего: сардинокъ, какой-то рыбы, фруктовъ, и все это для младенца. А мнѣ матеріи на платье купилъ... еще какой-то зеленой. О тебѣ и слышать не хочетъ. Попробовала я что-то сказать, такъ онъ и меня проклялъ.

Федоръ Ивановичъ. Жалко старика. Я виноватъ передъ нимъ. Но все равно.

Ниночка. Конечно, жалко. Но почему все равно? Такъ говорятъ только тѣ, кто не собирается больше жить.

Федоръ Ивановичъ. Какъ я радъ тебѣ! Не уходи, Ниночка. (Цѣлуетъ ей руку). Озябла, бѣдненькая?

Въ темныхъ дверяхъ гостиной появляется на мгновеніе Анфиса. Смотритъ мертвымъ лицомъ на нихъ и такъ же безшумно исчезаетъ.

Ниночка. Нѣтъ, я не ухожу. Я еще должна сказать тебѣ... Только я не могу говорить, пока ты такъ стоишь. Это очень серіозно.

Федоръ Ивановичъ (удивленно). Дѣйствительно, какъ я сталъ? (Встаетъ). Еслибъ я сейчасъ былъ склоненъ къ шуткамъ, я бы сказалъ: это судьба.

Ниночка. А можетъ быть это и не шутка. Только, пожалуйста, дядя Федя, отойди отъ меня еще дальше. Это очень серіозно. (Оглядывается). А Анфисы тамъ нѣтъ?

Федоръ Ивановичъ (прислушивается). Нѣту. Она, вѣроятно, ушла къ этой... старухѣ. Ты знаешь, во всемъ домѣ мы только трое: я, она и старуха. Странный домъ! Ну, такъ что же, Ниночка?

Ниночка (вставая). Я люблю тебя, дядя Федя.

Федоръ Ивановичъ. Не надо, Ниночка! Я не хочу любви.

Ниночка. Нѣтъ, я люблю тебя, дядя Федя. И я уже не дѣвочка и знаю, что говорю. Ты можешь поступить, какъ хочешь, но я пришла къ тебѣ, чтобы это сказать—и вотъ сказала. И тебѣ слѣдуетъ просто отвѣтить мнѣ—а я тебя, Ниночка, не люблю. И тогда я (сдерживая слезы)—уйду.

Федоръ Ивановичъ. Но развѣ это правда, Ниночка. Но развѣ ты знаешь, что такое любовь? Ты просто, голубчикъ мой, обезьяничаешь со взрослыхъ, а тебѣ ужъ и кажется...

Ниночка. Ахъ, дядя Федя, дядя Федя, какъ ты еще мало знаешь людей. Я вѣдь предчувствовала, что ты мнѣ не повѣришь, будешь смѣяться, ты привыкъ меня видѣть дѣвочкой и просто не замѣтилъ, какъ я выросла. И я, быть можетъ, и не пошла бы, если бы такъ не жалѣла... и не боялась за тебя. Дядя Федя, милый, милый, не ѣзди съ нею! Я ея боюсь!

Федоръ Ивановичъ. Ниночка, ты не знаешь, что говоришь.

Ниночка. Это ты не знаешь, а я знаю, знаю. Не ѣзди съ нею, не ѣзди съ нею. Ну... возьми меня, если хочешь. Я чистая—клянусь, меня не поцѣловалъ ни одинъ мужчина—и я отдамъ тебѣ все, что только можетъ быть въ душѣ. Ахъ, ты еще не зналъ любви, дядя, ты же не зналъ ея никогда! (Медленно становится на колѣни и складываетъ руки, какъ молитву). Возьми меня, Федя.

Федоръ Ивановичъ (закрываетъ лицо руками и ходитъ по комнатѣ). Молчи. Молчи.

Ниночка. Я молчу.

Федоръ Ивановичъ (такъ же). И ты поѣдешь со мной?

Ниночка. Поѣду.

Федоръ Ивановичъ. Завтра?

Ниночка. Когда хочешь.

Анфиса (въ дверяхъ). Вы еще не кончили?

Ниночка быстро вскакиваетъ съ колѣнъ и отходитъ.

Федоръ Ивановичъ. Ахъ, это ты? Да. Кончили. Сейчасъ, одну только минуту!

Анфиса уходитъ. Федоръ Ивановичъ быстро обнимаетъ Ниночку, почти душитъ ее.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, нѣтъ. Ты не знаешь, что говоришь, Нина, но... но... Приходи завтра утромъ, слышишь? Все это вздоръ, но ты знаешь, дѣвочка—я сейчасъ только, послѣ многихъ мѣсяцевъ вздохнулъ полной грудью.

Ниночка. Господи, какъ я рада. Господи, какъ я рада. Ты вѣдь не знаешь, дядя Федя—я ужъ сегодня начала укладывать вещи!

Федоръ Ивановичъ (толкая ее). Ну, иди, иди. (Цѣлуетъ). Иди. Но только... приходи.

Уходитъ по направленію къ прихожей. Появляется Анфиса, ставитъ на столъ бутылку ликеру и рюмку. Движенія ея очень спокойны, точны, но какъ-то странно правильны и почти механически отчетливы. Поставивъ бутылку, Анфиса подходитъ къ лампѣ и внимательно разсматриваетъ перстень, пріоткрываетъ его, вглядывается очень сосредоточенно и закрываетъ. Потомъ обычнымъ кокетливымъ женскимъ движеніемъ разсматриваетъ свою руку.

Федоръ Ивановичъ (входитъ, говоритъ нѣсколько смущенно). Какая смѣлая дѣвченка, ходитъ ночью одна. Отъ Саши опять письмо.

Анфиса. Я слышала все. Я была въ той комнатѣ и слышала все.

Федоръ Ивановичъ (съ напускнымъ гнѣвомъ). Ты подслушивала!

Анфиса. Нѣтъ, я не подслушивала. Это правда, что ты завтра ѣдешь съ Ниной?

Федоръ Ивановичъ. Какой вздоръ, какъ тебѣ не стыдно, Анфиса. Дѣвченка, Богъ знаетъ, чего наслушалась въ нашемъ домѣ и просто обезьяничаетъ.

Анфиса. Нѣтъ, она тебя любитъ.

Федоръ Ивановичъ. Ты думаешь?

Анфиса. Да. Но ты ее не любишь. Ты никого не любишь.

Федоръ Ивановичъ (улыбаясь). А тебя?

Анфиса. Меня—любишь. И я очень рада, что ты такъ относишься къ Ниночкинымъ словамъ. Тебѣ нельзя съ ней ѣхать. Ты хочешь любить, но не умѣешь, и если ты поѣдешь съ Ниной...

Федоръ Ивановичъ (нетерпѣливо). Ты опять повторяешь это! Вѣдь я же сказалъ тебѣ, что это

вздоръ, вздоръ, вздоръ! Поцѣлуй меня, Анфиса. (Цѣлуетъ ее). Какая ты красивая. Ты любишь меня?

Анфиса. Люблю.

Федоръ Ивановичъ (крѣпко обнимая). Какая ты красивая! Ты вся, какъ черный огонь, который не свѣтитъ а только жжетъ... и какъ жжетъ! Ты помнишь, Анфиса? (Обнимаетъ все крѣпче и заглядываетъ ей въ глаза). Анфиса.

Анфиса (цѣлуя его и въ то же время сопротивляясь). Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

Федоръ Ивановичъ. Анфиса.

Анфиса. Нѣтъ, нѣтъ. Не надо! Пусти! Ты усталъ. Не надо. Я не хочу (вырывается, тяжело дыша).

Федоръ Ивановичъ (угрюмо). Не хочешь?

Анфиса. Ахъ, какой ты, Федя! Ну не сердись, милый. Я вѣдь такъ люблю тебя! Но я устала. И мнѣ немного нехорошо. А что же ликеръ? Я вѣдь принесла. Вотъ онъ. На! (Наливаетъ). Выпей. Тебѣ нужно отдохнуть, Федя, ты такъ усталъ.

Федоръ Ивановичъ (подумавъ, добродушно). Ну, Господь съ тобой, Да, я усталъ.

Анфиса. Тебѣ нужно уснуть.

Федоръ Ивановичъ. Да, мнѣ нужно уснуть. (Пьетъ и смѣется). Да, мнѣ нужно уснуть.

Анфиса. Чему ты смѣешься?

Федоръ Ивановичъ. Такъ. Мнѣ дѣйствительно стало весело отъ ея наивности. Подумай, она клянется: меня еще ни разу не поцѣловалъ ни одинъ мужчина.

Анфиса. Ни одинъ мужчина.

Федоръ Ивановичъ. Да! Ни одинъ мужчина! Налей мнѣ еще. Я сегодня хочу пить только изъ твоихъ рукъ.

Анфиса. Отдохни, мой милый, ты такъ усталъ.

Федоръ Ивановичъ (чему-то улыбаясь). Да, я отдохну, я такъ усталъ.

Анфиса. Прилягъ ко мнѣ на колѣни. Я сяду, а

ты положишь голову мнѣ на колѣни, и я тебѣ спою пѣсенку, какъ вчера. Прилягъ!

Федоръ Ивановичъ. Вчера было хорошо. Но мнѣ хочется ходить, у меня столько мыслей, у меня столько плановъ, я вдругъ увидѣлъ міръ:—весь міръ —зеленый, красный, голубой. Давай мечтать, Анфиса!

Анфиса. Давай мечтать! Но ты лягъ.

Федоръ Ивановичъ. Который часъ? О, уже двѣнадцать. (Стучитъ кулакомъ по рукѣ). Время идетъ, время идетъ! Налей мнѣ еще. Ну, скорѣе! Я ѣду, я ѣду, я ѣду. И все таки—усталъ. Усталъ.

Анфиса. Прилягъ. Вотъ такъ! Тебѣ удобно?

Федоръ Ивановичъ (ложится и кладетъ голову къ Анфисѣ на колѣни). Да, хорошо. У тебя немножко жесткія колѣни, но это хорошо. Я люблю, что ты вся такая.... жесткая, сухая и горячая, какъ крапива. (Смѣется) Какъ крапива! Давай мечтать, Анфиса, о свѣтломъ. (Съ глубокой правдивостью). Вѣдь никто не знаетъ—и даже ты не знаешь, какъ я усталъ, какъ я измучился, какъ временами ненавижу я жизнь.... и себя.

Анфиса. Не жалѣй жизни. Она такъ печальна, и такъ темна, и такъ страшна она. Кто судитъ насъ?

Федоръ Ивановичъ. Откуда моя тоска? Я какъ будто счастливъ, я самъ дѣлаю свою жизнь— но откуда эта жестокая, неотступная тоска? Давай мечтать, Анфиса, я думать не хочу. Что-то красивое встаетъ передъ моими глазами, и оно волнуется тихо, какъ голубой туманъ передъ восходомъ солнца. Какія-то пѣсни я слышу, Анфиса, какія-то деревья на глазахъ моихъ покрываются цвѣтами. Ты любишь яблоню, когда она цвѣтетъ?

Анфиса. Я люблю красныя розы.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, нѣтъ... яблоню, когда она цвѣтетъ! Какія-то птицы летятъ надо мною, и сверкаютъ на солнцѣ ихъ огромныя бѣлыя крылья. Я грежу, Анфиса. Скажи мнѣ эти слова, которыя поютъ мнѣ о другомъ.

Анфиса (тихо). Другъ, другъ желанный ты мой.

Федоръ Ивановичъ (повторяя). Другъ, другъ желанный ты мой..,

Анфиса. Кто безпокойному сердцу отвѣтитъ?

Федоръ Ивановичъ (повторяя). Кто безпокойному сердцу отвѣтитъ?..

Анфиса. Море... Море любви ему въ вѣчности свѣтитъ—свѣтитъ желанный покой.

Федоръ Ивановичъ. Свѣтитъ желанный покой. Отчего ты вздрогнула, Анфиса? Свѣтитъ желанный покой. Постой, я кажется вижу его. Всю жизнь я стараюсь вспомнить это лицо и не могу, и мучаюсь, а вотъ сейчасъ...

Анфиса. Лицо женщины?

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, нѣтъ. Я не знаю, чье это лицо. А вотъ сдйчасъ, на одно мгновеніе оно какъ будто склонилось надо мною, и мнѣ стало такъ хорошо. (Безпокойно). Но ты его спугнула, Анфиса. Я опять не могу вспомнить. Какія у него глаза, я ихъ видѣлъ?

Анфиса. Голубые, ясные и взоръ ихъ необъятенъ.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, скорѣе черные.

Анфиса. Нѣтъ, не черные (вздрагиваетъ). Нѣтъ, не черные. Онъ звалъ тебя?

Федоръ Ивановичъ. О комъ ты говоришь? Меня никто не звалъ. (Привстаетъ на локтѣ и тревожно вслушивается). Тамъ кто-нибудь есть? Ты опять молчишь, Анфиса?

Анфиса (гладя его волосы). Нѣтъ, нѣтъ, родной. Я все время говорю, развѣ ты не слышишь? Спи спокойно и довѣрчиво. Я не обману тебя. Это я тебѣ разсказала о бѣлой яблонѣ, которая цвѣтетъ. Усни, дитя мое, и я спою тебѣ ту глупую пѣсенку, что пѣла мальчику моему. (Вдругъ плачетъ).

Федоръ Ивановичъ. О чемъ? Не надо плакать.

Анфиса. Я такъ. Вспомнила! Не надо плакать. Ахъ, не надо плакать! Милый ты мой, родной ты мой, моя единая и вѣчная любовь. (Тихо поетъ). Баю-баюшки-баю. Баю (вздрагиваетъ) милую мою. Ты спишь?

Федоръ Ивановичъ. Постой, не мѣшай.

Анфиса. Нѣтъ, больше не буду. Баю-баюшки-баю... Полежи, я потушу лампу.

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, не надо, такъ хорошо.

Анфиса. Я зажгу свѣчу.

Анфиса осторожно встаетъ, Федоръ Ивановичъ остается лежать на спинѣ, глаза его закрыты. Во время дальнѣйшаго разговора, Анфиса гаситъ лампу и зажигаетъ свѣчу, потомъ раскрываетъ перстень и высыпаетъ ядъ въ рюмку, руки ея слегка дрожатъ.

Федоръ Ивановичъ (сонно). Ну, что же ты? Я хочу спать.

Анфиса. Сейчасъ, мой милый! Я налью тебѣ ликеру.

Федоръ Ивановичъ. Я больше не хочу.

Анфиса. Можетъ быть, выпьешь?

Федоръ Ивановичъ. Ну, иди же.

Анфиса. Сейчасъ.

Осторожно ставитъ рюмку на столикъ около дивана и садится на прежнее мѣсто.

Анфиса. Ты опять видишь его?

Федоръ Ивановичъ. Нѣтъ, нѣтъ, не мѣшай, молчи. Или лучше спой, Анфиса.

Анфиса. Сейчасъ. Выпей только.

Федоръ Ивановичъ. Я не хочу.

Анфиса. Ну одну, только одну. Больше не надо.

Федоръ Ивановичъ. Да не хочу же я!

Анфиса. Выпей! (Поднимаетъ ему руку и почти насильно вставляетъ въ нее рюмку).

Федоръ Ивановичъ. Какая ты нелѣпая. (При-

поднимается на локтѣ, говоритъ лѣниво). Зачѣмъ ты мнѣ помѣшала, Анфиса? Мнѣ было такъ хорошо. Который часъ? Значитъ ѣдемъ?

Анфиса. Ну, пей же, пей.

Федоръ Ивановичъ. Сейчасъ. Я и забылъ сказать Ивану Петровичу, чтобы онъ приходилъ пораньше. Онъ, кажется, хотѣлъ въ одиннадцать.

Анфиса. Боже мой, да пей же!

Федоръ Ивановичъ. Что ты? Сейчасъ я же тебѣ сказалъ. (Подозрительно вглядывается въ Анфису). Постой, глаза... Покажи глаза! А-а-а-а-а! Съ ужасомъ смотритъ въ остановившіеся глаза и въ то же время, продолжая начатое движеніе, подноситъ рюмку ко рту и пьетъ. Вскакиваетъ, какъ бы поднятый чудовищной силой, задыхаясь и хрипя, дѣлаетъ нѣсколько странныхъ скачковъ по комнатѣ, въ одинъ изъ которыхъ чуть не сбиваетъ съ ногъ Анфису и падаетъ мертвымъ. Анфиса смотритъ, защищаясь вытянутыми впередъ руками и, когда Федоръ Ивановичъ падаетъ,—отбѣгаетъ въ дальній уголъ. Дико съ надрывомъ кричитъ, какъ только можно кричать въ пустомъ домѣ.

Въ темныхъ дверяхъ показывается старуха; цѣпляясь за притолку, добирается до кресла и садится въ него.

Молчаніе.

Бабушка. Умеръ, да?

Анфиса. Кажется, умеръ. Я не знаю. Я боюсь подойти.

Бабушка. Такъ, такъ. (Подходитъ и смотритъ). Прикрыла бы ты его. Нехорошо такъ.

Анфиса. Я не знаю, чѣмъ. Если бы гдѣ-нибудь найти простыню. Но я боюсь подойти.

Бабушка (садится на прежнее мѣсто). А ты въ чемоданѣ посмотри, въ чемоданѣ посмотри. Его чемоданъ?

Анфиса. Его. Въ чемоданѣ должно быть есть. Вотъ.

Быстро накидываетъ на мертвеца простыню, но разошедшіяся ноги и одна желтая рука остаются открытыми.

Бабушка. Мышьякомъ.

Анфиса. Нѣтъ, ціанистый калій.

Бабушка. Такъ, такъ. Не знаю, не слыхала. Который часъ?

Анфиса. Не знаю. Часы у него въ карманѣ. (Лязкая зубами). Бабушка, мнѣ страшно!

Бабушка. Такъ, такъ. Ну и страшно, ну и страшно.

Анфиса (лязкая зубами). Бабушка, мнѣ страшно. Что же дѣлать? Что же дѣлать?

Бабушка. Такъ, такъ. Нечего дѣлать, все сдѣлано. Молчи.

Обѣ женщины сидятъ и неотступно смотрятъ на бѣлое пятно простыни. Въ сумракѣ кажется, что оно шевелится. Свѣтаетъ.

Занавѣсъ.

	Цѣна р. к.
Лит.-худ. альманахи кн. I.	1 —
„ „ кн. II.	1 —
„ „ кн. III.	1 —
„ „ кн. IV.	1 —
„ „ кн. V.	1 —
„ „ кн. VI.	1 —
„ „ кн. VII.	1 —
„ „ кн. VIII.	1 —
„ „ кн. IX.	1 —
„ „ кн. X.	1 —
„ „ кн. XI.	1 —
Сѣверные сборники кн. I. (2-е изд.) (распродано).	1 —
„ „ кн. II—III.	1 50
„ „ кн. IV.	1 20
„ „ кн. V.	1 —
„ „ кн. VI.	1 10
Собр. соч. Кн. Гамсуна т. I.	1 25
„ „ „ „ т. II.	1 —
„ „ „ „ т. III.	1 25
„ „ „ „ т. IV.	1 25
„ „ „ „ т. V.	1 25
„ „ „ „ т. VI.	1 25
„ „ „ „ т. VII	1 40
„ „ „ „ т. VIII	1 25
„ „ „ „ т. IX.	1 —
„ „ „ „ т. X.	1 25
„ „ „ „ т. XI.	1 25
„ „ „ „ т. XII	1 25
Сборн. соч. Г. Д. Уэлса т. I.	1 25
„ „ „ т. II.	1 25
„ „ „ т. III.	1 25
„ „ „ т. IV.	1 25
„ „ „ т. V.	1 25
Сбор. соч. Г. д'Анунціо т. I.	1 25
„ „ „ т. II.	1 25
„ „ „ т. III.	1 25
Сбор. соч. Леонида Андреева т. V	1 25
„ „ „ „ т. VI	1 25
„ „ „ „ т. VII	1 25
Сбор. соч. Бориса Зайцева кн. I (изд. 3-е)	— 50
„ „ „ „ кн. II	1 —
Сбор. соч. С. Сергѣева-Ценскаго кн. I.	1 —
„ „ „ кн. II.	1 —
Сбор. соч. Ѳедора Сологуба:	
Мелкій бѣсъ. Романъ. Изд. 5-ое.	1 75
Тяжелые сны. Романъ. Изд. 3-ье	1 75

	Цѣна. р.	к.
Книга разлукъ. Разсказы (распродано).	1	—
Книга очарованій. Разсказы.	1	—
Политическія сказочки. (распродано).	1	30
Леонидъ Андреевъ Царь голодъ	1	—
„ „ Анатэма	1	—
В. Муйжель. Разсказы	1	—
Маркъ Криницкій. Разсказы	1	—
К. Ковальскій. Разсказы	1	—
Г. Чулковъ. Разсказы	1	—
Шаломъ Ашъ. Разсказы	1	—
В. Ропшинъ. Разсказъ (распродано).	—	50
Анатоль Франсъ. Островъ Пингвиновъ	1	40
Октавъ Мирбо. Путеш. въ автомобилѣ (распродано).	1	25
Байронъ. Каинъ	—	75
Ил ада Гомера. Въ пер. Н. Минскаго Изд. 2-ое.	1	25
К. Д. Бальмонтъ. Птицы въ воздухѣ	2	—
К. Д. Бальмонтъ. Зеленый вертоградъ	2	—
Андрей Бѣлый. Пепелъ	2	—
Евг. Тарасовъ. Земныя дали	—	60
Сборникъ. Ссыльнымъ и заключеннымъ.	1	—
Сборникъ. Италіи	1	—
Сборникъ. Книга о театрѣ.	2	—
С. Рафаловичъ. Отвергнутый Донъ-Жуанъ	—	60
С. Рафаловичъ. На вѣсахъ справедливости. (Романъ).	1	50
Франкъ Ведекиндъ. Т. I (пьесы)	1	20
Франкъ Ведекиндъ. Т. II (пьесы)	1	25
Франкъ Ведикиндъ.. Пробужденіе весны (распродано)	—	60
Ал. Блокъ. Три пьесы	1	20
Евг. Чириковъ. Марія Ивановна. Комедія (распродано).	—	60
С. Найденовъ. Хорошенькая. Комедія	—	60
Л. Андреевъ.Жизнь Человѣка. (распродано).		
Г. Гауптманъ. Потонувшій колоколъ	—	65
Обри Бордслей. Альбомъ. (распродано).	2	—
Александръ Бенуа. Гойя	2	—
А. Серафимовичъ. Дѣтскіе разсказы	1	—
А. Ремизовъ. Морщинка. Сказка.	—	50
К. Марксъ. Къ критикѣ пол. эк.	—	90
К. Каутскій. Античный міръ, іудейство и христіанство	2	—
Г. Плехановъ. Чернышевскій.	3	—
А. Луначарскій. Религія и соціализмъ Т. I.	1	50
А. Луначарскій. Религія и соціализмъ Т. II. (печат.).		
А. Луначарскій. Три кадета. (конф.)	—	40
А. Лабріола. Рефоризмъ и синдикализмъ. (кнф.).	1	—
Г. Легарделль. Революціонный синдикализмъ	—	40
Іозефъ Петцольдъ. Введеніе въ философію чистаго опыта	2	—
Іозефъ Петцольдъ. Проблема міра	1	—
Парвусъ. По тюрьмамъ	—	75
Н. Троцкій. Туда и обратно	—	60
А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. Побѣдоносцевъ.	—	50
А. Луначарскій. Пять фарсовъ	—	40

15-

С 1. 1. 1961 года
цена 1 р. 50 к.

КНИЖНАЯ
ЛАВ
ЛИТФ
ССС

№ 2839
Цена 15-
Дата 10/60

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 114002097